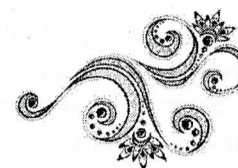

Раиса Кириллова

*Зигзаги жизни
и
Чудинки моих родных*

2015 г.

Кириллова Р.П. Зигзаги жизни и Чудинки моих родных. Рассказы.
– Сибай: ГУП РБ «Сибайская городская типография», 2015. -154 с.

© Кириллова Р.П., 2015
© ГУП РБ «СГТ», 2015

МАРЧЕНЯКОВА РАИСА ПАВЛОВНА, родилась утром 10 мая 1935 года в сельской больнице. Родные рассказывали, что я была маленькой, и отец мой, Павел Антонович говорил: «Умещалась на ладони». Я была такая беленькая, что сотрудники больницы прибегали посмотреть на меня. Была я очень крикливая, кричала и день и ночь, спать никому не давала. Нянчили меня по очереди. Иногда к себе меня забирала бабушка Дуся – мать моей мамы, чтобы моя мама Александра Николаевна отдохнула и поспала. Цыганка маме сказала, что я буду кричать до 11 месяцев, так и получилось.

Когда я подросла, знакомые спрашивали у моих родных: «Это та самая, которая всем спать не давала?». А мне почему-то было очень неудобно и стыдно. Хотя в этом крике я была не виновата. Ну, конечно, всего этого я не помню, это мне рассказали родные. Я себя помню, наверное, лет с пяти.

* * *

Маленькой я жила у бабы Дуси (мамы моей мамы) в г. Челябинске. Бабушка тогда жила в бараке, за водой ходила к колонке. Обычно я с ней не ходила. Но через некоторое время мне становилось скучно и казалось, что бабушки очень долго нет. Я бежала к этой колонке, и почему-то я там не находила бабушку. Назад я дорогу знала, но бараки были все одинаковые, и я не находила свой. Но всегда добрый человек вёл меня к моему барaku и вручал меня бабушке. В это время я была рыжая. Рыжие волнистые волосы, голубые глаза в рыжих ресницах, и одевали меня в желтенькое платьице. Настоящий одуванчик. Свои такие путешествия я совершала неоднократно, а зачем – не знаю.

Вспоминая эти свои путешествия к колонке, у меня возникает такое чувство, что всё это было как во сне или в сказке.

* * *

Интересный случай произошёл со мной ещё до поступления в школу. Мне было лет пять с половиной. Летом я жила у тётки Васёны (это сестра моего отца) в бригаде. Она там была поваром. Бригадой, в советское время называли место, где весной и осенью жили комбайнеры, трактористы и другие люди, которые работали на посевной или уборке урожая. Домой они не ездили. Это были помещения, находящиеся в 15-20 километрах от центральной усадьбы. Условия быта были хорошие, даже баню им готовили каждый день. Вот в такой бригаде моя тётка работала поваром и брала меня с собой. Тётка Васёна любила меня и называла Раечкой. Мне в бригаде очень нравилось. Все оказывали мне внимание. Они приносили мне разных птичек, цветы или просто необыкновенно красивое яичко птицы.

Тётка Васёна за продуктами ездила на центральную усадьбу, как тогда говорили, на склады. Ездила она на телеге, запряженной лошадью и я, конечно, с ней. Однажды мы остановились на полянке, где росли ягоды. Тётка не могла задерживаться, а я так хотела ягод. Я уговаривала и умоляла тётку оставить меня здесь на полянке и забрать меня на обратном пути. Тётка не выдержала и, наказав: «Ты, Раечка, никуда не уходи с этого места, иначе потеряешься», – оставила меня. Я легко на это согласилась, а сама, на всякий случай, запомнила в какую сторону поехала тётка. Ага, вот дерево стоит большое – тётка поехала в ту сторону. Я побыла какое-то время на этом месте, и стало мне скучно и даже страшновато. И я решила идти в ту сторону, куда поехала моя тётка. Я даже не пошла, а побежала.

Умом я как-то сообразила, что мы можем разойтись и мне нужно спешить, тем более тётка заезжала не на один склад, а на несколько. Бегу и думаю: «Надо побыстрее». Что будет, если я тётку не найду, я даже боялась думать.

Забегала в поселок. В один склад – тётки нет, в другой, там тоже нет, наконец в третьем увидела её. Она стоит ко мне спиной и кому-то говорит, что ей надо спешить, она девочку в поле оставила. Я тихонько: «Тётя, тётя Васёна», она обернулась и чуть не упала. «Ой, батюшки, ой, матушки! Ты откуда взялась?! А если бы мы не встретились?!» – ругала меня тётка. А у меня что-то внутри случилось – мне стало так легко и хорошо. Спокойно.

* * *

Нас было трое у моих родителей, я – Рая, потом Нина и Фая. Были мы дружные, вместе играли, мы же были погодки, как в народе говорят. Родители нас любили. Отец наш был на все руки мастер. Он был шофер по специальности, а ещё рыбачил, охотничал. Сам вязал сети для рыбалки, набивал патроны для охоты, ставил какие-то ловушки зимой, чинил нам всем валенки, и своими руками делал дратву. Мама тоже была рукодельница. Она вязала всем носки, шали пуховые на продажу, умела выбивать на машинке и выбивала на заказ. Вязала на коклюшках. Сама шила нам платья, отцу трусы. Как закон было новое платье к 1 сентября и на 1 мая. Маленьким нам мама шила бурочки. Такие сапожки из материала с простёжкой из овечьей шерсти. Бурочки были лёгкие, тёплые. Мы их носили дома зимой – пол был холодный.

Мама выращивала гусей. Много. Их она возила на продажу в г. Челябинск, старалась к Новому году. Раньше было принято гуся жарить на Новый год. Жили мы в квартире из двух комнат. В одной – отец и мать, а другая

была кухней и нашей спальней. Здесь были сделаны лавки (сиденья вдоль стен кухни). Под ними стояли гнёзда для гусей. Гусыни заходили домой и садились в них, несли яйца. Каждая гусыня знала своё место. Потом они садились парить – то есть выводили гусят. Время от времени они вставали и шли на улицу в туалет. При этом они очень громко кричали, не давали нам спать. Да и ещё от них был такой неприятный запах, что я не люблю гусей всю жизнь. Гусят маленьких надо было пасти, караулить, чтобы их не украли коты или беркуты. Эта работа была нудная, и мы её не любили. Потом, поздней осенью, мама с подругами гусей забивали, тербели, из пуха гусяного делались подушки и перины, на которых спали. Позже стали шить и одеяла из пуха (немцы научили).

Мама обязательно ещё где-то работала, то в больнице, то на маслозаводе. Кроме того, родители держали хозяйство: корову или двух, телят, овец. Осенью собиралась группа женщин и обязательно хоть один мужчина, гнали скот своим ходом в Челябинск на продажу. Жили мы тогда в Фёдоровском районе Кустанайской области. Это на границе с Россией. В Казахстане. Вот отсюда и гнали скот на продажу.

Большую изворотливость проявляли родители, чтобы нас прокормить, одеть, обуть. Сейчас я вспоминаю то давнее время и понимаю, как много работали родители. Они всегда были в работе.

* * *

Начало войны. Мы только переехали в новый дом, мне он казался большим, и мы ещё ничего не успели поставить – даже кровати, – и все спали на полу. Ночью или рано утром, я услышала громкий, тревожный стук в окно. Стучала мамина подруга. Я проснулась. Она стучала и

кричала: «Шура, война! Война!». Даже мне от этого крика стало на душе тревожно.

Отца забрали, как тогда говорили, на сборы. Мама плакала. Все вокруг плакали, и со всех сторон слышалось: «Война! Война!» И разговор шёл о том, победим мы (Россия, русские) или нет. И так мне эта тревога вошла в душу, что я решала загадать сон: «Пусть мне приснится сон: победим мы или нет». Я тогда ещё в школу не ходила. И снится мне: много-много людей. Односельчане и я с ними сидим где-то, и перед нами открытая книга. Книга эта – букварь. Вдруг на одной его странице появляется голова волка, а кто-то взял и отрубил эту голову прямо на уровне страницы. Когда я проснулась, я поняла так, волк – это враг, ему отрубили голову – значит мы победим. Но, почему-то я подумала и решила не рассказывать этот сон никому. И все годы войны, я, ложась спать, повторяла про себя сон, чтобы его не забыть. А своей маме и знакомым говорила: «Я знаю, мы победим». Сколько раз мне хотелось рассказать мою тайну, но я держалась, молчала и, как мне казалось, многозначительно говорила: «Мы победим».

И вот кончилась война. Я помню этот день. Я пошла в школу. Было прохладно, и бабушка моя укрыла мои плечи своей пуховой шалью. В школе нам сказали: «Дети, идите домой. Кончилась война». Все плакали и обнимались, радовались. На душе стало как-то тревожно-радостно. Моя мама пошла на площадь города (мы тогда жили в Челябинске, у родителей мамы). Там был митинг. Весь город собрался. Люди плакали, обнимались, радовались, ликовали. Был салют. И все проклинали Гитлера.

* * *

Вот с этого времени мы стали ждать возвращения отца. Он вернулся домой, по-моему, осенью 1945 года. Когда

ему вернуться — я почувствовала. Свое платье вывернула на правую сторону и повесила на спинку кровати, подумав: «Отец постучит, я сразу надену платье и выскочу первая его встречать». Никому ничего не сказала — ни маме с бабушкой, ни сёстрам. Я отца сильно любила. Вот ночью я слышу стук, и голос бабушки: «Кто там?». Я надеваю платье, выскакиваю к отцу и вешаюсь ему на шею. Я была почти первая. Сколько тут было радости — не описать. И тут я вспомнила свой сон про волка и давай его рассказывать. Ведь отец дома, война кончилась, и можно сон рассказать. Но взрослые люди не поняли меня, я думала, они будут удивлены, поражены, будут расспросы, как, что и какая я умница. Но ничего этого не было. Они, видимо, мне не поверили. Я сильно была разочарована поведением «глупых», непонятливых взрослых. Такой сон! И сколько я его хранила в тайне!

* * *

Всю войну мы жили в Челябинске, у родителей мамы, то есть у бабы Дуси и деда Степана. Когда отца забрали на войну, мама вместе с нами переехала к своим родителям. Я уже училась в первом классе. Сама записалась в школу, когда ещё жили в посёлке. Хотя я очень не смелая от природы, в школу хотела очень. Пошла и записалась в первый класс. Мы часто были дома одни до позднего вечера. Часто вспоминаю, как мама собирала посылку отцу на фронт: вареники с двумя пальцами, носки шерстяные, портянки и разную сдобу — мучные сдобные изделия, считалось, меньше портятся в посылке. Все женщины поселка посылки собирали, а в деревне остались одни женщины, дети да старики.

Мы переезжали в Челябинск весной, ещё было прохладно. Сидели в кузове грузовой машины. Одну перину мама постелила вниз, усадила нас, а другой закрыла. Так

мы и ехали. Ночевали в пути у добрых людей, которые укладывали нас в самое тёплое место, кормили. Так и доехали до города Челябинска. Там мы жили в доме на три хозяина. У нас было две комнаты, небольшой участок земли.

В Челябинске я опять пошла в первый класс, потому что мама потеряла мои документы о том, что я училась в первом классе. Вот мы с младшей сестрой вместе стали первоклашками. Ещё и в целях экономии — учебники, тетради были очень дорогие. Сумка у нас была сшита из холстины. Я ходила в первую смену в школу, а Нина с этими же учебниками — во вторую. Как я уже писала, дом наш был на три хозяина. У каждого хозяина было по две комнаты и небольшой участок земли. Дед Степан пристроил к нашим двум комнатам сенцы и веранду. Летом спали на веранде всей семьёй прямо на полу — в доме было очень жарко. Мы с соседями держали одну корову на две семьи. Одну неделю она была у нас, другую — у соседей. Мы её доили, кормили, летом пасли. На зиму дед готовил сено. У нас был во дворе сарай небольшой с сеновалом наверху, там и хранили сено. В сарае держали двух поросят, и надо было, чтобы не было запаха и крика их, потому что поросят не разрешали в городе держать. Молоко продавали на базаре и покупали хлеб. Хлеба всегда не хватало. Бабушка выращивала огурцы, помидоры и ещё мак. Он очень красиво цвёл. Был он простой и махровый. Огород поливали водой из колодца. Колодец выкопали сами во дворе.

Копали вручную дед с мужчинами, а женщины выносили землю, камень и высыпали на дорогу. Так и выкопали до воды. Потом дед поставил сруб с приспособлением для подъёма воды из колодца. Воду наливали в бочки. Потом, когда она согреется, поливали огород. Туалет был во дворе, а мыться раз в неделю ходили в городскую баню. Там всегда была очередь. Стоять надо было не один час. В бане бы-

ли для одежды ящики с номерами. Банщица закрывала их на ключ. На каждом ящике стоял железный тазик с таким же номером. Мама всю войну проработала охранником военизированным на мельзаводе. Там мололи зерно на муку. Она почти с каждого дежурства приносила немного теста. Бабушка пекла нам из него очень вкусные и белые лепёшки. Продукты все были по карточкам. В школе тоже давали продукты. Даже летом мы получали батоны и простой хлеб.

* * *

Когда нас мама перевозила в Челябинск, мы все очень простыли. У меня везде пошли чирьи, особенно на глазах, а на руках-то пошли нарывы. У сестры Фаи большой нарыв был на виске головы. Лечили нас дома. Не знаю, почему нас не водили к врачам. Особенно мучилась Фая, она даже спать могла только на карачках. Бедное дитё. Мне до сих пор страшно вспоминать про это. У неё на виске остался шрам. Когда нарыв прорвался, все были рады - и мы, дети, тоже. А мои чирьи соседка заговаривала, и они и вправду прошли. За лето мы отогрелись, всё постепенно пришло в норму.

* * *

Осенью мы с сестрой Ниной пошли в школу, и у нас началась новая жизнь, ну, у меня точно «новая жизнь». Мне в городе как-то всё не нравилось, мне было, как сейчас выражаются, не комфортно. В той, деревенской, школе меня все любили, я участвовала в художественной самодеятельности. Очень любила танцевать. Такая худенькая и лёгкая была в первых рядах на танцах. Называли меня в отличие от другой Раи «маленькая Рая». Годы в школе города оставили у меня в душе гнетущее впечатление. Меня обижали. Один случай помню хорошо. Вдруг меня вызы-

вают в учительскую, да ещё велют взять мои рукавички - их нам вязала бабушка. Я взяла рукавицы и пошла в недоумении в учительскую. Захожу. Там девочка стоит. Ей показали мои рукавицы, она говорит: «Нет, не такие». И тут я поняла, что меня подозревают в воровстве. От обиды я потеряла дар речи. Одна мысль, что меня подозревают в воровстве, меня убивала. Я ушла домой. Дома мне было плохо, я много плакала и всё рассказала бабушке. Я заболела. Всю ночь была в бреду. Мне снилось, что на меня наваливали кучу одеял и что-то другое очень тяжёлое. Бабушка отпаивала меня чем-то сладким. В школу я, по-моему, не ходила несколько дней. А бабушка, спасибо ей, пошла и, наверное, она что-то там сказала. После многих уговоров я пошла всё-таки в школу. Не помню ни друзей, ни подруг.

* * *

Когда отец вернулся с фронта, то увёз нас всех в деревню, в новый совхоз. Он назывался «Кен-Аральский», где мы пошли с Ниной в школу и сели за одну парту.

Почему-то мама одела нас в шёлковые платья, желтого цвета, одинаковые. Эти платья были летние, с коротким рукавчиком и разными рюшками у ворота, на подоле. Была зима. Мы были в валенках, конечно, и простых чулках. Они (чулки) тогда были страшного коричневого цвета. Мы, наверное, производили, по сегодняшним меркам, довольно странное впечатление. Ну, в то время некоторые одевались ещё хуже. Мы с Ниной сидели за первой партой ряда, и многие дети, особенно мальчишки, прибегали на нас посмотреть. Одежды тогда, особенно в деревнях, приличной купить (тогда говорили, достать) было очень трудно. Хорошо ещё, что наша мама любила модные вещи, шила нам сама и платья, и шаровары, кофточки из фланели для зимы. Мама эти кофточки называла толстовками. Вот

так мы и ходили, и, наверное, если сейчас так одеться, люди, думаю, смеялись бы. А тогда это была норма. Трикотаж не было, по крайней мере, мы о нём не знали, но мама старалась нас одевать прилично. Помню, ещё во время войны Фая, вставая утром, спрашивала: «Какое мне платье надеть: из мешка или из полотенца?»

Почему возникал такой вопрос? Мама одно платье ей сшила из полотенчика, другое – мне, из холстины. Нам мама шила сама школьную форму, а Фая в школу не ходила, поэтому её одевали попроще.

Мама часто ездила в Челябинск и видела там новинки моды и старалась, как могла сшить нам что-то такое, похожее на то, что она видела. Порой это приводило к казусам. Как-то мама заказала какому-то деревенскому мастеру сшить из сине-голубого драпа для меня и Нины зимние пальто. Сшиты были хорошо, и чувствовала я себя очень комфортно в обновке. К пальто мама сшила нам шапочки из такого же материала, спереди с отделкой из меха, а верх был сделан в виде двух ушек. Одноклассники стали дразнить нас овчарками. Они бежали за нами – мальчишки – и кричали: «Овчарки, овчарки». Но шапочки были тёплые и уютные, и мы их с удовольствием носили. У мамы был вкус и тяга к модным вещам. И это всё передалось нам, трём её дочерям. В дальнейшем, когда мы уже сами зарабатывали, мы были заметные и неординарные, интересные женщины-девушки. Мы все трое очень много читали, обязательно смотрели кино, интеллект у нас был высокий. Но об этом подробнее попозже.

* * *

Итак, мы переехали в «Кен-Аральский» и стали там жить. Родители работать, мы – учиться. Вначале мы разместились в землянке. В ней уже жила семья – женщина и

дети. Мы – в комнате с земляным полом. Мама застелила его мешками. Вскоре та семья уехала, и мы остались одни в этой землянке. Мало что помню я об этом периоде. Но один случай расскажу.

У меня и Нины появились подруги Дуся Береговская, Надя Немченко, Зоя Савицкая. Это все, кого помню. Их, конечно, было больше, подруг. Один мальчик нас, девочек, обижал очень часто, и мы решили его проучить. Совет дала моя подруга Дуся – она давала советы мне мудрые и разумные и в дальнейшем. Так вот. Этот мальчик проходил всегда мимо нашей землянки. На другой стороне улицы жили его родственники, как раз напротив нас. Вот мы, девчонки, собрались у нас, приготовили длинные талинки (этой талой зимой топили печь), спрятались в сенцах, и когда он шёл мимо нас, мы все дружно выскочили и давай его лупить и кричать. Он испугался и забежал к своим родственникам. А мы так расхрабрились, что ходили, заглядывали к ним в окна, ждали, когда он выйдет. Хорошо, что у него хватило ума не выйти, а на следующий день мы утомонились. Больше этот мальчишка нас не обижал.

В этом посёлке я прожила до окончания седьмого класса. Учились мы хорошо, как сегодня говорят, были хорошистами. Фаю забрала к себе жить баба Дуся, а я и Нина остались у родителей и учились. Спали мы с ней на одной кровати, укрывались одним одеялом. Вскоре мы ушли из землянки – отцу с матерью выделили другую квартиру, но она тоже была небольшая – две комнаты. Правда, очень большая кухня. Она была и нашей детской спальней. Дом был большой, поделён на комнаты. Жили там семьи три или четыре. В этом доме я прожила до окончания седьмого класса. Может, и ошибаюсь, потому что потом у нас была уже трёхкомнатная в двухквартирном доме, были две комнаты и кухня, небольшая веранда.

* * *

Дом, в котором мы жили, когда переехали из землянки, был очень холодный, пол - ледяной. Чтобы как-то его утеплить, отец с матерью сделали завалинку — такую насыпь по стенам дома снаружи. У нас были большой сарай, сеновал, погреб, держали большое хозяйство: коровы, телята, овцы, свиньи, куры и, конечно, мамины любимые гуси. Возле нашего дома было такое углубление, и оно заливалось водой, и она была в нём всё лето. Мы называли это углубление озерцом. В нём купались мы, пил скот эту воду, купались и плавали гуси. Я и Нина работали по одному месяцу во время летних каникул в совхозе. Мы начали работать после окончания четвёртого класса. Пололи саженцы в лесополосе. Тогда как раз осуществлялся Сталинский план преобразования природы - возле хлебных полей, у дороги садили деревья. Вот эти лесополосы мы, дети, пололи и поливали.

Бригадир за нами приезжал на лошади чуть свет и вывозил нас на работу. Обязательно оставлял нам воду, а питание — у кого что есть. Забирал он нас домой где-то часов в пять. Также было и с сенокосом. Обычно дети копнили, делали из валков травы копны небольшие. Даже один раз мы с Ниной заработали большую телегу сена. На этих работах, конечно, было больше девочек. Было весело, шутили, играли, смеялись. Кушали всегда все всё вместе.

После окончания четвёртого класса, это было в 1949 году, я заболела малярией. Очень неприятная болезнь. Меня трясло, морозило. Мама на меня складывала все одеяла, клала в ноги бутылки с горячей водой, а я не могла согреться. И такое состояние продолжалось несколько часов, вдобавок приступы малярии начинались всё раньше и раньше. В начале был приступ в восемь утра, затем - в шесть, потом - уже в четыре часа. Приступы были через сутки. Я сильно

похудела, выглядела ужасно, лечили меня хиной — это были такие таблетки горькие-прегорькие. Я не умела глотать таблетку целиком (да и сейчас не могу проглотить таблетку целиком), и разжёвывала её. От этого мне было ещё горше. Вот мама и отправила меня к бабушке Дусе в Челябинск, когда мне стало чуть полегче. Чтобы я была подальше от воды, потому что при виде воды мне становилось хуже

* * *

Друзей у меня здесь не было, а надо было чем-то заняться, без дела скучно. Я нашла портреты Ленина и Сталина и давай их перерисовывать. Рисование в школе было моим любимым предметом, и рисовала я хорошо, по крайней мере, учитель рисования ставил мне пятёрки и хвалил меня. Портреты у меня получались. Приехала как-то к бабушке в гости Анна Ивановна — старшая сестра моей подруги Дуси, она в Челябинске училась в пединституте, а художественные книги хранились у бабы Дуси. Вот она посмотрела на мои рисунки и сказала: «Рая, рисуй что-нибудь другое. Ленина и Сталина не надо». И порвала мои рисунки очень тщательно. И ещё раз сказала, чтобы я портреты не рисовала. Ну, я стала рисовать карандашами, конечно, другие картинки — выбирала иллюстрации в книгах и их перерисовывала.

Вскоре это мне тоже надоело. Смотрю, книг много в комнате лежит (это были книги Анны Ивановны), и решила их почитать. Вижу - книги взрослые, чужие, надо бы разрешения спросить, но желание читать пересилило, и я стала читать. Так и познакомилась с произведениями Тургенева, Чехова, Гончарова. Некрасова. Их мы должны были изучать в старших классах. Короче, за лето я прочитала все произведения по программе старших классов. Всё было более менее понятно, но в «Поднятой целине» Шолохова, в

сцене, где Лушка встретила с Давыдовым, было написано, что ей стало легко, я не поняла, отчего. Тогда я подумала, что я читала не внимательно. Давай читать слово за словом. Нет, ничего не выяснила. Я эту страницу на свет смотрела и так, и сяк. Не поняла и решила, приедет Анна Ивановна у неё и спрошу.

Вот Анна Ивановна приехала, улучив минутку, я открыла книгу на этой злополучной странице и попросила объяснить, почему Лушке стало легко. Анна Ивановна засмеялась, а потом говорит: «Вырастешь, узнаешь», - и ничего не стала объяснять. Только спросила: «Ты читаешь эти книги?», я ответила: «Да». Она задумалась, потом говорит: «Ну, читай, если что есть в голове». Короче, она разрешила мне читать свои книги. Наверное, у меня что-то было в голове, я не стала хуже, я стала романтичнее. Все прочитанные книги на меня повлияли в духе романтизма — грязное, плохое проходило мимо. Но мне было в жизни не так просто из-за этого моего романтизма. Хорошо, что рядом были подруги и друзья, и время было тогда другое. Я бы сказала, более справедливое.

* * *

Баба Дуся и ранее меня спасала от болезни. Ещё в раннем детстве, наверное, мне было лет пять, она увезла меня к себе в Челябинск от мамы, спасая меня от кори. Мои сёстры Нина и Фая уже болели корью, и чтобы я не заболела баба Дуся увезла меня к себе. Но я помню, что мне стало плохо уже в поезде. Дома я больная лежала на кровати, за тёмной занавеской и было мне плохо. Но вот мне стало лучше, меня посадили за стол и стали поить чем-то сладким с необычным вкусом. Я отказывалась это пить, а баба Дуся говорила: «Рая, пей, это суслице». Необычное слово заинтересовало меня, и я выпила. И потом ещё пила.

Потом, уже много лет спустя, я поняла — баба Дуся меня поила сладким вином. В народе так лечились — при кори детей поили сладким вином, и когда мои дети болели, я тоже их поила вином сладким.

Я стала выздоравливать, и за мной приехали моя мама, отец и тётя Васёна. Этот эпизод почему-то мне очень врезался в память. Мама, как все женщины, что-то купить в городе, тётя Васёна (сестра отца) тоже. Раньше все вещи покупали в городе, в сёлах в магазинах мало что было. Я пошла с отцом и мамой в магазин, и очень хотела большого медведя, какого видела у девочки в нашем посёлке, и куклу. Её я увидела в витрине магазина. Она сидела на стульчике, и я папе сказала: «Я хочу эту куклу», и он согласился. Тогда везде были очереди, я терпеливо стояла, пока родители всё купили, и, наконец-то, пришла очередь покупать мне медведя и куклу.

Пошли в отдел игрушек, я увидела много медведей, а самый большой был наверху и, наверное, самый дорогой. Поэтому мне всяких медведей показывали, а большого — нет. Говорили, что не продаётся, ну, ещё что-то. Я чувствовала, что это не правда, но смелости сказать об этом взрослым не хватило. Ну, раз так, и никакого медведя не стала брать. Подошла очередь куклу выбирать. Что мне ни показывали, я не соглашалась — дайте мне вот ту, из витрины. Взрослые не могли уговорить меня взять другую куклу, тогда девушка продавщица взяла куклу из витрины и отдала её мне. Когда я её взяла, оказалось, что она не такая, какую хотела я. Но пришлось мне её взять, понимая своим детским умом, что отступать некуда. Мы пошли домой, в душе у меня было смятение, и я была не рада уже этой кукле. Ну, ничего не поделаешь! Пришлось мне смириться, но вывод я сделала для себя — не всегда нужно настаивать на своём.

Я уже взрослая была и многое уже понимала. Мы, дети, учились, ходили в школу, была строгая дисциплина, я, кажется, за все годы учёбы в школе ни разу не опоздала на уроки. Так нас воспитывали. Родители тоже ходили на работу изо дня в день и никогда не опаздывали, и даже не помню, чтобы родители болели. По крайней мере, в детстве, я не помню такого дня, чтобы родители не шли на работу или опоздали. В выходные или в праздники отдыхали.

Весной, как только поляны освобождались от снега, дети и взрослые выходили играть в лапту или другие игры, например, городки. И мои родители, когда мы учились в младших классах, играли в эти игры. На одной поляне играли дети и взрослые. Мама и папа ходили в кино на каждый новый фильм. Мы ходили тоже на все дозволенные детские сеансы. До окончания десяти классов школы мы ходили только на детские сеансы. Мама очень любила кино. Новые фильмы привозили тогда в деревню два раза в неделю. И родители обязательно шли их смотреть. Встречались с друзьями, играли в карты. Было весело. Жили дружно. Люди были добрые.

Вот здесь мне вспоминается мое первое чувство зависти. А всё было так. Фая жила и училась у бабы Дуси в Челябинске, а мы в то время жили в Кен-Аральском, в том доме, где рядом было озеро и перед домом - большая яма. Не знаю, зачем и кто её выкопал. В этой яме лежал большой камень. Вот как-то я выхожу из дома, это было летом, вижу, Фая стоит и разговаривает с учительницей. Я всё вижу это так ярко и необычно, как на картинке. Она стоит и так свободно разговаривает с учительницей, чего я не могла и не умела. На ней были туфли и чулки. И хотя они были коричневого цвета, который я не любила, но как

они на ней сидели! Были натянуты без морщинок. И туфельки показались мне страшно красивые.

Я обратила внимание, в первую очередь, на ноги и на то, как она стояла и свободно разговаривала со старшими. Одета она была в короткое пальто, черное, и из-под него выглядывало платье, тоже короткое. Всё вместе мне показалось очаровательным и сильно красивым. Короче, она была одета по-городскому. У меня появилась зависть и к одежде, и к Фаиной манере поведения. Я в первый раз в жизни испытала зависть, и мне было плохо.

Всё в моей голове так отпечаталось, как какая-то яркая картинка. Было чуть прохладно. Вечер. Полянка перед домом, и на ней Фая в этих туфельках, в туго натянутых чулочках и в пальто. Я всегда обращала внимание на одежду. Этот эпизод я не забыла до сих пор. Прости меня, Фая. Но что было, то было. Наверное, я потом также стала следить за своими чулками, хотя это было трудно. У Фаи был специальный пояс, мы с Ниной такого не имели. Наши чулки держали резинки, сшитые мамой. Они были такие неудобные и резали ноги. Я помню, что я у мамы просила такой пояс, но он у меня появился, по-моему, только в старших классах.

Ещё эпизод из детства. Лето. Моя крёстная моет мне и Нине руки, лицо и собирается нас вести в больницу на прививку. Она мыла нам руки на улице, под умывальником и в конце мытья, как будто руки нам выжимала, такое она движение делала. Одеда нас в голубые одинаковые платья и повела на прививку. Первую в кабинет завели Нину, потом меня, хотя я была старше, наверное, потому, что я была не терпелива к боли - кричала и плакала. Как шли обратно домой, не помню абсолютно, наверное, всё-таки укол я сильно плохо перенесла.

* * *

Моя первая записка, которую я получила от мальчика. Летом мы, дети, обычно спали на улице: или на крыше сарая, или во дворе, где стоял кизяк. Поясню, что такое кизяк. Тогда с дровами и углём были проблемы, поэтому летом мы и все люди из навоза, накопившегося за зиму, делали кизяк, которым потом топили печь зимой. Навоз разбрасывали кругом небольшой толщины. Его топтали или люди, обутые в сапоги, или какая-то животина — лошадь, бык. Они ходили по кругу и топтали этот навоз, навоз поливали водой, с краёв закидывали вилами в середину. Это продолжалось до тех пор, пока масса не была более или менее однородной. В ней было много соломы. Потом брали станки специальные, деревянные и делали кирпичики.

Процесс происходил так. Станок окунаешь в воду — вода стояла в бочке — кладёшь этот станок на специальную деревянную подставку. Станок состоял из двух ячеек. Ячейки были с одной стороны поуже, они были с ручкой. Навоз накладывался в станок, человек ногами утапывал этот навоз в станке, потом брал его за ручки и шёл к месту, где хлопком об землю выбивал кирпичики навоза. Потом всё повторялось. В этой работе участвовала всегда вся семья, и стар, и мал. За день-два эти кучи переделывали в кирпичики. Через несколько дней каждый кирпичик поворачивали на бочок. Они были очень колючие, и руки повреждались, ведь перчаток тогда не было. Потом эти кирпичики складывали в маленькие кучки по три-шесть штук. Когда подсохнут ещё, складывали в большие пирамиды, а затем перевозили домой и складывали в большие, не знаю, как их назвать, кучки.

Вот у нас их складывали в две кучи, между ними было пространство, где стояла наша кровать и спали я, моя сестра Нина и подруга Надя Немченко. Пришла осень, на-

до уходить спать уже в дом, и стали мы втроём убирать постель. Смотрим — какой-то узелок в постели. Надя схватила его и бежать, а мы с Ниной за ней. Убежали от дома к базам совхозным, и там Надя остановилась. Я спрашиваю: «Надя, ты чего убежала?» Она ничего вразумительного не сказала. Развернули этот узелок, там — записка. Стали читать, а записка написана мне, и там была просьба написать ответ на предложение о дружбе и этот ответ положить под камень большой, который лежал у нас перед домом в яме. Я до сих пор не пойму, почему Надя побежала, а мы за ней.

Я, конечно, решила всё рассказать своей подруге Дуся и попросить совета. Дуся, она всегда такая рассудительная, сказала, что не надо отвечать, это было написано давно, и эта дружба не нужна. Я с ней согласилась, конечно, хотя было очень интересно, кто написал. Подозрение у меня было на одного мальчика, который жил в нашем доме. Он был старше меня и так на меня смотрел, что мне становилось жутко страшно и неудобно, я его боялась сильно. Я так и подумала, что это он написал. Из-за его неприятного взгляда, я была рада, что всё прошло стороной.

* * *

Это было, когда я училась в четвёртом-пятом классе, мне было уже лет двенадцать-тринадцать, наверное. На мальчиков мы уже обращали внимание, а они на нас — девочек. Мне в это время, Я поздно пошла в школу, да ещё и потеряла один год при переезде в Челябинск во время войны. Этот возраст мне запомнился многими событиями. Я стала себя ощущать уже по-другому как-то, какие-то изменения произошли в организме. Появились у меня эти самые «критические дни». Я о них ничего не знала, мама меня не подготовила.

Всё произошло так внезапно, и мне стало страшно. Я очень испугалась и сильно ревела, мама еле допросилась, что со мной случилось, когда я ей объяснила причину моего рёва, она сказала, что это будет происходить каждый месяц, по три-четыре дня. Когда она об этом сообщила, я ещё больше разревелась - три дня! Для меня это было ужасно. Эти дни были вычеркнуты из жизни. Всю жизнь я эти критические дни очень плохо переносила - была раздражительная, нервная и вся больная. Чувствовала себя ужасно, да к тому же, в то время не было никаких гигиенических средств, кроме ваты и марли. Но все эти вещи были ненадёжны и ужасны. Чувствовать себя хорошо в этих условиях просто не было сил. Поэтому я себя чувствовала неряхой, неухоженной, ужасной, мне всегда было плохо в эти дни, и радовалась, когда они проходили. Хорошо девочкам сейчас - есть разные прокладки.

Этот период мне запомнился большими переменами, которые произошли внутри меня, в моём организме, и в характере. На всё я стала обращать более пристальное внимание - на людей, на подруг и на саму себя. Короче, я стала взрослеть. Это проявилось в изменении моих отношений с отцом. Я отца очень любила, и он меня. Когда были праздники, родители ходили в гости, и отец выпивал больше чем надо, и часто затевал ссоры и скандалы. Мама приходила и говорила мне: «Иди, Рая, забери отца». И я шла в эту компанию, подходила к отцу и вела его домой. Он меня слушался с одного слова, укладывала его спать. Я жалела отца. После выпивки, он обычно сильно болел, ему было очень плохо. Мама топила ему баню и варила обязательно суп - домашнюю лапшу. Я как сейчас вижу, отец после бани ест с большим аппетитом эту жирную гусиную лапшу, а сам потеет и вытирается полотенцем, рядом хо-

дит мама, ухаживает за ним и ворчит. С этого момента отец шёл на поправку.

Но однажды отцу совсем стало плохо. Он лежал на полу, весь бледный, ему плохо, сердце останавливается. Просит мать сходить за врачом, а она не идёт - поссорились по какому-то поводу, возможно, даже из-за ревности. Мне так стало страшно за отца, что я сама пошла к врачу. Говорю: «Папе плохо», а она не идёт. Что-то говорит, уж я не помню, но неприятное. Я плакала и её уговаривала и даже ругалась. Врач пришла всё-таки и сделала отцу укол. Всё закончилось благополучно. Но из-за этих его выпивок мне отец постепенно стал неприятен, да ещё он маму обижал при этом. Как-то раз он был немного выпивший, подошёл ко мне и хотел обнять, а мне его водочный запах настолько был неприятен, что я его оттолкнула, он чуть не упал. Очень удивился моему поведению, и даже вроде протрезвел. Посмотрел на меня пристально и ушёл. Но с этого момента кончились мои тёплые отношения с отцом, и это длилось очень долго. Он так и не понял меня, и не простил, и я не знала, как поступить, чтобы сблизиться. Вот какое дело получилось странное, необычное. Я стала лучше понимать маму и жалеть её. Вот чем закончился мой переход во взрослую жизнь.

* * *

Взрослая жизнь принесла мне ещё одну неприятность - это веснушки. Они были у меня и раньше, но маленькие и не очень заметные, и только на лице вокруг носа. И вот они стали такие яркие, лопастые. И на лице, и на руках, почти везде, куда попадало солнце. Это меня сильно удивило и расстроило. К тому же я почти не загорала, кожа моя от солнца краснела, получался ожог, и слезила кожа. Так всё лето. Нос у меня постоянно облазил, а не было мо-

ды шляпу носить или панаму. Вот как я мучилась и страдала очень из-за этих ненавистных веснушек. К тому же у меня ещё были и рыжие волосы - густые, волнистые, яркие. Это я сейчас понимаю, что красивые, а тогда и волосы меня расстраивали. Я сильно отличалась своей внешностью. Этакое существо с голубыми глазами.

Мальчишки не проходили мимо, чтобы меня не задеть. Когда шёл мальчишка навстречу, я заранее уже вся сжималась в комочек и ждала обычное: «Рыжая, рыжая, конопатая». Я не знала, что делать. Моя баба Дуся успокаивала меня: «Рая, станешь старше, пройдут они». Но когда это будет? Я же сейчас хотела жить и хотела быть как все, без веснушек. Ждать не было сил, и я давай мазать лицо всякими отбеливающими кремами. Одна верная подруга Дуся успокаивала меня, говорила: «Рая, тебе идёт, ты оригинальна», и на какое-то время я успокаивалась. В душе у меня поселился большой комплекс неполноценности, даже чувство своего уродства. И прошло это только в институте, и не с чьей-то помощью, а как-то в один момент я поняла, веснушки — это моё. Моё отличие, моя оригинальность. Они мои — и всё тут! И перестала обращать на них внимание. И стала жить. Просто жить.

Но я помню один эпизод из-за этих веснушек. Это произошло в городе Челябинске, когда я училась уже, наверное, в восьмом классе. С подругой Надей Немченковой, моей одноклассницей, мы были из одного посёлка. Пошли мы фотографироваться в Челябинске на базар. Подошли к фотографу и сказали ему об этом. Это был мужчина. Он был простой такой и так грубовато говорит, показывая на Надю: «Вот её можно фотографировать, а тебя — нет. Ты сильно рыжая». Я помню своё смтение при этом. Я не знала, как поступить и что сказать этому мужчине. Возле него было два молодых человека, и один из них стал за ме-

ня заступаться, говоря, что веснушки - это прелесть и всё такое. Он меня сильно подбодрил. Но меня удивило поведение моей подруги — она молчала и улыбалась. Я расценила это как предательство. Мне было плохо от этого чувства. Постепенно мы отошли друг от друга.

Этот эпизод с фотографом я, много лет спустя, встретила описанным в одном стихотворении. По-моему, это был какой-то уральский поэт. Два раза в жизни я встречала это произведение и не запомнила автора — всё было так описано, как было со мной. Сейчас хочется найти этого автора и узнать, тот ли это случай или совпадение. Но, наверное, не встречу, а так хочется. Ну, отпустим это желание на волю случая, авось как-нибудь свидимся.

* * *

Мы стали взрослые и посматривали на мальчиков, а мальчики на нас. Каким-то десятым чувством я угадывала, какой мальчик на меня обращает внимание. Но мы были так воспитаны, ничего не позволяли кроме взглядов. Ну, ещё когда играли в комсомольский ручеёк или в третий лишний, этот мальчик нечаянно выбирал меня... Это было как-то необычайно приятно. Да ещё друзья мальчика дразнили девочку его именем, это было так забавно. Помню меня дразнили: «Жук, Жук», а это был мальчик Витька Жук, которому, по-видимому, я нравилась. Но вскоре они уехали, то есть его семья. Его внимание было и приятно, и отпугивало меня от него. Многие девочки заимели своих симпатий. Чудесное время было, искреннее чувство невинности.

* * *

Ещё одна неожиданность пришла ко мне в период взросления. Я заметила, при том очень неожиданно, что я

плохо вижу. А случилось это так. Я и моя подруга Дуся сидели всегда на первой парте, и вдруг в последние дни учёбы в пятом классе нас посадили на последнюю парту ряда. А была контрольная по математике, и, как обычно, учитель писал на доске мелом два варианта - первый и второй. И вдруг я обнаружила, что я не вижу, что написано. Но Дуся продиктовала мне условия задачи и примеры, и я всё решила. Но я запомнила этот случай и теперь уже стала специально садиться на первую парту ряда, поближе к доске. И у меня опять появился новый страх, и стала я усиленно скрывать этот свой недостаток. Дело доходило до смешного или трагичного. Однажды, мама шила что-то и уронила иголку с ниткой на пол и попросила меня подать ей. Я отказалась, мама удивилась и рассердилась. А я просто испугалась - я буду искать иголку, а все будут смотреть (возле мамы были её подруги), как я ищу и не нахожу её. И я отказалась, чем сильно удивила и рассердила не только маму, но и её подруг.

А дальше события развивались интересным образом. Обычно я сидела за первой партой с Дусей, и если я что-то не видела, она мне подсказывала или говорила, что там написано. Когда были контрольные по математике, она мне условия читала, а я записывала на бумагу и решала контрольную. Не знаю, замечали ли учителя это. Наверное, нет. И вот однажды Дуся заболела и не пришла в школу, и я не решила контрольную по математике. Весь урок я что-то чиркала на листке, а контрольную я не могла решить, из-за того, что я не видела, и не могла прочитать условия задачи и примеры. И вот пошло такое совпадение, если Дуся в классе, то я делаю контрольную, а если её нет - я не решаю. Уже стали поговаривать, что это Дуся мне решает контрольные. Учителя удивлялись, а я упорно молчала, что со мной происходит. Наконец, учитель математики догадался, видимо.

В один из дней Дуси нет, я черчу разных чёртиков в тетради, и вдруг подходит учитель к моей парте и молча кладёт листок. Я беру и смотрю, это был мой вариант контрольной работы. И с этого дня, мне учителя стали как-то помогать, поняв, что я не вижу, что написано на доске.

Они молча давали мне листочки, где было написано задание. И сказали моим родителям, что я не вижу. Родители очень удивились и не поверили, и стали спрашивать у меня, так ли это. Скрепя сердцем, я сказала, да, не вижу и заплакала. Я сразу выплакала все свои сомнения и страхи, и мне стало даже легче, что все всё знают. Стала я носить очки. И ещё одно прозвище прицепилось - Очкарик, поэтому очки я носила только в школе, а на улице была без них. Очки я стала носить только тогда, когда я пошла учиться в восьмой класс, а в восьмом классе я жила и училась в Челябинске.

* * *

Итак, наконец-то мы закончили семь классов в своём совхозе «Кен-Аральский». Даже смутно помню, что-то было вроде выпускного вечера. Вина не было, конечно. Покупали, чай попили, нас поздравили учителя, раздали табели - и всё. Не так как сейчас - платье, вечер, танцы. Ничего этого не было, и платья не было. Мама решила, чтобы в восьмом классе мы учились в городе. Она всегда говорила: «Девки, приданного я вам не дам, а высшее образование дам». И нацеливала нас на учёбу. Это была цель наших родителей, они хотели для нас лучшей жизни и более лёгкой.

Фая, наша младшая сестра, уже жила у бабушки в Челябинске и училась там. Теперь мы все трое оказались в этом городе. Бабушка жила в доме, я и сейчас помню адрес: улица Сосновская, дом тридцать четыре. У бабушки было всего две комнаты - спальня и кухня, а ещё дед Сте-

пан пристроил, как тогда называли, сенцы и веранду. На веранде летом спали, потому что в доме было жарко. В Челябинске я пошла в школу номер семнадцать — это была женская школа, то есть в этой школе были одни девочки. Было какое-то время в Советском Союзе, когда мальчики и девочки учились в разных школах. Как раз в эти годы изменилось положение, школы стали смешивать, но вот семнадцатую оставили женской.

Нину бабушка записала в школу номер двадцать семь, которая была почти рядом с моей школой. Раньше двадцать седьмая была мужской, а тут стали смешивать, но девочек было мало. Нина училась в классе, где было всего три девочки. Потом не помню, как ситуация менялась, а в восьмом классе было так.

Я была очень стеснительна и поэтому выбрала школу номер семнадцать, может какая-то другая причина была, не помню. В ней я проучилась три года. С классом как-то у меня отношения не сложились. Я сидела одна за первой партой среднего ряда, из-за того, что плохо видела, и в течение года никто не сел рядом со мной. Было очень трудно в новой обстановке без родителей, без подруг. Мне лично было очень плохо в этом городе, я скучала по своей деревне. Одеты мы были хуже, чем городские девочки — у меня была школьная форма, но цвет не устраивал мою классную руководительницу. Она была рыжего цвета, правда сшита на заказ, мама почему-то не купила мне другого платья, и мне было неудобно от этого, да и ещё классный руководитель делал замечания по этому поводу.

* * *

Три года учёбы в школе для меня были кошмаром, дурным сном, который никак не проходит. Училась в Челябинске и моя подруга Дуся Береговская и жила у своей се-

стры Анны Ивановны, учительницы русского языка и литературы. От нас далеко, на ЧТЗ. Мы виделись с ней крайне редко. Вот я пришла в восьмой класс. Все уже знают друг друга, а я — новенькая. Рыжая деревенская девчонка, не смелая очень. Хорошо ещё, что я была не глупа, в учёбе не отставала от городских, а литературу я знала лучше всех — я же много читала, и все произведения, которые мы изучали, мне были знакомы. Я поняла, что все они изучаются по одной схеме, роман или драма, далее сюжет, язык произведения, идея и т. д. Произведения я знала, и приводила свои примеры языка, и другие темы из произведения, а не из учебника. Мне даже учительница русского языка и литературы поручала прочитать доклад на классном часе о каком-нибудь писателе, я с удовольствием эту работу делала.

Я была записана в трёх библиотеках: в школьной, районной и городской. Всё свободное время я читала. Читала много. Обычно, перед произведением печатались сведения об этом писателе, о его произведениях. Этим я не пользовалась, брала много дополнительной литературы и к докладу готовилась тщательно и с удовольствием. Учительница литературы Лидия Михайловна Фишер уважала меня.

Помню такой случай. Прихожу в школу, захожу в класс, одноклассницы — ко мне: «Расскажи заданный материал». А было задано: критическая статья Белинского о каком-то произведении. Я в ужасе сознаю, что я забыла, не учила и сказала об этом своим одноклассникам. Схватив учебник (до звонка осталось, наверное, минут пять), я погрузилась в изучение этой статьи. Я так старательно изучала, всю свою энергию направила на запоминание, особенно цитаты, остальное я знала и понимала. Тогда надо было обязательно говорить наизусть цитаты. Как-то я быстро всё запомнила.

Начался урок. Кто пойдёт отвечать? Никто. В такие моменты меня вызывали обязательно, так получилось и в этот раз. Я вышла и всё отчеканила, будто я учила весь день. Законная пятёрка. А мои одноклассницы после урока подходили и говорили: «Вруша. Говорила, что не учила, вруша». Тогда я поняла, что девочки ничего не читают и ничем не интересуются. А мальчиками уже интересовались. Я презирала таких девчонок. Ни с кем не сблизилась, да и не стремилась. Но я им тихо мстила. Класс собирается идти в музей. Все идут, я тоже иду, но только в другое время, отдельно от них. Учительница спрашивает: «Почему ты, Рая, не была в музее. Не ходила?» — «Я ходила, только в другое время». Взрослые, наверное, понимали мой протест и ничего не говорили. На то они и взрослые, да ещё учителя.

* * *

Училась я хорошо, но в восьмом классе у меня было плохо с физикой. Какая-то тупость на меня напала. Учитель физики был мужчина. Или он плохо объяснял, или что-то другое, но весь класс боялся этой физики, и я в том числе. Мои дела были настолько плохи, что встал вопрос о допуске меня к экзаменам по физике. Не знаю, что со мной произошло, но допуск к экзаменам я получила. Бабушка и родители ничего не знали о моих затруднениях, и никто не знал об этом ничего. Я взялась сама себя вытаскивать.

На подготовку давали много дней и решила разобраться в этой физике. Начала с первой страницы учебника. Выучила все формулы, а самое главное — перевод из одних единиц (не помню каких) в другие, и вдруг у меня открылись глаза. У меня замерло сердце — я осознала, что физику поняла. Тогда к каждому билету были даны задания — решить задачу. В одном лёгкую, в другом — более

трудную. Стала решать задачи с упоением — неужели и вправду я поняла физику? И, невероятное — ответы сходились. Воодушевлённая удачей, я стала решать задачи одну за другой, и решила все, кроме одной. В душе у меня было ликование: «Поняла! Поняла! Решаю задачи!» Физика стала для меня лёгкой и любимой.

Когда я пришла на консультацию по физике, то задачу, которую я не решила, не решила и наша отличница, по фамилии Ненахова. Обидно, но никто не догадался о моём подвиге. А это был подвиг. На экзамене я отвечала хорошо, решила задачу, учитель был удивлён — а я поняла, что если захотеть, можно всё преодолеть. Это был большой урок и опыт жизни для меня. Задачи по физике я стала щёлкать, как орешки. Даже когда я поступала в институт, материал я не знала, но преподаватель дала мне дополнительно ещё одну задачу, и тут же за столом я показала ей, как буду решать её, и она поставила мне четвёрку. Я чувствовала себя счастливой, что одолела эту физику. Остальные предметы были для меня не трудны. Нина тоже училась хорошо.

* * *

Жизнь в городе Челябинске мне очень не нравилась, и ещё мне никто не мог помочь и поддержать, да я и ни с кем не делилась. Просто я стала «деревянная» и нервная. Появились у меня всякие комплексы.

Нас у бабушки было трое — я, Нина и Фая. У нас были обязанности: самой себе стирать вещи, ходить за водой по очереди, ну, и другие. Я и не знала, что я такая недогадливая. Пойду вечером за водой к колонке, там обычно очередь. Никогда не спрошу, кто крайний. Не смела. Почему? Не знаю. Фобия была такая. Стою и стою возле колонки, пока кто-нибудь не скажет: «Бери, девочка, ты давно сто-

ишь». А надо было сходить не раз. По два ведра носили на коромысле. Я невзлюбила эту воду и колонку, и себя, и всё на свете. Вот надо идти за водой, а я всё тяну - потом да потом. Меня ругают все - и бабушка, и Фая с Ниной. Мне тошно, хоть беги, да ещё и в классе я всем чужая.

Как я выдержала этот год, не знаю. У меня даже аппетит пропал, я слышала, как бабушка жаловалась соседке, что я ем меньше чем кошка. Бабушка стала меня кормить отдельно от Нины и Фаи, в такой маленькой чашке. Она старалась, бабушка. Я блины любила, она часто их пекла. Дело это происходило так. Бабушка блины пекла в русской печи, а рядом стоял маленький стол и стульчик, и она кормила нас по одной у этого стола. Как говорится, блинами с пылу, с жару. Нина и Фая ели с маслом, а я только со сладкой водичкой - бабушка разводила сахар водой, в которую я макала блины. Я ничего не ела хоть немного жирного. Ни мяса, ни масла, ни сметаны. Не знаю, как я выжила и всё это вынесла. Школу не любила, шла туда как на казнь и с нетерпением ждала лета. Нет подруг, и дома меня никто не понимает.

* * *

Со временем я научилась занимать очереди. А тогда они были везде. Когда я жила дома, мама никуда меня не посылала ни за чем, да я и не пошла бы. А Фая легко соглашалась пойти хоть за чем и хоть куда. Я завидовала, но побороть себя не могла. Как я поборола этот комплекс, не помню, но уже в институте я была смелая. В школу зимой идёшь утром. Темно. Одна одинёшенька и боишься всего. Если во вторую смену - вечером возвращаться домой страшновато. Это же город, да ещё страху нагоняли всякие слухи - то там человека убили, то здесь.

Мы жили в частном доме, в секторе, где дома и освещение улиц было не очень хорошее. Так страшно было целый год, пока я не сблизилась в девятом классе с Анной Бабукиной. Нам с ней было ходить по пути. Но она жила ближе к школе, а после того, как расставались, мне одной ещё прилично было идти.

Короче, в городе я всего боялась. Летом обычно жарко в доме, и все ложились спать на веранде. Все это: бабушка, дед Степан (бабушкин муж), Нина, Фая, а я - в доме. Чтобы быть поближе к ним, на диване возле окна, которое выходило на веранду, и закрывалась на крючок. Да ещё ночью проснусь, весь дом обойду (на веранду не выхожу), посмотрю во двор, а дом закрывался на ночь - окна на ставни, а между ними - щёлочки. Вот сквозь них я и смотрела во двор. Бабушка ворчала на меня: «Спи, полуночница».

Однажды она повесила сушить во дворе бельё постельное. И ночью его кто-то снял. Не укараулила я, хоть ночью и смотрела во двор.

* * *

Что-то мне не хочется писать. Настроение плохое, анализы сдала, и они плохие, наверное, от этого мне и плохо. Да, чувствую я себя не очень, как будто в организме что-то расклеилось и ещё больше расклеивается. Это я пишу в две тысячи шестом году, даже в две тысячи седьмом, вернее в январе две тысячи седьмого года. Что-то захотелось мне отвлечься. Напала на меня плаксивость. Часто плачу. Особенно когда одна дома. Вспоминаю себя маленькой и так мне жалко себя. Какая-то я была заброшенная. Вроде, родители любили нас, не обижали и почти никогда не шлёпали. Но не было чего-то такого в семье, чтобы я чувствовала себя защищённой. Мы были замкнуты,

нас не учили открытости, и не было бесед с родителями о чём-то или просто так. Может, это происходило потому, что они очень много работали, а может, от чего-то другого. Короче, варилась я в собственном соку. Когда-то я читала в журнале «Юность» (был такой в советское время) рассказ о том, как старая женщина показывала свою фотографию, где она была молода и красива, своим детям. Они не верили ей — неужели эта старая беззубая женщина, та, что на фотографии? Эта женщина плакала, дети спрашивали: «Почему вы плачете?» Она отвечала: «Жалко эту девочку». (Она имела ввиду себя). Вот и я сейчас в таком состоянии. Тогда я не поверила в правдивость этого рассказа и не поверила, что можно себя жалеть маленькой до слёз. Я вспоминаю эпизоды своего детства — когда меня обижали или не поняли и плачу, жалея себя в детском возрасте.

* * *

Ещё я не ходила в школу. Лето. Я вприпрыжку иду или, скорее, бегу по середине улицы на другой конец деревни встречать корову. У меня радужное, безмятежное состояние покоя и радости. И вдруг сзади, по затылку кто-то сильно-сильно бьёт меня по голове. Оглядываюсь, стоит мальчишка с палкой, это он меня ударил. Я не помню, что было дальше. Только помню, что мне как-то стало страшно и одиноко. Я не помню, кто заступился за меня, и что я сделала потом. Я помню своё состояние после этого, и что было дома.

Дома я плакала сильно, мне, наверное, было больно и сильно обидно. Я очень хотела, чтобы мама меня пожалела и успокоила. Но этого не было. Мама не поняла моего состояния. Помню, я очень долго плакала. Обида до сих пор сидит во мне. Наверное, было обидно оттого, что человек не защищён ни от чего. Я конечно, в то детское время, не

могла ясно это осознать, но что-то в моей голове произошло важное. Вот до сих пор мне жалко себя маленькую и обидно, а от чего не знаю. Наверное, всё-таки я была не дура.

Сейчас расскажу эпизод из жизни, подтверждающий это. Была у меня моя подруга Дуся Береговская, которой я очень доверяла и мудрые её советы исполняла. Как-то мы расстались. Получилось так, что она уехала к себе домой, в деревню Кен-Аральский, а я в Челябинске ещё была. Может, это было на зимних каникулах. Не привлекательные стороны нашей жизни я замечала. Ну, что очереди, ничего не купить, ну и другое что. Вот я об этом написала Дусе письмо, как бы сейчас сказали — диссидентское. Написала и жду ответа. Ответа нет. Вдруг неожиданно приезжает моя мама, да ещё и с матерью моей подруги. Я очень удивилась. Но потом стало ясно.

Получив такое письмо, моя подруга показала своей маме, или она сама прочитала, они очень испугались за свои семьи и за меня. За такое, попадись оно (письмо) куда надо, по головке не погладили бы. Они усадили меня и строго-настрого запретили такое писать и даже думать. Наговорили мне всяких ужасных вещей, мне даже стало страшно и немного обидно, зачем Дуся дала моё письмо родителям. Позже я поняла, какую неприятность я могла принести всем, и себе в том числе. Слава Богу, письмо не попало к цензорам, иначе всем нам было бы очень плохо. Вот я хочу сказать, всё-таки мозги-то у нас были, видели мы наши недостатки. Я тогда училась в восьмом классе, когда у меня был такой тяжёлый период жизни в городе.

Я, конечно, понемногу привыкала жить в городе, без матери, без родителей и почти без подруг. От плохого моего настроения, а может от городской воды, мои густые и красивые волосы стали редкими и плохими. Я заплетала

две косички, ленточки были голубые атласные, так вот мои волосы так поредели, что волос почти не было видно, только голубые ленты. И Фая, и Нина стали дразнить меня: «Девочка с голубыми волосами». А потом смеялись, доводя меня почти до слёз. Вот я решила волосы отрезать, а в парикмахерскую не хотела идти ни за что. Тогда бабушка привела домой какую-то женщину и та меня подстригла. Мои волосы, почувствовав свободу, очень быстро поправились и стали густыми. Они были волнистые, рыжего цвета, на ощупь грубоватые такие. Я чувствовала, что они меня украшают. На меня стали с интересом поглядывать люди, и я поняла, почувствовала свою привлекательность.

Как-то приехала Дуся. Мы поболтали с ней, и она собралась уходить. Я пошла её провожать к трамвайной остановке и, уже прощаясь, Дуся сказала, что мне очень идёт стрижка, чем меня очень воодушевила и подбодрила. Ей нравилось трогать мои волосы. На затылке у меня был такой завиток, она любила его наматывать себе на палец. Встанет у меня за спиной, трогает мои волосы, и обязательно этот завиток намотает на палец. Такой завиток есть у моей внучки Даши — моё наследство.

* * *

Стала я ходить в кино. Тогда шли фильмы, можно сказать тематические, где была изображена жизнь великих людей — музыкантов, артистов и других. Я любила такие фильмы и смотрела с удовольствием. Именно тогда показывали «Большой вальс» о Шопене. Мне фильм понравился очень. Ближайшим от нас был кинотеатр имени Пушкина. Ходили мы обычно в целях экономии туда и обратно пешком. И, вроде бы, недалеко и не тяжело. Конечно, часто мы, сёстры, ходили втроём, заводилой, как всегда, была Фая. Летом мы были обуты в баретки — такие матерчатые,

белого цвета туфли на резиновой подошве. Осенью носили ботинки. Потом пошла мода резиновые ботинки на каблуках. Их нужно было носить с туфлями.

Эти ботинки вроде вместо галош, но у нас туфель на каблуках не было. Дед наш сделал нам деревянные каблукки, и мы вставляли их в ботинки, надевали носки шерстяные, чтобы ноги не мерзли. В школе обязательно переобувались в тапочки или туфли — у кого что было. Зимой ходили в валенках. Это было довольно смешно.

Идём мы как-то все втроём пешком от нашего дома до универмага на улице Кирова (это был новый двухэтажный модный магазин). В кармане какая-то мелочь. Фая идёт впереди, а мы с Ниной за ней. Я смотрю, а у Фаи такие нелепые валенки — она их растоптала. Они стали большие, как лягушки, а пятка ушла куда-то в бок. Она так залихватски идёт впереди, и чтобы не столкнуться со встречными людьми как-то интересно виляет, обходя их. Мы, сзади глядя на всё это, смеялись неудержимым смехом. Нам было весело, и не понимали, что мы смотримся неуклюжими. Вот не помню в чём ходили мои одноклассницы, но знаю, они были одеты лучше. Я, наверное, немного это понимала, от того и не ходила на школьные вечера никогда. Даже на выпускной вечер в десятом классе не пошла.

* * *

Мне сшили какое-то цветное платье, из маминого платья. Платье или вернее ткань на платье была красивая, яркая, вся в цветах, мне оно нравилось. Но тогда были стереотипы — выпускное платье должно быть белым обязательно. Я представляла себе белое пышное платье, а получилось узенькое в обтяжку, с поясом, да ещё и цветное та-

кое, яркое-преяркое. А ноги! Белые матерчатые босоножки, покрытые для белизны мелом. Это было нечто!

Я уже оделась, зашла за своей подругой Анной, и мы пошли. Не помню, в чём была одета Анна, но что-то мне всё разонравилось до ужаса, и я отказалась идти, о чём сказала Анне. Она в ответ: «Аттестат не отдадут». «Отдадут», – сказала я и пошла домой. Потом пошла на другой день в школу одна и получила аттестат. Думаю, что характер всё-таки у меня был. Так я не была на своём выпускном вечере, и вообще я не жалею. Наверное, так было надо.

* * *

Все три года учёбы в Челябинске были мне трудны. К городу я никак не могла привыкнуть. Может, повлияло и то, что родителей не было рядом, я тогда не могла проанализировать своё состояние. Но, наверное, я по ним скучала. Когда мама к нам приезжала и привозила нам продукты, я обязательно шла её провожать на вокзал. И хотя другой раз мне нужно было после проводов мамы возвращаться затемно, я упорно шла её провожать, несмотря на все уговоры бабушки и мамы не ходить. Мои родители и бабушка были простые люди, и им не было дела до тонких сантиментов. Одета, обута, сыта – что ещё надо. В душу мою никто не хотел заглянуть. Наверное, поэтому я выбрала сельскохозяйственный институт, да ещё потому, что в то время считалось, с любым высшим образованием можно было куда-то устроиться, то есть на приличную и чистую, нетрудную работу.

Лето мы проводили дома. Я была настолько стеснительна, что продолжала ходить в кино на детские сеансы, и если рядом нет Фаи и Нины, я вообще могла никуда не ходить. В основном читала, ну и домашняя работа и в огороде. Мама и папа садили много картофеля, даже бахчи были, где

выращивали арбузы и дыни. Тогда делалось всё коллективно, и все вместе ездили полоть бахчи на грузовой машине, а на прополку картофеля ходили пешком довольно далеко. Я очень стеснялась своих учителей, Фая, хоть и была на три года моложе, смело ходила в кино на взрослые сеансы, ну тогда и я с ней. Когда мы учились в своей сельской школе, детей водили в кино учителя. Собирались в школе, строились в ряды, и учитель организованно вёл нас в клуб в кино. Это было долго. В начале кино было редкостью.

Вообще учителя школ работали гораздо больше, чем сейчас. Кроме уроков, каждый учитель вёл кружок, вечером после уроков. Кружки были самые разные: литературный, танцевальный, шахматный и другие. И мы ходили на эти кружки – и пели, и танцевали, и даже пьесы ставили. Было всё интересно и весело. Сейчас, когда дети говорят родителям: «Пошёл гулять». Я не понимаю, что это значит. Тогда, мы говорили маме своей, родителям: «Пошла кататься на санках, играть в снежки, пошла на кружок, играть в прятки...». Не было такого слова «гулять». Под ним, этим словом, можно подразумевать хоть что. Мы были заняты конкретными делами – а сейчас тусовки, языком работают или ногами. Но то время прошло безвозвратно и не вернёшь его.

Как-то было легко на душе, свободно ходили и не боялись, и даже не закрывались ночью. Вот поэтому город меня напугал своей непредсказуемостью, он казался мне чужим и грозным. Да, наверное, и моим подругам, и сестре Нине. Вот мы выбрали институт поближе к дому, тогда конкурсы в вузах стали большие. Решили поступать в Троицкий ветеринарно-зоотехнический институт. Он находился в городе Троицке Челябинской области. Вот туда мы и направились. Я, сестра Нина и моя подруга Дуся. Это произошло в 1954 году.

* * *

Вернусь немного назад. Одно важнейшее событие, произошедшее в школьные годы, опишу. Это смерть Сталина. Сталин — наш вождь умер в 1953 году в марте, я училась в девятом классе. Должен был начаться урок физики, вела его молодая учительница. Мы сидим, а её всё нет. Наконец она заходит в класс, вся красная, видно, плакала. Проходит к своему столу и говорит: «Дети, Сталин умер». Нам никто команды не давал встать, а мы все встали и стали все плакать. Учительница и все мы были в слезах. Нас отпустили домой раньше. Дома, то есть у бабушки, все в слезах и бабушка, и дед расстроены. И все говорили: «Как будем жить дальше?» Все чего-то боялись. Возможно, как бы не стало жить труднее. У меня было чувство, как будто умер какой-то родной, дорогой человек, опора. И мне тоже стало страшновато — что-то будет?! Но жизнь пошла своим чередом, и всё забылось постепенно, как будто ничего и не было и думалось: «Почему я плакала? Почему все плакали?». Вот так началась новая эра — жизнь без Сталина.

* * *

Итак, 1954 год. Я закончила десять классов и получила аттестат, и моя сестра Нина, и моя подруга Дуся. Вот мы все трое и наши родители решили, что будем мы поступать в Троицкий ветеринарно-зоотехнический институт. Этот город был небольшой и недалеко от нашего места жительства. А жили мы в совхозе Кен-Аральский Фёдоровского района Кустанайской области Казахстана. Троицкий институт был от нашего района в семидесяти пяти километрах, ещё дальше от области. А Троицк был близко.

Мой отец, работавший водителем, и другие водители часто ездили в Троицк или через него дальше и знали этот город. В этом городе жили родственники нашей бабушки

Дуси — её брат, вот не помню, наверное, не родной, а какой-нибудь двоюродный, потому что они к нам не ездили в гости, и мы к ним.

Как мы приехали в Троицк, не помню — с родителями или без них. Сдали документы. Нина и Дуся на ветеринарный, а я боялась крови и грязи — на зоотехнический. Поселили нас всех поступающих в актовом зале, поставили кровати, туалет на улице. Кушать в столовую надо было ходить — далеко и дорого. Даже чай нам негде было вскипятить, а помыться и постирать — вообще проблема. Приехало много девочек и мальчиков отовсюду — из Челябинска, Магнитогорска, даже из Новосибирска. В том году был большой конкурс: четыре человека на место. Вот и ринулись все в наш маленький город в надежде, что здесь легче поступать, меньше конкурс.

Тогда было так, если есть образование — всё равно где-нибудь устроишься. Цель была — получить высшее образование. А какое, это было уже не так важно.

Предстояло сдать четыре вступительных экзамена. Больше всего я боялась химии, я её не понимала и не любила, а Нина химию знала и понимала хорошо, а Дуся — вообще круглая отличница.

Чем мне запомнились эти экзамены? Во время экзаменов заболела Нина. Дело было так. Мы питались, конечно, как попало — первый раз оторвались от дома, да ещё и условия были такие: масса людей в одном помещении, никаких удобств. Пошли мы как-то на базар и купили помидоры, стали есть салат. Один помидор показался мне подозрительным, и я сказала, что он плохой и не надо его есть. Я и Дуся есть не стали, а Нина, как не уговаривали её, взяла и съела его. Ну, вот она заболела страшно. Поднялась высокая температура, кишечник расстроился. Я плакала, растерялась, вызвали скорую помощь в этот

актовый зал. Приехал врач. Это был пьяный мужчина и ничем нам не помог. Может, какие-то таблетки посоветовал, не помню. Нина лежала пластом с высокой температурой. По-хорошему, её нужно было госпитализировать. Я вызвала маму, ждала её с нетерпением. Сильно плакала, глядя на беспомощную Нину. Она плакала тоже, я не знала как ей помочь и даже боялась за её жизнь. Вся надежда была на маму, она поможет. А надо было Нине сдать ещё один экзамен — химию. Она, конечно, не готовилась, но химию хорошо знала. И, собрав последние силы, Нина пошла на экзамен, и сдала его на четвёрку. Молодец. Приехала мама и мне стало спокойно на душе и за себя, и за Нину.

* * *

Другой эпизод, который мне запомнился — это сдача мной экзамена по физике. Взяла я билет, и поняла, что на один вопрос ответа не знаю. Так получилось, трудный вопрос был для меня. Экзамены принимала женщина, похожая на меня или я на неё. Чем? Она была такая же рыжая, как я. У неё были везде веснушки, как у меня, то есть на лице и на руках, и волосы рыжие и волнистые. Она меня выручила. Видя, что я на один вопрос плохо ответила, дала мне дополнительное задание — решить одну задачу по физике. Их я решала очень хорошо. Она сказала: «Решишь задачу, поставлю тебе «хорошо». Попросила, чтобы я рассказала, как буду её решать. Я всё ей рассказала. Она была довольна, сказала: «Молодец!» Я заработала четвёрку. До сих пор вспоминаю этого человека с большой благодарностью и теплотой. Были же люди!!! Пусть у неё будет хорошо, хоть на этом свете, хоть на том.

* * *

Приехала мама, на душе мне стало легко, я уже не отвечала за Нину. Экзамены мы сдали и поехали домой на машине в кузове. Автобусов не было, поэтому чаще ездили на попутках, если повезёт. На поезд билетов тоже не возможно было взять — везде давка, целая война у кассы. С ужасом вспоминаю эти моменты. Слава Богу, этого сейчас нет, всё свободно и культурно. Подойдешь спокойно, никто тебя не толкает, не дышит в затылок тебе, да ещё и не чистым дыханием и спокойно возьмёшь билет куда тебе надо. Нет билета на поезд, есть автобусы. Больше возможностей появилось — это хорошо. Плохо, что люди изменились в худшую сторону.

Мы приехали домой, в наш совхоз «Кен-Аральский», у нас тогда была трёхкомнатная квартира, новая, не плохая. Была кухня, ещё комната и так называемый зал, очень уютное крыльцо и ступеньки спускаться, рядом был колодец, где брали воду. Вот какое отопление было, не помню. Папа работал тогда председателем Рабкопа — то есть в его ведении были магазины продуктовые и промтоварные. Так что у нас всегда были сахар, конфеты и вещи. А это взять было не просто, надо было стоять в очереди, сахар давали по нормам. Но отец стал сильно выпивать, потому что всем надо было что-то, и за то, чтобы он дал, его угощали. Мама с ним боролась, ругала его и совестила, но толку было мало.

* * *

Мама занялась Ниной, лечила её, и она соблюдала строгую диету. Нина сильно похудела. Мы ждали ответа из института, были все в напряжённом ожидании, нам должны были выслать письма с результатами. Вот мы и ждали. И вот письма пришли Нине и Дусе, что они зачислены, а

мне нет. Я страшно переживала, но, наконец, и мне пришло долгожданное письмо — ура, я зачислена. Вот радость, все были рады и довольны, и мы стали собираться ехать в город, учиться и жить самостоятельно.

Наши родители и Дусины родители определили нас на квартиру, к бабушкиному брату. Ну, с тем, что жена брата будет и варить нам. Мы же ничего не умели, хотя дома я жарила картошку, любила печь оладьи или блины, но тесто заводила мама. Тогда надо было готовить на электроплитке, зимой на печи, которую топили. Позднее появились керогазы — жить стало веселее. В любой момент можно что-то приготовить, а ведь было летом особенно, варили на таганках, это такая подставочка на четырёх ножках, куда ставили чугунок или кастрюлю, а внизу под ними разжигали огонь, летом собирали всякие палочки, прутики и т.д. Ведь свет тогда горел только до двенадцати часов, потом его выключали. А летом работы поздно кончали. Вот и готовили на таганках и кушали другой раз в темноте. Но эти неприятности мы как-то не замечали, как будто так и надо было.

Приехали мы в Троицк, устроились на квартиру — я, Нина и Дуся. Потом попозже к нам присоединилась ещё девочка, моя знакомая — мы с ней учились в одной школе, я её не видела, а она меня узнала и как-то к нам присоединилась. Помещение было ужасно, хозяйка и хозяин ходили всегда в чём-то чёрном, нищета страшная, ещё у них была дочь Зоя. Было всего две комнаты, в одной мы студенты, в другой они — трое. Помещение это было подвал какой-то, окна маленькие, выходили во двор, были видны только ноги людей. Что ужасней всего — сырость, топили плохо, я там всегда мёрзла и заработала там плеврит, который проявился позднее, когда мы уже перешли на другую квартиру. Началась самостоятельная студенческая жизнь.

* * *

Было всё интересно и весело. Наша квартира была недалеко от кинотеатра, мы ходили на каждый новый фильм и обязательно в первые дни показа, когда билеты взять трудно, да и дорогие они были, но мы как-то не думали, хватит нам денег или нет. Мы все получали стипендию. Первые годы её давали всем, даже если были тройки.

Охватила нас всех «высокая степень безумства». Ходили на вечера в институт, на танцы. Я танцевала с Любой Близниченко — она меня научила танцевать фокстрот и другие танцы. Молодец и спасибо ей. Мы с ней выходили первые, она крепко прижимала меня к себе вела так. Я её слушалась. У нас не плохо получалось. Потом стали посещать и другие места для танцев — городской клуб, мясокомбинат, и, наверное, всё, мест, где танцевали было мало. В основном — это в институте. Но вечера, конечно, были не каждую субботу.

Я не любила в институте физкультуру и высшую математику. Но математика была всего полгода, а физкультура — особенно лыжи — я их терпеть не могла. По здоровью мне дали третью группу на физкультуре. Помню первый день занятий по физкультуре. Преподаватель давай хвалить, что, мол, кто занимается, у того хорошая фигура. И вижу, все на меня смотрят, и верчу головой, думая, кого там хвалят, соседка рядом говорит: «Рая, это он тебя хвалит». Я удивилась. Одежда у нас на физкультуру была страшная, мешковатая. Наверное, из-за этого я физкультуру, то есть из-за некрасивой одежды не любила.

Вот пошли мы на вечер танцев в институт, мы с Любой стоим, вдруг напротив меня из толпы мужчин отделяется один и идёт ко мне, через весь зал. Я спряталась в панике за Любу, опозорила мужика. Мне было и обидно, и стыдно, и страшно. По-моему, он (это преподаватель физ-

культуры) больше ко мне не подошёл. Вот какое было воспитание — комплексы, комплексы.

Потом Люба говорит мне, что со мной хочет познакомиться студент четвёртого курса, я — против. Ему жениться надо, он скоро заканчивает институт, я так думала, так считала, мне он не нужен. Я отказалась от этой встречи и сделала правильно, хотя была молода, и потому что мама внушала — главное специальность, надо учиться, это главное. Я совершила неосознанный выбор — по внушению мамы.

* * *

Сейчас писать надо о дальнейшей жизни, а мне трудно. Вопрос в чём, как писать?! Начинается другая жизнь — взрослая, влюблённость и всё такое. Вот и думаю, как писать об этом, или просто, как прошедшее событие, как хронику, или передать мои чувства и эмоции в тот период жизни. Я сделала выбор — эмоции, чувства. Я рассердился так: возможно, будут читать дети, внуки, поймут ли они меня? В то же время мне хочется перед ними предстать живым человеком, чем мы и я в то время жили, что чувствовали, переживали точно, как они сейчас. Мы ведь тоже были молодые. Пусть это было другое время, другая идея и идеология, другие люди и взгляды, другая эпоха, в конце концов. Но мы также любили, страдали, плакали, теряли голову и рассудок, мы были такие же люди, живые люди. Чувство любить кого-то — это в крови у человека. Как оно появится, наверное, зависит от времени, когда живёшь, идеи и идеологии, взглядов, от семьи, от воспитания, многих причин — какое оно будет и как всё произойдёт.

* * *

В младших классах я была влюблена в Пушкина, я знала наизусть много его стихов, я жалела его за его траги-

ческую жизнь, а Наталью не любила и винила её в смерти Пушкина. Да как, она не могла уберечь такое сокровище? Нашу гордость! И даже она мне казалась, или я так хотела, была не красивой. Прошло время, я знаю, жена Пушкина была первой красавицей. В классе постарше, мне очень нравился учитель математики. Это, как я сейчас понимаю, обычное дело, девочкам в это время нравятся взрослые мужчины. Но само собой, вида я не показывала и даже своей любимой подруге не доверяла это, эта была моя тайна.

Потом, когда я жила в Челябинске, училась в женской школе, мальчиков вообще не видела, любила и страдала за героя Войнич «Овод». Как же мне его было жалко! Читая и перечитывая это произведение, я уливалась слезами. Отдельные места перечитывала много, много раз. Можно понять, сколько я слёз пролила. Наверное, это заложено в человеке, инстинкт — любить и всё, всё готово к этому чувству. Вот не было живого человека в окружении, поллюбила героя «Овода». Это произведение меня потрясло. Когда я стала взрослой, и у меня были дети уже, я дала им эту книгу. Ни на кого она не произвела такого впечатления. Я была очень удивлена, и мне было не понятно, почему мне понравилось, а моим детям нет. Я всё хотела это понять и не поняла до сих пор. Ну, это ладно. Просто я веду речь об этом, чтобы было понятно, как я была воспитана и какой я была человек. Ну вот, подхожу к главному событию.

* * *

Мы жили на квартире у наших дальних родственников, у них была дочь Зоя, к ней ходил молодой человек — жених, они должны пожениться вскоре, она уже шила себе платье белое. Вот с этим парнем-женихом вдруг стал похаживать к нам его брат, звали его Владимир. Он был, на-

верное, рабочим парнем. Я этому Владимиру понравилась, и он стал оказывать мне внимание. Приглашал в кино, покупал конфеты, когда приходил. Мне как-то был неудобно, но в тоже время приятно. Ведь первое внимание мужчины. Но не могу сказать, что я от него была в восторге. Это ухаживание было не долгим, познакомились в сентябре, а в ноябре, как раз на праздник Революции его уже забирали в Армию. Мы ходили в кино, на улице прогуливались и, конечно, когда-то это было должно кончиться поцелуями, которых я так боялась и старалась избегать. Но это как-то произошло, в один из вечеров! Я была испугана этим новым ощущением, как будто на меня опрокинулось небо, это было ужасно..., и приятно и ужасно. Скажу сразу, это продолжалось два вечера, потому что его забрали в Армию, и слава Богу. Бог охранял меня.

Забрали Владимира в Армию, он писал, потом вдруг перестал. Я, конечно, отвечала, но ничего не обещала, слова любви не говорила. Я поняла потом для себя, я любила, чтобы меня любили, сама я никому слово «люблю» не говорила, язык у меня не поворачивался это слово сказать, не знаю почему, но так было. Но голову я могла, наверное, потерять, если бы вдруг эти встречи продолжались. Я же пишу, Бог хранил меня. Всё закончилось так.

Мы переехали на другую квартиру - это я, моя сестра Нина, и моя подруга Дуся. Мы с Ниной спали вдвоём на одной кровати, ещё Дусина кровать, да ещё кровать хозяйки. Вот такие удобства, туалет на улице, конечно. Всего было две комнаты, в одной мы четыре человека, в другой, кухне, — бабка и дед. Какая же нищета была у них на кухне. Готовили мы на керогазе, и дед с бабкой, хозяйка кушали на кухне. Вот эта хозяйка стала ворожить всем нам на картах. Ворожила, Дусе, Нине и мне начала ворожить, потом вдруг испуганно собрала уже все разложенные кар-

ты: «Не буду ворожить, нельзя тебе». Я прошу сказать почему, она отказывается в резкой форме, когда-нибудь потом, говорит. А мы уже учились на втором курсе, когда жили на этой квартире. Как-то я иду по городу, вдруг ко мне подходит женщина и говорит: «Я вас знаю, про вас Володя говорил, я хочу сказать вам новость. Он умер в Армии, на службе, повесился». Служил он на севере. Я даже от удивления ничего не успела у неё спросить, она уже отошла от меня. Вот такая новость выпала у хозяйки на картах - смерть, она и испугалась. Но это было просто известие о смерти, конечно, я поделилась этой новостью с моей подругой Дусей, сестрой Ниной и хозяйкой. А Дуся — практичный человек: «Это всё к лучшему, мне это не нравилось, твоё знакомство». Но меня как-то это известие потрясло. Вот был человек и нет его уже. Меня всегда удивляло, ходит человек, разговаривает, кушает и раз — нет его, умер. Ощущение такое, вроде его кто-то не спас, вовремя не оказал помощь, вроде это должно быть.

Была у меня на курсе девочка — тоже подруга, Валя Монастырская. Я ей тоже всё рассказывала про себя, такая романтическая Валя, она меня пожалела, и даже чуть всплакнули вместе. Валя всегда как-то сильно жалела меня. Возьмёт мои руки в свои и говорит: «Рая, какие у тебя руки маленькие, как ты ими стираешь? — «Да ничего не маленькие, обыкновенные и стираю, и всё делаю». Я считала, что она меня лентяйкой признавала, но, видимо, было какое-то другое чувство. Мы с ней все четыре года просидели за одной партой, слушая лекции.

Мы сидели на лекции, и я тут же очень быстро написала стих. Вроде:

Как мне быть, как мне жить

После того, как узнала я,

Что не увижу больше тебя.

*Не увижу карие глаза,
Что с любовью смотрели на меня,
И не скажешь тихо «Люблю»,
Дай на тебя посмотрю, и т.д. в таком духе.*

Валя прочитала и давай плакать — меня сильно жалеть. Я же говорю, Валя была романтик с большой буквы. Где ты теперь, Валя? Я тебя часто вспоминаю.

* * *

Вот как прошла моя первая любовь. Учёба шла нормально в институте, все годы я получала стипендию. Учёба была лёгкая, весёлая. Вот только анатомия была трудновата. Преподавал Акаевский профессор, по-моему. Он обязательно про любой орган рассказывал в сравнении: человек, свинья, КРС, лошадь. Все органы сравнивал с человеком, для чего, не знаю. Я не влюбила учить сиськи и письки, половые органы, и не учила принципиально. Помню, Валя говорила: «Рая, учи — попадётся на экзамене». — «Не попадётся», — отвечала я с уверенностью. И действительно, никогда мне эти вопросы в билетах не попадались. Я бы обязательно двойку получила. Я их даже не читала. Но Бог хранил меня, за все годы учёбы такие вопросы мне не попадались.

На лето уезжали домой, каникулы же. Нас же было трое — я, Нина и Фая, подруги и друзья. Собирались компанией, танцевали прямо на улице, пели, весело было, но сильно поздно мама не разрешала, ну до часу или до двух, не позднее. Иначе мама нас искала. Один раз мы все придумали шалость такую. Отец как раз возил агронома на машине, мы называли машину отца «бобик». Тут оказался Фаин приятель шофёр, и мы придумали. Тихонечко машину скатим вниз, наш дом стоял на пригорке, потом заведём

её и катаемся по полю, за деревней. Всё лето почти катались, отец ни разу не проснулся и не хватился машины. Покатаемся, поставим на место тихо, закатим её. Только отец удивлялся, вроде горячего было больше, куда подевалось? Потом он стал машину в гараж ставить, несколько раз мы её и оттуда забирали, всё Фаин друг, но потом всё-таки вышли на этого парня и предупредили его. Всё, катания наши закончились.

Всё это нам казалось смешным, вот какие мы были не серьёзные. Я не хотела с ними ездить, нет Рая поедешь, если ты с нами, никто плохого не подумает. Я — прикрытие. Я их старше была и садили меня на первое сиденье. Как было всё интересно и смешно, и глупо с другой стороны. Наверное, и в наше время, время нашей молодости, мы позволяли шалости — мягко говоря, неуместные и легкомысленные. Хорошо, что всё хорошо закончилось.

* * *

Когда мы учились в институте, мама нам постоянно внушала, чтобы о замужестве мы и не думали, главное — это учёба. Вроде мы, я и Нина, и не слушали очень и не слушались, но что-то в сознании нашем отложилось, а это было не правильно. Вот мама моей подруги Дуси Береговской сказала: «Дуся, ищи пару, пока в институте. Когда закончишь институт, приедешь в деревню, все женихи уже женаты будут. Останутся только моложе вас или никому не нужные». Моя подруга Дуся так и поступила. На четвёртом курсе вышла замуж, оба поехали в одно место жить и работать. А у нас всё произошло по-другому, вот и хочу написать как.

Короче, все годы института мы жили на квартирах, хозяйки были и хорошие и плохие. Один год мы жили на квартире — хозяйка была хорошая, придём и печь уже на-

топлена, дома тепло. И жила с нами моя одноклассница из школы номер семнадцать города Челябинска — Анна Багина. Мы с ней очень сдружись, и часто бегали с ней на танцы в городской дом культуры. У неё и у меня не было друга, были такие встречи дружеские, то ребята к нам в гости придут из нашего совхоза, то студенты, но парами никто не дружил. Ни Нина, ни я. Как-то мы не думали и не стремились к такой дружбе.

Однажды на одном из вечеров, ко мне подошёл молодой человек и пригласил на танец и не один раз, а в конце вечера попросил разрешения проводить. Получил моё пальто, помог надеть (чем меня удивил) и пошёл провожать меня и Анну. Звали его Владимиром, он был старше меня на пять лет. Мне он понравился, культурный, вежливый, вёл себя спокойно и уверенно, не болтал лишнего. Короче, мы стали с ним встречаться. Он работал на заводе и приходил ко мне вечерами, когда был свободен, а в воскресенье и субботу всегда были вместе. Моим девчонкам он тоже понравился. Я тогда училась на третьем курсе института, это было в конце пятьдесят восьмого года — перед Новым годом, если не путаю. Нет, наверное, в пятьдесят седьмом году, перед Новым годом пятьдесят восьмого года, потому что всё-таки дружба наша продолжалась пятьдесят восьмой год и закончилась в пятьдесят девятом году, когда я закончила институт.

Мы с ним ходили в кино, на танцы, летом гуляли в нашем парке. Летом обычно я была или дома, или на практике. Но стоило мне появиться в городе, он сразу приходил ко мне. Как-то узнавал, что я приехала. Я потом поняла, друзей у него было много, знали его увлечение мной и ему сообщали. Потом, я стала немного хитрить, пойду в кино, обязательно в зал просмотра захожу попозже, чтобы я была видна всем и выходила позже и ему сразу сообщали, что

я в городе. Хотя он был рабочий, с ним было интересно. Он много знал, читал, любил про политику говорить, не любил советскую власть, чем меня сильно насторожил. По его разговорам я поняла, что его отец был агроном, они жили на Дальнем Востоке, его арестовали и расстреляли. Володя с большой горечью об этом говорил, вспоминая те события. Жил он с матерью и сестрой в доме, где было три комнаты, кухня, веранда, огород.

Один раз он повёл меня в свой дом. Показал меня своей матери и говорит: «Это моя девочка». Мы быстро ушли из дома, а почему не помню. У них были старинные книги. Таких книг я никогда больше не видела. Может, он даже был еврей (похож был). Полное имя Владимир Андрианович Тарасенко (или Смородников), вот память, казалось, век ничего не забуду, а вот и нет, даже фамилию стала забывать. Всему своё время. Ко мне он относился нежно, выполнял все мои капризы, хотя другой раз был не согласен.

Как-то я захотела поехать на танцы в клуб мясокомбината, он отговаривал меня: «Тебе не понравится, там плохо». Но я настояла. Поехали, всё было так, как он говорил — клуб страшный, музыка тоже. Больше я туда не просилась. Я чувствовала, что он дорожит мною, я ему нравлюсь. Любил усаживать меня к себе на колени, как маленькую, и мы так часто сидели, особенно на улице, разговаривали. Я тоже к нему привязалась. Мне нравилось особенно, что он старше, наверное, вот это и была моя любовь. Он заботился по-своему обо мне.

* * *

Помню первое мая, я жду его. Его нет, и девчонки со мной ждут вместе — на вечер договорились идти, я очень расстроена, хотя обычно он если обещал что, то выполнял.

Я уже устала ждать, встала у окна и смотрела на улицу и что-то задумалась, слышу стук в окно, камушек кто-то кинул, смотрю, он стоит, да ещё с сумкой. Заходит, встречаю, сердитая: «А сумка зачем?». А он говорит: «В баню собрался». Я не выдержала, и чтобы он не видел моих слёз, убежала и спряталась в закуток. Такой уголок у нас был, там стоял умывальник, мы умывались там. Слышу радостный визг девчонок. Он вытащил меня из угла, а я вижу, он нам принёс разных постряпушек целую сумку, девчонки уплетают. Он взял платочек и вытирает мои слёзы и говорит: «Я и сам волновался, смотрел на часы, всё ждал, когда мать испечёт пирожки». Мне так неудобно стало, что я неправильно себя повела, девчонки сразу сориентировались, а я нет. Любовь, наверное, мне глаза закрыла, это было смешно, и немного стыдно мне.

Он меня к своим друзьям водил, все были серьёзные, приличные семьи, даже я бы сказала культурные. Помню, в гостях подавали беляши, я их ела просто - брала в руки и кусала, как дома ела, как в институте, а тут смотрю, беляши кладут на тарелку и режут. Сейчас мне смешно, это было верх «культуры», но в то время я же не хотела отстать от других, в результате пришлось от любимого беляша отказаться, управляться ножом и вилкой я не умела (и сейчас стараюсь нож не применять). Наверное, он имел серьёзные виды на меня. Но всё получилось иначе.

Какая-то в наших отношениях появилась неопределённость. Исчезнет вдруг, потом внезапно появится и всё это так, как будто в этом ничего необычного не было. Всё это как-то тяготило меня и расстраивало. Я переживала, но ни с кем своими сомнениями, чувствами не делилась. То есть, что точно у меня на душе было, никому не говорила. Мы так воспитаны были, не умели своими сомнениями, чувствами поделиться. Закрытые были. Вроде наши отно-

шения должны были привести к браку. Но я даже в мыслях этого не допускала, я хотела быть вместе, а как, я себе конкретно не представляла. Замужество было для меня что-то далёкое, нереальное. Вот хочу быть с ним вместе, а как, в голове даже мысли не возникало. Что-то было у меня эфемерное в голове, не знаю даже что.

* * *

Мы с Анной сдружились крепко и бегали на танцы с ней и в кино, и однажды познакомились с двумя ребятами из техникума, они учились на ветеринаров. Один за мной стал ухаживать, ходили в кино, как обычно у всех. Его отец был директором совхоза. Он говорил с намёками, в случае женитьбы ему и дом обещан, и так далее. Скромный парень, хороший. Нам как-то с Анной платья понравились розовые такие, яркие, и мы решили их себе купить, а денег нет. Обратились к ним за помощью. Нашли нам они деньги. Купили мы платья, померили и не понравилось, отнесли назад. Ребята зря старались и даже после этого обиделись. Но мне этот парень не нравился, я прекратила встречи. Наверное, частично из-за Владимира. Наверное, я по-глупому поступила, но ничего не поправишь. А Владимир исчез на некоторое время.

* * *

Я поехала на практику в деревню, недалеко от Троицка, и забыла про всё и про всех. Новые люди, одна, страшновато. Жила на квартире, кормили меня в столовой. Работала приёмщицей - молоко с отделений принимала, и надо было его ставить в холодильник, такая ёмкость со льдом. Председатель обещал, что возчики сами будут ставить. Они всегда это делали. Самой очень тяжело, бидон тридцать пять литров. Пропускала молоко на сливки. Мы-

ла сама сепаратор. Работы уйма. Председатель даже помощника не дал, очень уставала, нервничала. А ещё нужно лёд долбить, у меня ничего не получалось, силы не хватало.

Мне стал помогать долбить лёд молодой парень. Он выручал меня, он был моложе меня. Кроме всех работ, я ещё должна была определить количество жира в молоке. Все показатели, сколько молока привезли, какая жирность, с какого отделения — записывать. Работы — ужас. Я сделала из одного платья себе фартук такой с карманами, такую же косынку, чтобы одежда была чистой. Фартук сделала, чтобы он хорошо меня закрывал впереди и сходил на спине, ну как юбка, только с застёжкой на поясе. Хотела на работе выглядеть хорошо, красиво. Это было летом.

Всю одежду часто стирала. Всё хорошо, но лёд этот мучил меня. Силы у меня не хватало его долбить и заложить в ванну, где стоят бидоны с молоком. А этот мальчик когда поможет, когда нет, его просто родители не пускали мне помогать.

На работу, в свою контору, приходила рано, уходила затемно. Да ещё чтобы работал сепаратор нужно было какой-то движок завести, что у меня не всегда получалось, я его боялась, этого движка. Должен делать один мужчина, а он то придёт, то нет. А я переживаю за молоко, жалко же — испортится, да ещё чувство ответственности за порученное дело. Но колхоз есть колхоз. Я и плакала, и ходила к председателю жаловаться. Мало что изменилось.

Тогда в деревнях в магазинах купить покушать что-то было нельзя, продавали минимум: сахар, муку, консервы, конфеты редко. Молока не взять, хлеб привозили чёрный-пречёрный, а на отделениях, где я проходила практику, и того хуже. Вот я и питалась вместе с трактористами в столовой. Меня не обижали, но мне было как-то неловко, но

голод не тётка, и я ходила. Повара, увидев меня, сразу всё давали мне, первое и второе, ну, всё, что положено. Жале-ли студентку. Никуда я не ходила, ни в клуб, никуда. Я сильно боялась местных ребят, они мне казались грубыми. Я вообще мужчин побаивалась. Они как-то мне были не понятны, а всё не понятное вызывает страх. С горем пополам я сдала свою молочную приёмную и отпросилась в город на несколько дней.

В колхозе условия быта ужасные, да ещё когда живёшь на квартире, ни помыться, ни за собой посмотреть. А в городе всё-таки, хоть съёмная, но квартира, да и баня есть городская. Вот я поехала в город, привести себя в порядок. В один вечер пошла в парк погулять, иду так спокойно, уже вечер, вдруг кто-то хватить меня за руку и к себе поворачивает. Вначале испугалась, потом смотрю, Владимир, радостный такой, улыбается во весь рот. Я смотрю на него удивлённо и сердито. «Испугалась?» — спрашивает. Слово за слово, пошли рядом, весь вечер были вместе. Сколько дней жила опять встречались с ним, душу мне он опять растревожил.

Но надо уезжать дальше на практику, в другое место, то есть на другое отделение. Попрощалась и уехала. Направили меня в дойный гурт, к дояркам.

* * *

Эта практика ничего не давала. Смотрела, как доят, молоко на чистоту проверяла. Как меня доярки к чёрту не послали? Жила на квартире у женщины с ребёнком, школьницей младших классов. Она и кормила меня, а колхоз ей за это трудодни начислял. Она вечерами уходила сторожить базу, а я была одна с её дочкой. Никуда не ходила, хотя местные девчонки звали меня. В кино, правда, сходила несколько раз, а в клуб их местный ни-ни. А в

один из вечеров, ещё хозяйка была дома, слышу стук, открываю, стоит мой помощник, который лёд долбил мне. Я очень удивилась: «Ты как? Пешком пришёл?» А это было не мало, километров может десять.

Он был высокий, физически крепкий. Колхозник, закалённый на колхозных работах. И стал приходиться почти каждый вечер, дошло у нас и до поцелуев, конечно. Ну как тут не уступишь, человек такие вёрсты идёт. Местные парни стали его караулить, грозить, я испугалась. Ещё виноватой буду. Не ходи. Нет, ходит и ходит. И когда надо было мне уезжать, и с вещами же, нашёл мне попутную машину и усадил, и я уехала в Троицк. Обещал найти меня в городе, и нашёл. Приехал, но я даже не вышла к нему, сказала, что зря он приехал. Он постоял, постоял у дома и ушёл. Слава Богу, легко всё прошло, без объяснений. Так бывает. Случайные встречи.

* * *

Мне хочется скорее закончить описание своих отношений с Владимиром. Во-первых, я боюсь, что мой муж Николай прочтает всё это и ему будет неприятно, он такой ревнивый, считает, что я с пелёнок должна знать только его. Я пишу сейчас в то время, когда его нет дома, он в саду, и вот стараюсь все эти отношения быстрее описать и спрятать эту тетрадь, чтобы зря не волновать Николая. А мне всё как-то не даётся, что и как это описать, даже голова болит, когда пишу, наверное, как-то меня всё это беспокоит и волнует. Конечно, оглядываясь на этот период, понимаю, что была житейски глупая, не подготовленная к жизни, одна романтика в голове. Очень я была непрактичная, да и Нина — моя сестра.

Взять хотя бы такой пример. Мама и папа привозили нам продукты, мама передавала пельменей полмешка, мя-

со, картофель, соленья. Если бы мы ели одни с Ниной, было бы гораздо экономнее, но была ещё Таня Нестеренко, подруга Нины, которая питалась с нами. Не знаю, говорила ли она хотя мысленно нам спасибо. Такие мы были дуры.

Хотя мы жили в деревне, корову доить не умели, мы уже в восьмом классе учились в городе Челябинске, а Фая, даже с четвёртого класса жила у бабушки. А в каникулы гуляли, купались, мама сама справлялась с хозяйством. Главную её заповедь — девочки, учитесь, неграмотным жить труднее, — мы выполняли, и мама и папа были довольны, что мы учимся, и учимся хорошо, поведение тоже хорошее. Мама часто говорила: «Девчонки, замуж не торопитесь, наживётесь ещё, ничего хорошего в замужестве нет». Не знаю, почему она так говорила?! Папа вроде любил её. Такого заботливого мужа и отца ещё поискать надо.

* * *

Как сейчас помню, мама сидит за столом с виноватым видом, отец на маленькой скамеечке у печки и держит в руках мамины валенки, чинить собрался. Она так валенки калечила, пятка куда-то уходила на голенище, валенок терял форму, и смех и грех. Вот отец держит этот валенок в руках, от удивления у него слов не находится и только говорит: «Ну, язва, ну, язва!» и больше сказать ничего не может и качает головой. Отец хотя был простой рабочий и мама тоже — он никогда дома не ругался матом. Мама — упаси Боже, они были интеллектуалы. Родители были пара, очень подходили друг другу. Отец любил читать и читал вслух маме, мама почти неграмотная была. Любая работа у них в руках горела: отец чинил обувь, вязал сам сети, у него всё было для рыбалки и охоты. Редкий вечер когда он был без дела. Как успевал, не знаю! На всё ему хва-

тало энергии. И ещё успевал книги читать и с мамой ходили на каждый новый фильм.

Выпивал он редко, по большим праздникам, а потом сильно болел. В кругу товарищей своих он любил петь, и на голоса указывал — ты будешь петь так-то, а ты так-то. Если его не слушались, он внезапно весь бледнел, глаза делались бешенные и тут жди большого взрыва. Но мама, или кто другой выводили его из этого злого состояния каким-то словом, всё заканчивалось мирно. А если не заканчивалось мирно, то была драка, и отца держали все и уговаривали. Горячий он был страшно. Я ещё раз повторю — оба они были великие труженики, не каждый мог так работать, и друзья у них были подстать, великие работники. Вот, наверное, поэтому мы, их дети, как-то, выделялись на общем фоне.

Отца всегда ставили на ответственные работы, — заведующим гаражом, механиком, заведующим электростанцией, заведующим током. Все такие небольшие руководящие работы. Мама, хотя была неграмотная, тоже всё умела: шила, вязала, выращивала гусей на продажу, работала помощницей на медицинском пункте и сохранила до самой старости хорошие отношения с Петром Ивановичем Кислицыным, заведующим этим пунктом, по образованию — фельдшер. Но вот своими словами — девчонки не торопитесь замуж и какой-то не любовью к мужчинам, — она в наши души заложила неопределённость жизни, не выходить замуж, не торопиться. А куда дальше идти?

* * *

Наверное, это повлияло на мою личную жизнь и Нины, а Фая жила иначе, она воспитывалась у бабушки и была другая. Она была смелее нас, очень рано стала дружить с мальчиками и ходить в кино на взрослые сеансы. Как-то

так получалось, я ближе была то с Фаем, то с Ниной, или мне так казалось. Как-то Фая уговорила меня ехать домой. Она работала в библиотеке под Троицком. Я должна была дать ей телеграмму, вроде болеет отец, а у меня как раз были экзамены и были большие перерывы между ними, семь дней. Я бы сама не решилась уехать во время экзаменов — но она меня уговорила. Телеграмму я ей послала. Она приехала ко мне в Троицк и смеётся, потому что получила две телеграммы — в одной болеет мама, в другой — папа. Она, как актриса разыграла директора совхоза, даже для убедительности заплакала и её отпустили.

Мы поехали на попутной машине, машину останавливала Фая. Ехали до посёлка Будёновка, а там — через речку. До неё три километра и перейти речку вброд, вот — и наш дом, наш совхоз. Приехали мы в Будёновку уже ночью, редко где огонёк горит, надо где-то переночевать. К кому постучаться? Фая, конечно, впереди, стучит в тёмное окно одного дома: «Пустите переночевать, нам надо в Кен-Аральский, ночью мы боимся идти, мы студентки из Троицка». Открыла нам женщина, радушно нас приняла, дала покушать молока и вкусного хлеба и уложила нас спать на чистую-пречистую мягкую постель. «У нас ноги грязные», — говорим. А она: «Ничего, ложитесь». Утром чуть свет соскочили, сказали хозяйке спасибо и побежали к речке, перешли её вброд, одежонка в руках над головой, на другом берегу оделись и бегом домой, к маме и папе. И мы, и родители всегда были рады встрече.

* * *

Фая была смелая, решительная, я более послушная, но вспыльчивая, трусливее, но когда надо было действовать, защищать себя, я ничего не боялась. Однажды мы с Фаем поехали домой поездом и Фая, решив сэкономить,

взяла билет не до конечной нашей станции, а где-то до промежуточной. Вдруг идут контролёры, а ехать до места осталось чуть-чуть, взяли её и повели в купе проводников. Я испугалась, а она смеётся, не боится: «Всё будет нормально». Мне не сидится на месте, пошла к проводникам, вижу, там Фая сидит, жива и невредима, машет мне, иди, иди. Вот и наша станция – Джаркуль, посёлок Фёдоровка. Я – к выходу. Где Фая? Смотрю, она выходит, смеётся и говорит: «И шуку выбросили в реку», а сама заливается. Да просто её пожалели. Что с нищей студентки взять? Да и люди были сердечные, добрые. Действительно, человек человеку был друг, товарищ. В деревне ночью двери не закрывали, не было воров и воровства. Ночью иди, тебя не тронут, настолько были добрые люди.

* * *

Жизнь моя и моих сестёр шла своим чередом, без особых усилий, учёба давалась легко. Как все студентки жили весело от сессии до сессии. Я и Нина сдавали всегда хорошо экзамены. А вот личная жизнь шла по-разному. У Нины был друг, который ей нравился, он учился тоже в Троицке в техническом авиационном училище – мы их называли технари. Этот парень был из нашего совхоза, у них с Ниной сложились странные отношения. Придёт обязательно выпивши – объясняется, зовёт замуж, но кто поверит, если человек не совсем трезв. Потом куда-то вдруг исчезнет, потом появится и всё сначала. По-хорошему он был должен сказать родителям, всё вместе обсудить, как полагается, а вот этого и не было. Но Нине он нравился. Когда она училась на последнем курсе, он вдруг прислал ей телеграмму – было лето, каникулы – к нам домой в деревню, и приглашал Нину к себе в Ташкент. Он уже там

работал. Конечно, мама Нину не пустила, и она была права. Так они и расстались.

И вот мы уже старые, как-то заговорили с Ниной об этом, она ничем не могла объяснить его поведение, так и осталась тайна. А мальчик, которому Нина нравилась очень, он просто страдал по ней, Нине был безразличен. Он был немец, из хорошей семьи. Мне он нравился, и я Нине говорила, что хороший ведь, звал замуж. Тоже, закончив институт, поехала в Алтайский край, а вышла бы замуж, жила бы дома, а потом при перестройке в Германию бы уехала. Но, наверное, для того и молодость даётся, наделать ошибок и жить вопреки логике и советам родителей и пройти определённые трудности жизни.

* * *

Парней крутилось много в тот период, когда мы заканчивали институт, и были уже взрослые. Вот этот период, когда познакомилась с Владимиром и вдруг у нас начался, я так называю, период охлаждения, то есть он или придёт, или не придёт. Иногда приходил, когда меня дома не было, сидел разговаривал с девчонками обо мне, наверное, специально не спрашивал. Я, конечно, знакомилась с ребятами, провожали, но дальше эти отношения я не продолжала, даже не знаю, почему.

Помню, стоим мы с Валеёй Монастырской возле общежития, подходят два паренька: «Давайте познакомимся». Один, по имени Дмитрий, за мной стал усиленно ухаживать, и приглашать на свидание на следующий день – в этот день уже было поздно. И на меня нашло что-то, я вспомнила, как я ходила в клуб к ним, и никто не обратил внимания даже, об этом я сказала с обидой, наверное, ну пообещала не твёрдо, что встретимся завтра в парке. А сама не пошла, на зло. Валя потом мне говорила, он был,

спрашивал обо мне и очень был грустный. Я не дала ни адреса, ни своей фамилии. И вскоре, я уехала, по-моему, домой. Валя очень жалела этого парня и даже удивлялась мне. Но я поступила так, такое у меня было настроение.

Дома, конечно, за мной ухаживали и мои одноклассники и даже врач. Он очень пугал меня. Я пойду в кино, он сядет сзади меня и так дышит неприятно, я его боялась, и мне казалось, что он подпитый даже, что я вообще воспринимала такое пугливо. Я встану, и посреди сеанса на выход, он — за мной, а я бегом домой. Ну не дура ли?! Дура, конечно.

У мамы на квартире в посёлке Кен-Аральском, где мы жили, жил мужчина, он старше меня, работал плотником-столяром. Это мне нравилось, он делал любую мебель, а мебели тогда не было. Вот, думаю, можно сделать любую мебель. Он хорошо зарабатывал, и у него были деньги на книжке. И он стал сильно за мной ухаживать и просить выйти за него замуж, обещал все деньги отдать мне и одеть, как хочу и всё. По тем временам, у него были приличные деньги, он не пил и не курил, был он с Украины. Он сильно меня любил. Однажды после фильма я задержалась и долго гуляла и даже возле нашего дома с одноклассником, захожу домой, смотрю, он сидит на кухне, лицо руками закрыл. Я удивилась: «Ты что?» Смотрю, он плачет — я испугалась даже и не знаю, что ему сказать, растерялась. Мама мне говорила: «Рая, выходи за него замуж, хороший парень». Что-то не хочу и слушать.

* * *

Как-то папа давал меня за что-то ругать, а мы все за столом сидели на кухне, а он, квартирант, стал за меня заступаться, да так сильно, не боясь отца моего, у отца от удивления сделались круглые глаза, и он замолчал. Вот,

наверное, это было моё. Уж мебель-то у меня была бы на загляденье. У меня тогда была книга, как сделать мебель своими руками, и я часто смотрела её, вот Бог и послал мне такого человека, а я прошла мимо. Когда я уезжала уже работать, а я уезжала из дома, он поехал провожать меня до Фёдоровки. Сидел в кузове, а я — в кабине и всё просил остаться, не уезжать. Когда я пошла на вокзал, дальше я не хотела, чтобы он меня провожал, я очень легко с ним рассталась и ушла, не оглянувшись. Напрасно, конечно. Потом уже с места работы, я написала письмо родителям, а ему даже привет не передала. Мама и папа мне написали: «Что же ты привет Николаю (его звали Коля) не передала? Не написала. Он плакал даже». Собрался и уехал на Украину. Жалею сейчас. Это моя ошибка. И он должен был быть решительнее. Взял бы, да и приехал за мной в Забайкалье. Но, видимо не судьба.

Я всегда, особенно сейчас, когда в возрасте и стала мудрее, считаю, Бог даёт то, чего ты сильно хочешь, обязательно, но надо это увидеть, почувствовать, прислушаться и понять. А мы не прислушиваемся ни к чему, мы глупы, думаем, что всё зависит от нас. Нет, не всё. У каждого есть какая-то судьба, линия жизни что ли. Но в молодости, особенно в наш период социализма, литературы такой не было, всё было закрыто, и нас учили, человек — сам кузнец своего счастья. Вот я и помчалась в неизведанное — искать счастье.

* * *

Но я всё же хочу вернуть студенческие годы. Как мы жили, чем интересовались, какие мы были люди! Друзей у меня было мало, я имею в виду подруг. Это, конечно, Дуся Береговская, моя одноклассница и мы были из одной деревни, просидели за одной партой семь лет, потом дружба институтская, Валя Монастырская — все годы учёбы в ин-

ституте сидели вместе за одной партой, Люба Близниченко, с которой сблизилась в Троицке, она тоже из Челябинска, училась со мной в школе номер семнадцать, но там я её не знала, она сама подошла ко мне в Троицке. И мы даже один год или полгода жили на одной квартире. Это когда мы жили в полуподвале. Она была у матери одна, а мать была без мужа, Любе дали общежитие, как необеспеченной, хотя эта обеспеченность или необеспеченность — всё было относительно. У нас отец тоже зарабатывал мало, а детей было трое, и двое сразу учились в институте. Просто люди знали, куда надо обратиться и какие документы предоставить, как всегда определённая жизненная ловкость устроиться. У наших родителей этого не было. Дуся — это моё убежище при неприятностях, а Валя — это душевный человек. Вот так я и дружила. Учились мы в группе номер семнадцать, кажется, она была чисто девчья, и девчонки были все очень симпатичные и разные — кудрявые, рыжие, чёрные, белые. Очень своеобразная группа, как-будто специально её собирали.

На нашем факультете одна девчонка ко мне относилась не очень хорошо. Говорила мне: «Я — не такая, я совсем другая», с такой усмешкой, но я на неё не обращала внимания и не отвечала. А всё из-за того, что я избегала слушать их анекдоты, не очень приличные. Как только начинали их рассказывать, я уходила. Если это было на сенокосе, нас часто посылали в сентябре сено копнить, я уходила и садилась у другой копёшки, и часто ко мне присоединялась Валя, чтобы мне было не так одиноко. Она меня жалела, я же говорю душевный человек. Вот и звали меня «я не такая, я совсем другая». Но я свои принципы не меняла, первое бранное слово (мат) я сказала, когда у меня уже было двое детей. Я выругалась, когда у нас в гостях была Нина, она так сильно смеялась, что у меня это смеш-

но получилось. А муж мой Николай взял ремень в руки и хотел меня стегнуть им, Нина не дала. И вот с тех пор поругиваюсь, хотя это плохо-плохо. Вот такой я была человеком — романтик.

* * *

В институте много читали, обязательно ходили на новые фильмы и в первые дни, и жарко всё это обсуждали, ходили, бегали на танцы, были какие-то диспуты, и что меня поражает до сих пор — «товарищеские суды». Изобретение социализма. На этом товарищеском суде чаще всего разбирали личные отношения девушек с парнями. Это было комсомольское общеполитинститутское собрание. Людей — полный актовый зал, в основном, конечно, девушки — эти собрания были добровольно-принудительные. Обычно рассматривалось дело об обмане парнем девушки, и всё это рассказывалось подробно.

Помню, при рассмотрении дела одной девушки, когда она рассказывала о потере девственности — это был главный вопрос — зал в одну минуту вздохнул, ахнул от неприятной подробности. Это были сцены унижения и стыда, мне лично было стыдно смотреть на рядом сидящих, особенно мальчиков. Не дай Бог это ещё раз увидеть и услышать, и слава Богу нет сейчас этих товарищеских судов.

Ещё было одно важное событие в нашей студенческой жизни, а может только нашего факультета. Я уже писала, у нас должна была быть практика с первого курса учёбы, вместо этого нас посылали работать на току, на сенокосе. Практика — это работа на ферме, конечно, по специальности. Нашлись у нас на курсе умные головы и давай агитировать всех, чтобы как-будто устроить забастовку, то есть в знак протеста, когда нам будут стипендию выдавать, её должны были привезти нам, где мы работали на заго-

товке сена. Стипендию не получать, преподавателей освистать, требовать настоящую практику.

И вот настал тот день. Привезли стипендию, приехали преподаватели института и кассир на машине, на легкой, на «бобике» или другой какой. Все встали в круг, и один из нас зачитал наш протест, и все отказались получать стипендию. Нас пытались уговорить, но все стали в ответ свистеть, улюкать и кричать, и никто не слушал преподавателей. Под наш крик и свист они сели и уехали. А мы стали ждать, что же будет дальше? А поступили хитро. Нас всех быстренько освободили от работы по группам, а не всех вместе. Дали стипендию и отпустили домой. Потом вызвали нас по несколько человек в город Троицк и послали работать с другими группами. Некоторых студентов, двух или трёх человек, исключили из института, как тогда говорили с «волчьим билетом», то есть со справкой такой, которая не давала права поступать в институт. Одного парня я видела исключённого, он работал и ездил на бричке, и все говорили, вот этот заводила и его лишили права учиться. Кто он, как его фамилия, я не помню.

* * *

Но было у нас брожение умов, не так всё было просто. Какие мы были? Мы были уверены, что живём в замечательной стране, у нас нет безработицы — бича буржуазного строя, у нас человек человеку — друг, товарищ. У нас всё для трудящихся — бесплатное образование, учёба, медицинское обслуживание, лечение. Много чего хорошего. Но чтобы это всё получить, надо было иметь, как тогда говорили, «мохнатую лапу», короче, связи. Чем дольше существовал строй, тем эти уродства становились ужаснее. Но большинство из нас поступали в институт честно. Но,

думаю, уже тогда некоторые использовали связи и взятку, но это было редко.

Все мы верили в коммунизм, вечерами мы все обсуждали проблемы, но всё это казалось вроде не главным. Эти очереди в банях километровые. Над женщинами, прямо скажем, издевались — никаких тебе прокладок — вата, которая была в дефиците тоже, когда в аптеке вдруг появлялась вата, очереди страшные из женщин, брали сразу много. Вот и все средства гигиены. Мне не нравились эти критические дни, из-за того, что было много неудобств, завидую сейчас девочкам, женщинам. Как всё это хорошо, красиво и прилично, эстетично. Ходили в баню один раз в неделю, вот и весь уход за собой. А в смысле гигиены — кто как приспособится. Всё было ужасно, примитивно и я сейчас довольна, всё есть для женщин, всё можно себе позволить — я сейчас старая, и то делаю себе педикюр и маникюр. Спасибо Диме, что-то могу себе позволить. Я иду к мастеру и знаю, всё сделают как надо — лишь плати, и чувствую себя женщиной и человеком. Хорошо, что есть такие времена — другие. Вот кто будет читать, немного будет иметь представление о нашей жизни и о нас.

* * *

Патриотизм был высок, все гордились своей Родиной, Советским Союзом и нашими достижениями. Конечно, много делалось для простого человека. Но люди есть люди. Не все правильно поняли идею этого строя. Говорят, что дело в сознании человека — может да, а может, и нет. Я пришла к выводу, что человек неблагоприятное животное и надо его как-то по-другому воспитывать — вот и пришёл капитализм. Будет другой человек, а человек социализма исчезнет, исчезнут и много хороших качеств человека, в том числе доброта, щедрость, какая-то аура мира и добра.

Всё это быстро-быстро уходит в прошлое. Пока-пока, до свидания, необъяснимые непонятные времена, здравствуй-те, другие такие же необъяснимые времена. Всё другое, совсем другое, особенно я замечаю изменения в литературе, в разговорной речи. Маты, маты, не слова – а словечки. Один жаргон. Скучность ума. Когда-то меня корбило от слова «давай», а сейчас привыкла и вроде ничего. Как мы мельчаем! Это поколение уже не будет плакать, как я плакала, читая роман «Овод» Войнич, да и читать они его не будут. Жалко, конечно, и страшно за будущее остающихся на земле.

* * *

Ну, я отвлеклась. Всё не могу решиться, подступить к своему главному событию в жизни. Отношения с Владимиром. Я писала уже, что у нас начался, я так называла – период охлаждения. Он вёл себя странно, то придёт, то нет. Иногда, когда мы с Анной ходили на танцы в ДК, я видела его с девушкой, с женщиной. Он танцевал и делал вид, что не видит меня. Я, то есть мы, уходили из этого зала – в ДК было два зала для танцев – и танцевали в другом зале. Естественно, у меня портилось настроение. Но чтобы самой первой подойти – этого я не могла, гордость не позволяла и воспитание. Не хочет видеть, не подходит, пусть так и будет.

И вот однажды, возвращаясь из дома, или праздник был какой или что-то другое, я еду в поезде и вдруг передо мной стала так ярко картина – я приезжаю в Троицк, захожу домой и вижу его, он сидит с девчонками. Я здороваюсь и ухожу в другую комнату, надеваю новое платье – я сшила себе платье, такая ткань была красная с чёрным и канва – красная полоса и чёрная. Платье было приталенное, из канвы была сшита стойка-воротник и внизу по по-

долу тоже канва, на спине платье было на замке. Оно шло мне к моим рыжим волосам. Это было домашнее платье. Всё так и получилось.

Приехала от вокзала на автобусе, очень боюсь идти одна от остановки до дома, – было это уже в двенадцатом часу ночи. Забегаю домой и вот тебе на – сидит Владимир с кем-то из девчонок, по-моему, они его даже чаем угощали. Поздоровалась и ушла в другую комнату, переоделась, привела себя в порядок с дороги и надела это новое платье и, конечно, постаралась пройти так, чтобы меня видел Владимир, в этом платье. Они сидят в одной комнате, я – в другой. Слышу, он собирается уходить, прощается, заглядывает ко мне в комнату: «Проводи меня». Я хотела сказать нет, но девчонки: «Рая, проводи, конечно». Я беру пальто с вешалки, только успеваю чуть-чуть надеть его, как Владимир просто выдёргивает меня на улицу. Я опешила, не успела ничего сказать, он прямо-таки стиснул меня в своих объятиях, не дав мне застегнуть пальто, обнял меня под пальто, лицом уткнулся в мой воротник и говорит, так стиснув зубы: «Как ты меня измучила!» Я аж взвилась! «Я измучила?! Ты то придёшь, то нет. На танцы ходишь с девицами – а я тебя измучила?» – «Дурочка!» – «Я – дурочка? Учусь в институте нормально, и я дурочка?» Он засмеялся: «Да, дурочка, потом поймёшь, позже».

И опять стали мы встречаться, как раньше, в кино ходить, на танцы. Ну, всё как обычно, когда встречаются молодые люди. Приходить стал часто, регулярно. Видно, я потом поняла, не мог он забыть меня, а хотел, вот и решил опять встречаться, до моего отъезда после окончания института. Я уже заканчивала институт. Наконец, наступил последний вечер, прощальный выпускной бал. А я, по-моему, уже получила назначение или направление на работу, а так как мы были в ссоре, то я и не советовалась ни с

кем куда ехать, а решила ехать куда подальше. Чтобы и мир посмотреть, выбрала Забайкалье, хотя комиссия меня отговаривала. Я думала не о жизни, а не знаю о чём. Короче, это было необдуманно, я и сейчас удивляюсь, зачем надо это было делать? Почему никто не вмешался и не оставил моё глупое решение?

Выпускной вечер мы провели с Владимиром. Многие девчонки были одни, и мои подруги Валя и Анна. Он вёл себя как джентльмен, за всеми нами ухаживал, танцевали мы с ним, конечно. Мне сшили на заказ шёлковое платье цвета вишни, вырез лодочкой, удлинённая талия, а юбка заложена в складки не прошитые, и где пришивается юбка, был пояс, довольно широкий, который я завязывала на юбку бантом с висящими концами. Фасон придумала сама, я придумала платье и Нине, и Гале Нестеренко, и даже купила им ткань. За тканью я ездила в Челябинск. На шее были не крупные розовые бусы, длинная нитка. Они были сделаны под ожерелье, и белые босоножки. Конечно, не богато, но было красиво и прилично. А самое главное — молодость.

На следующий день Владимир пригласил нас в ресторан — я так захотела. Были Нина, Галя, я, кто-то ещё. Но ресторан меня разочаровал, я думала это что-то другое, более красивое, ну как в кино, а всё оказалось гораздо проще. Вот и пришла пора расставания. Или раньше или сейчас. Помню наш разговор. Я спросила, почему мы не вместе, имея в виду мой отъезд. Он сказал, что не может поехать со мной, на его содержании сестра и мать, что в деревне он будет мало зарабатывать. При этом я не знала, сколько в деревне зарабатывают. А вариант мне остаться в городе не рассматривался, я была глупа, и он не лучше. Короче, он не боролся за меня, принял решение отпустить. Не легко ему это далось. По-

чему я так думаю? Он сказал: «Рая, я никогда тебя не забуду, и ты меня будешь помнить. Но вместе не будем». Я не смела возражать, наверное, это было правильно, Бог мною руководил, и он не дал мне что-то говорить, и я с горечью это всё приняла, наверное, на что-то надеюсь ещё. Он любил меня, и я была увлечена.

* * *

Когда я уехала в Забайкалье, сообщила ему и матери с отцом свой адрес, от него получила телеграмму: «Когда же ты вернёшься?» Когда я получила эту телеграмму на почте, все работники на меня глаза выпучили, я прочитала эту телеграмму — это крик души, если взрослый мужчина, а он на пять лет был меня старше, такое посылает, это что-то значит. Долго я хранила эту телеграмму, куда она делась, не знаю. Я тоже ответила многозначительно «Когда ты захочешь!». Но дальше наши отношения стали затухать. Писали письма, но всё реже, может, и я была виновата. Вот если бы он поступил так, как Анатолий (муж моей сестры Фаи), взял да и приехал за ней, кто-то должен был сделать решительный шаг. Я считала, что он должен — он мужчина, мы, девчонки, были так воспитаны — первыми не говорить о своих чувствах. Вот и расстались, как в море корабли. Прав он, я его помню, но уже не помню фамилию, а казалось, век не забуду.

Вот пишу, и так горько, обидно на душе, а за что, не знаю. Умом понимаю, что ни делается, всё к лучшему, и, наверное, высшим силам виднее, что и как повернуть, а я как-то верю, кто-то вмешивается в наши мысли и дела. Почему-то мне верится, он помнит обо мне и может даже сожалеть, что так отпустил меня. И мне хочется знать, как

сложилась его жизнь. Я не плохо прожила, а самое главное – дети у нас хорошие. Вот и хочется узнать о его судьбе, сколько лет прожил. Увидеть бы его чуть-чуть, а он бы меня не видел. Почему-то я так хочу.

* * *

Сейчас сделаю перерыв, что-то эти воспоминания взволновали меня. Злюсь на себя, почему я так была глупа и не решительна? Вот моя подруга Дуся первая объяснилась в любви своему будущему мужу (он не обращал на неё внимания), а она влюбилась и первая сказала ему. И молодец! И они стали дружить и поженились, и хорошо жили. Помню, Дуся пришла ко мне: «Рая, я хочу первая сказать ему о своих чувствах, я измучилась, а так будет легче». Я ещё её отговаривала: «Дуся, не надо». – «Нет, Рая, я скажу, пусть что будет». Мы тогда были в колхозе на работе, она улучила момент, когда они остались одни, сказала эти слова и убежала. Они как-то задели его, стали дружить и поженились.

Умные девочки выходили замуж в институте, а нас мама сбила - не выходите в институте замуж. А когда после института приехали в деревню, вышли замуж. Парни моложе нас и неграмотные. Опять замечание: зачем вышли замуж за неграмотных, то есть без высшего образования. А где их взять в деревне? Вот и учили своих мужей. Я своего Николая, Фая - Анатолия, Нина – Кима. А моя умная Дуся быстренько замуж вышла на последнем курсе и вместе поехали в Кустанай. Сейчас я не завидую. Мы прожили не хуже, и мы в России живём. Я очень рада, что мы уехали из Казахстана. И главное – дети в России. Ура, ура – мы все россияне!

* * *

29 сентября 2007 года. Теперь я решила писать по-другому. То есть описывать то, что произошло сейчас, в то время, когда пишу, и, как будто вылетать события, которые произошли ранее. Вот поэтому я пишу дату, месяц и год. Произошёл небольшой перерыв, между тем, что написано ранее. К нам в гости приехала дочь Света с мужем Игорем – это её второй муж, он моложе Светы на шесть лет. Но, Света выглядит хорошо, молодо, она родилась 25 мая 1966 года. Они были на юге, загорели. Мы с Николаем ждали их. Но прожили они у нас не долго, всего несколько дней. Света могла жить и подольше, но Игорю на работу, и она поехала. Конечно, нам обидно, но разве мы можем удерживать? Никак. Конечно, обидно, особенно Николаю, Свету он любит и жалеет больше всех.

Приехали к нам, чтобы встретиться с сестрой и братья Дима и Коля, на импортной машине, очень дорогой. Я не понимаю в них ничего. Дима занимается бизнесом, а Коля у него помощник. Как всегда, Дима привёз продукты: мёд, мясо и всего, что нам надо. Спасибо ему, и Дима дал мне денег, девять тысяч рублей. Посидели, поговорили, выпили. На мой взгляд, много – бутылку коньяка и водку, хорошего качества. Пили – я (только коньяк), Николай, Света, Игорь, Дима. Коля не пьёт вообще, сейчас не пьёт. Отцу Дима наливал чуть-чуть, потому что Николай ранее пил, и Дима боится, что отец выпьет лишнее, он много пережил вместе со мной, когда отец выпивал. Было хорошо, тепло на душе – дети с нами, живы, здоровы и не нищие. Заняли определенную нишу в обществе. Света врач-терапевт, Игорь – инженер, Коля у Димы работает, Дима его не обижает. Слава Богу, всё хорошо. Дети нормальные, не пьяницы, внуки тоже хорошие.

Дима и Коля посидели и уехали, а Свету с Игорем провожали на следующий день. И вот всех проводили, и что-то вроде оборвалось в душе. Стало так тоскливо, печально. Свету проводили вечером двадцать первого сентября, ночью мы плохо спали, всё думали: «Почему мы так одни живём? Рядом нет детей». Света решила потом поехать в Омск, к дочке Даше. Она учится в медицинской академии. Света планирует провести там некоторые косметические операции. Мы, конечно, отговаривали. Но, кто нас слушает?!

* * *

И я перехожу к тому прошедшему времени – это тысяча девятьсот пятьдесят девятый год, когда я закончила институт, прошёл выпускной бал, я рассталась с Владимиром и поехала домой, то есть к отцу и матери, в деревню, Кустанайская область, совхоз Кен-Аральский, где я провела детство и училась в школе, то есть закончила седьмой класс. У меня был отпуск перед поездкой на работу. Конечно, было немного грустно, но не смертельно. Здесь меня ждали встречи с одноклассниками и квартирантом мамы – Николаем, который с нетерпением ждал меня и звал усиленно замуж, все деньги обещал мне отдать и мама уговаривала. Но, я поступила по-своему.

Тут меня встретил дед Степан, отчим мамы и муж Евдокии Львовны, моей бабушки. Отвёл меня в сторону и зашептал: «Бабушка была у ворожеи, ворожила на тебя, вот, что она сказала: «У вашей внучки есть два парня – один белый (Николай), другой чёрный (Владимир). Но, она ни за кого из этих не выйдет, а будет другой, третий, она за него выйдет и приедет к вам». Всё это я слушала в пол-уха, он ещё что-то говорил, но я не запомнила, а всё случилось так, как мне наворожили. Так бабушка Дуся наворожила и

на Нину, и на Фаю, между прочим, всё сбылось, и у меня, и у сестёр.

* * *

Это была необыкновенная женщина, но ворожила не всем, брала пять рублей. По тем временам дорого. Когда я уже была замужем, и у меня уже были дети, а баба Дуся жила в Челябинске у Фаи, дед Степан уже умер, я и вспомнила про эту женщину. Еду в Челябинск и думаю, даю себе задание, спросить у бабы Дуси про эту женщину.

И вот наваждение. Пока я живу в гостях у Фаи, я забываю этот свой вопрос, как будто кто у меня его вырубает из головы. Забываю спросить. Только отъеду от Челябинска немного, стук в голове, как будто что-то включается: «Опять я забыла спросить у бабы про эту женщину». И обидно, и горько, а ничего не поделаешь, и так продолжалось до тех пор, пока бабушка не умерла. Что это было? Колдовство?! Эта женщина не допускала к себе. Не могла же я её пять или десять лет всё время забывать, до сих пор мне обидно на саму себя. Как я пропустила такое важное дело? Ну, ничего не поделаешь.

* * *

Вот так отпуск прошёл, и надо ехать на работу, и я помчалась искать счастья своё в Забайкалье. Через Челябинск. В Челябинске остановилась у бабушки Дуси, купила билеты до Читы. Надо ехать было поездом, суток четверо, наверное. В то время ходил поезд Москва – Пекин. Вот на этом поезде я и поехала. В купе нас было четверо, я, ещё одна женщина – совпадение довольно многозначительное – она тоже ехала в Читу, и тоже на работу, после окончания института на Украине и тоже зоотехник, и мужчина или двое, не помню. Один из них оказался из Ново-

сибирского института, он меня очень усиленно уговаривал остаться в Новосибирске, в институт приглашал работать, вот так прямо я должна была сойти вместе с ним в Новосибирске. На это я, конечно, не решилась. Но он — этот мужчина — оставил мне адрес, на случай если я передумаю или мне не понравится — обратиться к нему. Мы поехали дальше.

Я смотрю на эту женщину, как-то она странно одета, но мне показалось или я просто подумала, наверное, мода такая. На ней была юбка, она просто запахивалась, и мне это понравилось. Вот, думаю, как просто и модно. Приехали в Читу, пошли в областное сельскохозяйственное управление, и нам обоим дали направление ехать в районный центр Красный Чикой, где мы должны уже окончательно получить направление. Приехали, остановились в гостинице. Я смотрю на эту женщину. Она какая-то странная — полная, и вроде не полная, но фигура какая-то необыкновенная и ходит так плавно, а я рядом, как коза, то вперёд забегу, то отстану, не хватает мне терпения так плавно идти с ней рядом. Вот думаю, надо, наверное, так ходить солидной даме, а я скачу, и я стараюсь ей подражать.

Пришли мы в управление. В кабинете сидят несколько женщин и мужчина. Женщины, конечно, секретарь и помощники. А я в голове своей приняла решение, взять назначение в колхоз или совхоз, ближе к райцентру, имея в виду, что из этого совхоза-колхоза можно легко попасть в районный клуб на танцы. Уж очень я любила танцы. Обычно, при районном центре был всегда рядом совхоз или колхоз. Рядом с Чикоем был колхоз, и туда нужен был зоотехник. Я сразу — поеду в этот колхоз и никуда больше, и эту женщину тоже направляют туда же и просят меня уступить, приводя разные доводы. Я упорно не соглаша-

юсь, настаивая на своём. Одна женщина мне говорит: «Ну что вы упорствуете? Посмотрите на её положение». А я: «Я тоже в таком положении», имея в виду проблему с выбором места жительства. Женщины посмотрели на меня удивлённо и как-то странно, и одна из них отводит меня в сторонку и говорит: «Вы что, не понимаете — эта женщина беременна, ждёт ребёнка». Когда она это сказала мне, она меня убила. А я же говорила, что я в таком же положении. Я просто остолбенела. Какая же я дура, что обо мне люди подумают, а я ещё подражала её походке, ходить плавно. Меня убили.

После этого, осознав, что я себя показала полной душой, меня можно было послать не только в колхоз любой, а хоть куда, хоть на Камчатку. Я была в таком отчаянии. В полнейшем. Меня направили в дальний колхоз Жиндо, и сказали что я поеду не одна, меня ждёт девушка агроном, в гостинице. Хоть это меня утешило, что я не одна, если бы не моё глупое поведение, я могла бы выбирать, а так я растерялась, и меня послали в дальний колхоз района, я потеряла смелость отстаивать своё назначение. И всё моё незнание жизни опять меня подвело. Я сейчас думаю, ну и дурочка я была, с таким знанием жизни сейчас бы я просто не выжила, но тогда были другие люди, посмеялись надо мной, да и всё.

* * *

Я пришла в гостиницу, познакомилась с девушкой Ритой, которую тоже направили в Жиндо. Вместе мы стали ждать председателя, который должен был за нами приехать. Гостиница — просто бревенчатый дом, несколько комнат, стояли кровати, был столик в комнате. Райцентр мне показался странным. Все дома были из брёвен, и они

были тёмные, и райцентр казался тёмным, неопрятным. Тротуары из деревянных досок, дороги не асфальт, а песок, гравий. Мне не понравилось. Люди другие. Больше темноглазых, темноволосых и разрез глаз монгольский. Я ничего головой не думала, просто шла куда надо, ела, спала. В голове не очень много мыслей было. Посмотрела клуб - так себе, даже в баню ходила. Бани я любила, а то думаю, где там, в колхозе, мыться. Рита была полная, тоже рыжая, как и я. Приехал за нами председатель или кто-то другой, и повезли нас в наш колхоз «Жиндо» Красночикийского района Четинской области.

Председатель нас предупредил, будем заходить в квартиры, не удивляйтесь, если увидите пол устлан песком. Но песок не такой, как на речке, его в начале как-то мыли, прожаривали, чтоб он был чистый, без пыли, потом уже таким песком посыпали полы. Ходили в обуви, такие лёгкие сапоги, не знаю, как они назывались. Дома были деревянные, из брёвен. Обычно было три комнаты, первая - кухня и ещё две комнаты. Посредине стояла русская печь, очень большая. В ней готовили и на ней спать можно было.

Комнаты были разделены дощатыми досками, порой даже не до потолка. Пазы в брёвнах, были заделаны мхом. Так и жили, мох внутри торчал, и было из-за этого полно клопов. Сколько я там жила, столько от них страдала. Меня они кусали, Рита рядом лежала, ей хоть бы что. Я просто мучилась, пока я там жила. Нас с Ритой определили на квартиру к старику Петру, его звали Петруха. Очень большого роста, широкоплечий, забайкальский казак. Жил он с женщиной, второй женой, первая умерла. У него было четверо или трое детей - сыновья и дочери. Но в Жиндо жила только дочь с детьми, которую дед не очень привечал, да и внуков не привечал дед Петруха.

* * *

Нам дали одну комнату у деда и две кровати. За то, что мы жили у него, колхоз начислял ему трудодни. Питались мы тоже у деда, наверное, сколько-то платили мы. Нам государство выплачивало дотацию - где-то семьдесят или восемьдесят рублей в месяц. Для колхоза - это приличные деньги. Только живя в Забайкалье, я увидела разницу в жизни. Здесь жили бедно, очень бедно по сравнению с тем, как жили люди на моей родине. Мои родители жили гораздо лучше. Всё меня удивляло. Все курили: и мужчины, и женщины, и старухи. Курили самосад. Очень вонючий. Странно разговаривали - такие словечки: эвон, браво (хорошо), баско (красиво) и т.д. Всё это я уже забыла. Деревни казались тёмными, из-за брёвен, у всех большие ворота и высокий забор, из досок. К каждому дому прилегал участок земли, улица была одна, но длинная. Все деревни стояли у рек. Участок земли, соток, наверное, шестьдесят, делили пополам. На одной половине росла трава (зелёнкой называли), её косили два раза за лето, на сено. На другой половине садили картофель, лук, огурцы, помидоры, капусту. Всё поливалось.

Вокруг всей деревни был арык, или траншея, по которой пускали воду и запускали её в огород, всё это делалось по очереди. Не сразу все поливали. Деревня, обычно это одна улица - кончалась воротами из жердей. Когда мы ехали, там бегали ребятишки, открывали и закрывали ворота, а им давали копейки за эту работу, те, кто проезжал. Местность гористая и лесная. Климат резко-континентальный. Днём в обед может быть жара, а вечером прохладно. Вечерами я там никогда не выходила в одном платье, летом даже холодно мне было. Скот на пастьбу выгоняли на улицу, когда пастух шёл и играл в дудочку. Всё было интересно. Пастуха по очереди кормили и на

день еду давали, кормили вечером, после пригона скота. Скота держали мало, сена негде взять, кругом горы. И сви-ней держали одну, редко двоих.

Таких свиней я в жизни не видела. Это были гончие. Живота нет, длинные ноги, худющие, морды длинные. Страшили. От такой жизни ещё и не такой будет свинья. Летом свиней кормили травой. Конским навозом, который собирали в конюшне. В конском кале был овёс, колхозных лошадей же кормили овсом. Немного давали болтушки — воду с дроблёнкой, и то чуть-чуть. На таких харчах не раз-жиреет свинья, сала на ней было — просто шкурка, толщиной в мой мизинец. Под осень — эту животину начинали кормить лучше, где-то месяца два, она чуть поправлялась и её реза-ли. Это считалось большим достатком, если такую животи-ну резали. Сколько я там жила, всегда была голодна.

Поедем в райцентр на совещание сдавать отчёт, обычно это было в конце месяца или в первых числах дру-гого месяца — каждый месяц я сдавала форму двадцать че-тыре о движении скота. Приеду — и сразу в столовую по-кушать и беру первое, второе. И всё мясное. Неудобно пе-ред официантами, но кушать хочется. Хорошо ещё, что деньги были у меня, мне же платили дотацию. Я приехала в Забайкалье в 1959 году и уехала весной 1960. Всего год прошёл.

Сейчас вспоминаю, как много событий произошло, как будто я там прожила очень долго. Каждый месяц, мы все специалисты выезжали в райцентр, обычно ехали на ночь, ночевали в гостинице, а утром — в управление сда-вать отчёт, совещание, а потом — домой. Ездили на грузо-вой машине, в кузове, она была закрыта брезентом. Всё бы ничего, но надо сидеть в кузове, спиной по ходу машины. Меня такая езда укачивала, и эти поездки стали мучением, страшным мучением. Только иногда я могла сесть в каби-

ну к шофёру. Летом ещё ничего, а зимой, когда холод ещё добавляет мучений, поездки были тяжёлым испытанием.

* * *

Жили мы с Ритой на квартире у деда Петрухи и пита-лись у него. Утром был чай из самовара, обычно с моло-ком. По-моему, без сахара и картофель отварной в мунди-рах, политый растительным маслом. Иногда хозяйка, её звали Федора, пекла блины из кислого теста. Вот и вся еда. Мы могли, как специалисты, выписать мясо. Скот резали для сада, летом — для работающих на поле, трактори-стов, женщин на току, то есть для всех, кто работал в поле. Но много не выписывали, да и холодильника не было. Рита как-то быстрее сблизилась с колхозницами и узнала, что дед решил отказать нам в питании, как только свинью за-режет. Мы, конечно, обиделись и решили уйти от него. Как раз освободилась квартира, и мы к новому году перешли в неё и стали жить самостоятельно. С Ритой вначале мы хо-дили, особенно утром, на работу вместе. Но нас стал кри-тиковать председатель, и хождение вдвоём мы прекратили.

За мной закрепили вначале большую старую, спокой-ную лошадь, чтобы я научилась ездить верхом. Я взбира-лась на неё с какого-нибудь возвышения и слезала, возле конторы, где стояла скамейка. Ужасно боялась. Но приказ председателя, есть приказ. Вот как-то я еду из Жиндо но-мер два в Жиндо первое, где контора, верхом на этой ло-шади, погоняла её палочкой, иначе она не шла. На мне бы-ла широкая юбка-клёш (я сшила её сама, и кофточка белая, всё шила сама) и где-то уже в Жиндо первом, в начале по-сёлка, палочка выпала у меня из рук, и лошадь встала. Ни вперёд, ни назад. Я не знаю, что делать. Сиж, понукаю её, никакого результата. И вдруг, выходит парень и подаёт

мне палочку. «Спасибо», — говорю. Так я познакомилась с Николаем.

Приехала к конторе, это было утром, подъехала к скамейке, слезла. У конторы полно колхозников, наблюдают. Слезла благополучно, лошадь привязала и пошла в контору. А председатель мне новое задание — ехать верхом на отгонное пастбище, где находится крупный рогатый скот — молодняк — бычки и тёлочки, и провести кастрацию бычков. Поехали два ветврача — женщины, бригадир и ещё какие-то люди. Расстояние приличное, и я ещё плохо езжу верхом, но никто не обращает на это внимания, говорят: «Вот и научишься сразу». Пришлось ехать.

Выехали утром, приехали вечером. Дорогой где-то мы кушали, все выпили, я — нет. Я не пила, если и могла, то только красное хорошее вино, а белое в то время не пробовала. Они пили даже тройной одеколон, и от них всех так воняло одеколоном этим. Наверное, меня и спасло то, что я не пила, никто не приставал, никаких бранных слов не говорили. Я была худенькая, выглядела моложе своих лет.

Жили мы там несколько дней, какую-то животину зарезали, варили мясо, ещё варили вот эти яйца от телят при кастрации — все ели и нахваливали. Я их есть не могла. Там рос такой чеснок — они называли — черемша, он хорош, все его ели в большом количестве. Вкус черемши, как чеснок, только листочки широкие, не такой жгучий как чеснок. Все ели эту черемшу, ещё нарвали домой. Когда приехали на стойбище скота, я еле-еле слезла с лошади, я отбила себе задницу, ноги тоже. Было больно. Спали в избе на полатах. Постель — матрасы, подушки, одеяла. Меня положили женщины к стене, сами легли возле меня, а мужики — через небольшой промежуток, тут же рядом. Назад я ехала, уже приноровилась, где надо жопу поднимать. Приехала, уже

не так всё болело. Так меня председатель научил ездить верхом, я уже лошадей не боялась.

* * *

Фамилия председателя была Пинигин, звать забыла как, он был из двадцатитысячников. Из тех, кого из городов посылали поднимать сельское хозяйство. Но он всё-таки мало что понимал в колхозных делах, был из какой-то промышленности. У него были жена и двое детей — девочки. Умер Пинигин молодым, дети стали обычными колхозниками, ничего они не закончили, то есть не учились в институте, а быстренько вышли замуж и всё, вся карьера.

* * *

Ко мне в Забайкалье приехала моя сестра Фая. Я, конечно, очень была рада, даже сделала попытку устроить её работать у нас в Жиндо. Поехала в Красный Чикой, куда-то я ходила с просьбой направить мою сестру к нам в Жиндо. Но ничего не добились. Надо было быть более настойчивой и пойти к первому руководителю района. Позже, когда Фая уехала, один из руководителей сказал: «Что же вы ко мне не пришли? Я бы решил эту проблему». Но мы были неопытные в таких делах.

Фаю направили в посёлок Гутай медицинской сестрой или фельдшером-акушером, не далеко вообще-то от меня, но ведь не в одном посёлке. Она прожила несколько дней со мной и Ритой в Жиндо, и я вижу, как Рита, вроде сблизилась с ней, о чём-то доверительно так говорит. Потом, позже, когда я была уже замужем, я узнала, что Рита Фае доверила свою тайну. Оказывается, у неё был ребёнок, и он жил у её матери. По-видимому, я так вела себя, что Рита не решилась сказать всё мне. Я очень удивилась, вроде я не осуждала женщин-одиночек, имеющих детей. Но,

видимо, что-то было в моём поведении не внушающее доверить эту тайну. Хотя я подозревала, что Рита не такая, как я думаю. Я глупая была. Мы же вместе с ней ходили в баню, она мне запретила смотреть на неё, но я заметили, что груди у неё другие, спросила её об этом, она отделалась от меня неопределёнными ответами. А потом она стала избегать меня, чтобы не мыться в бане вместе. Я недоумевала, но если она так решила, я не могла настаивать.

Ещё одним поступком Рита меня удивила, поразила, а я показала себя до ужаса смешной. Вот сейчас вспоминаю этот момент и думаю, как же в тайне люди деревни потешались надо мной, но слава Богу, всё это позади, и ещё хорошо, что они не совсем меня считали дурой. Но, наверное, что-то в голове у них не укладывалось, что я такая непонятная для них.

Мы жили вдали от цивилизации, клуб был закрыт, фильмы привозили редко, да и не всегда я могла успеть на сеанс кино, я же часто уезжала по посёлкам, где был скот. Посёлки Голдановка, Хилкотой, Жиндокан были на расстоянии семнадцати-восемнадцати километров от центра, от Жиндо. Голдановка находилась в трёх километрах от Жиндо.

* * *

Хочу описать один случай. Дело происходило так. Я очень любила музыку слушать, ну хотя бы патефон, в то время были какие-то проигрыватели. И одна девочка, она работала учительницей в полевых бригадах, пригласила нас к себе домой послушать музыку. Вот мы с Ритой направились к ним. Эта девушка жила с матерью и братьями. Мать работала веттехником, мы встречались часто по работе. Вот мы с Ритой пошли к ним. Был уже вечер, темно. Как всегда, прохладно вечером, хотя было лето. И вдруг

моя Рита, я её держала под руку, стала изгибаться и падать назад, как будто заваливаться на спину. Я: «Рита, Рита, что с тобой?» Молчит, что-то говорит непонятное. Я испугалась, держу её, кое-как я довела её до квартиры этой девушки. Зашли, я говорю: «Её надо положить, ей плохо». Риту положили на кровать, а кровати в Забайкалье были отгорожены от всей комнаты занавесками. Вот туда её и положили.

Я взглянула на неё, она сама не своя, какая-то непонятная, водку мы не пили, не пойму в чём дело. Я испугалась и пошла за медиком. А медик у нас был мужчина, и он как раз женился, у них был вечер. Вот я пошла, еле достучалась, всё закрыто - забор и большие ворота. Я вся в смятении. Сказала, что Рите плохо, и где она находится. Он обещал прийти, и я вернулась. Она лежала на кровати за пологом, за занавесками. Тут уж мне не до музыки.

Пришёл фельдшер, заглянул к Рите, выходит оттуда и так с усмешкой: «Да ей надо палку» (сейчас я понимаю, что он имел в виду), а тогда я поняла в прямом смысле. Как я накинулась на него, как я стыдила его и угрожала даже. Все смотрели на меня с недоумением, а я не могла понять, чему они ухмылялись. Но, я не притворялась, я действительно всё поняла, как он сказал, я же писала ранее, анекдоты я не слушала, старалась избегать слушать бранные слова и не знала их. Хотя мне было уже двадцать три года. Позже я поняла, что моя наивность их удивляла и ошарашила. Наверное, только поэтому они мне не рассмеелись в лицо — дурноватых жалеют.

* * *

Вот сейчас пишу, вспоминаю и думаю, нет, хорошо, что я была такая, наверное, поэтому за год жизни в этом колхозе, никто не сказал мне плохого слова, не обозвал, а

иной раз заслуживала. Ну что взять с дуручки? После этого события Рита совсем перестала со мной куда-либо ходить. В тот день эта девочка меня проводила домой, я одна боялась идти, а Рита осталась у них. Что с ней было, не знаю. Но что-то не очень хорошее. И мы с Ритой стали отдаляться друг от друга. Так как одна я боялась куда идти, то я больше была вечером дома. Ни с кем особо не встречалась и не общалась.

В один выходной, лежу, днём или был вечер, слышу стук в первой комнате-кухне — голоса. Открывается дверь, и дед Петруха заводит парней человек пять-семь и даёт им табуретки. Они усаживаются у кровати, на которой я лежала, я еле успела сесть, и закрыть свои ноги одеялом, хорошо что я ещё была в ночнушке. Вот я была напугана и удивлена их посещением, до сих пор не знаю, что им надо было. Устроили какой-то допрос, в смысле, почему я ни с кем не дружу, избегаю всех. Я не знала, что им ответить, что-то я мямлила в ответ, а надо было просто их выгнать. Вот и весь разговор. Но, я так растерялась, что даже не могла сообразить, что им надо от меня, и никогда не думала, что кого-то задевает, что я сижу спокойно дома.

Они ушли, а дед Петруха ещё давай меня стращать, какие у них парни, могут и побить. За что? Я так и не поняла. А было ведь за что меня побить!

Так было заведено в Забайкалье, что доярки жили отдельно, не в деревне, а на ферме, которая далековато находилась от деревни. У них там было общежитие, стояли кровати, была печь, они её топили по очереди, кухня. В этом общежитии они жили — ночевали, кушали. Это был второй дом для них. Я однажды заночевала в таком общежитии, мне надо было на утреннюю дойку, а это рано, поэтому я вынуждена была заночевать. И мне не понравилось, что к некоторым девочкам пришли парни и лежали с

ними. Я посчитала это нарушением правил общежития и написала докладную председателю. Эту докладную разбирали на правлении, а девочкам дали выговор. Одна из них приходила к нам домой, вся в слезах, так говорил дед Петруха. Меня, к счастью, дома не было. Наверное, если бы я была дома, она меня побила. Долго я потом боялась, что меня всё-таки поколотят. Старалась вечером быть дома.

Работа шла потихоньку, ездила по фермам, что-то делала, но работа мне не нравилась, да и условия были ужасные, я имею в виду для животных. Какая уж тут племенная работа, если скот падает от недокорма, а телят, чтобы не подохли, хлебом кормили. Но я старалась, по всем правилам зоотехники, чтобы был учёт, чтобы у коров был номер, кличка и все записи, завела везде журналы. Хотя мой ум сопротивлялся, кому это нужно?, такая тяжёлая работа у людей, у девушек доярок. Но, с меня спрашивали, и я вынуждена была подчиняться и спрашивать. Спасибо всем людям, с которыми я тогда соприкасалась, за житейскую мудрость, они ведь могли просто послать меня подальше. Но никто на меня не кричал, а старались помочь. Спасибо вам, люди, большое. Вы меня, наверное, понимали. Вы понимали Жизнь, не то что я.

* * *

Вот в Жиндокане был такой руководитель-зоотехник, сейчас ещё поискать надо такого хозяйственного человека. Везде порядок, чистота, дисциплина. Мне просто там было приятно быть. У него свиноматки поросились, а у поросят были сделаны полати, на эти полати поросята забегали по лестнице. На полатах, они вверху, теплее и сухо. Они сосут мать и гурьбой по этой лестнице наверх, и там спят. Я удивлялась, кто их научил забираться?! — А никто, они сами догадывались. У него и с кормом было всё в норме. У

него работал такой аппарат, когда не хватало сена, кормили соломой, эту солому запаривали особым способом, посыпали дроблёнкой и скот поедал её. Вот такого человека надо было ставить председателем, а не приезжего Пинигина. Глядя на весь этот порядок, у меня язык не поворачивался что-то говорить. Я смотрела и поражалась упорству этого человека, его настойчивости, терпению. А фамилия у него была Асташов. До сих пор вспоминаю его. Его полати потом применяли с мужем в своём личном хозяйстве. Вот были же люди!

* * *

Я уже писала, что Фая жила в Гутае. Я решила навесить её и поехать верхом на лошади. Дорогу я знала только приблизительно. Ехала и спрашивала, где повернуть. Поехала не трактором, а просёлочной дорогой. Старалась запомнить путь на всякий случай. Природа красивая - горы, леса, а между ними дорога. Не очень широкая, но заметная, и как я радовалась, что я всё-таки приехала к Фае в Гутай. Я с собой для лошади брала овёс. Фая жила на квартире у двух старушек. Я там побывала день и вернулась в Жиндо, а там меня ожидал сюрприз: Пинигин написал приказ, удержать с меня за использование лошади в личных целях сумму денег. Вот сейчас думаю, он, наверное, был прав, а тогда было обидно и как-то неловко мне. За что, не знаю, но так получилось.

* * *

Итак, за небольшой промежуток времени я многому научилась, даже ездить верхом на лошади. У меня сложились не простые отношения с ветврачом по фамилии Калгин. Он фактически был веттехник. Взялся он на меня писать докладные. Падёж скота, был, конечно. В условиях

недокорма дохли новорождённые поросята. А Калгин — сразу докладную. И всё у него от неправильного ухода, воспаления кишечника. А Пинигин спрашивал с меня и за павшего поросёнка удерживал из зарплаты. Меня это не очень трогало, зарплата была в колхозе в трудоднях, как говорили, палочки-чёрточки. Просто обидно, потому что не всегда я была виновата.

Наверное, он «съел» бы меня, этот Калгин, но неожиданно у меня нашлась защита в лице главного врача — из Урмука. Все колхозы были разделены на зоны, главных врачей с высшим образованием было мало, и им поручали шефство над несколькими колхозами. Главный ветврач нашей зоне ездил к нам с проверкой. Я сразу почувствовала, что он на меня обратил внимание. Если приедет, обязательно возьмёт меня и ветврача в поездку по нашим отделениям. Я как-то сказала ему, что наш веттехник бесконечно пишет на меня докладные. Наверное, главврач сказал что-то Калгину, тот писать перестал докладные, да и заметил, наверное, что я Асташеву не безразлична. Просто с его стороны было какое-то внимание, взгляды и робкое влечение, не более.

* * *

Как-то зимой я возвращаюсь из поездки, из Жиндокана. Почему-то задержалась, наверное, собрание было. Руководитель этого участка любил устраивать собрания, а зимой темнеет рано, в Забайкалье тем более. Пришлось возвращаться по темноте, да началась позёмка. А я уже отъехала прилично от Жиндокана. Я видела тогда уже плохо, близорукость минус пять, но очки не носила. Началась метель. Еду и почти плачу, думаю, пусть лошадь сама идёт, она лучше дорогу чувствует.

На мне был купленный недавно полушубок. Он доходил только до колен. На ногах валенки, на голове - мужская шапка-ушанка. (В колхозе стала носить зимой мужскую шапку, больше ничего подходящего не было). Она закрывала лоб, уши, щёки, шею. Было тепло и хорошо. Платки, шали я не любила, да и не было их у меня. Юбка, конечно, но, рейтузов не было. А я вспомнила маму, которая брала мужские тёплые кальсоны и надевала их вместо рейтузов. Бельё мужское было трикотажное, цвет, правда, светлый, но тогда юбки носили длинные, не видно. Вот и я так одета была. Еду, не кошёвка у меня была, а такие санитразовальни, настелена солома. Чувствую, просто замерзаю, ноги мёрзнут, руки стынют. В Жиндокане ходила по базам, валенки стали мокрые, а тут - мороз, они замёрзли, как льдины стали. Плачу, уже думаю, что будет, то будет. И вдруг меня обгоняет кошёвка, останавливается впереди. Лошадь моя встала, и ко мне идёт человек. «Рая, это ты, ты откуда? - Это ветврач Асташов. - Садись ко мне, ты же замёрзла!» - «А лошадь мою куда?» - «Привяжем её к кошёвке, и она сзади побежит». Так и сделали.

Я села в кошёвку, она устлана шкурами, есть сиденье, над головой - навес, впереди - полог ноги закрывать. Боже, я спасена! Тепло, хорошо. Асташов взял мои руки в свои: «Рая, ты же замёрзла. Руки у тебя как лёд!» Давай руки мои оттирать и отогревать. От радости, что я спасена, я даже заплакала. Асташов меня поругал немного, что я ночью езжу, да ещё зимой. Приехали прямо к дому, где я жила, Асташов спросил, можно ли ему у нас переночевать. Я спросила у деда Петрухи. Мы зашли, и надо что-то покушать. Вместе картошку чистили и варили (или жарили?). Он ночевал у деда Петрухи, лошадей он увёл в конюшню.

Весь вечер, когда мы вместе готовили ужин, он всё как-то старался прикоснуться ко мне и смотрел на меня

очень внимательно. Мне было приятно, но довольно странно, я знала, что у него есть жена. Между нами ничего не было, интима не было, да и объятий страстных. Я просто позволяла любить себя и не более. Я поняла, что он сильно в меня влюбился, этот мужчина старше меня, симпатичный, умный. Но ни о каких отношениях между нами я не думала. Для меня это было как игра. Он защищал меня, и совсем я его оттолкнуть не смела, да и вёл он себя скромно, как бы издали любясь мной. Он боялся огласки. Уединённых свиданий не было, а когда приезжал к нам в Жиндо с проверкой, обязательно находил меня, где бы я не была, встречались на совещаниях в райцентре.

* * *

Один раз я решила подшутить над ним. Когда мы приезжали в райцентр, обычно все вместе ходили в кино, договаривались и встречались в кинотеатре, в определённое время. Он старался где-то сесть рядом со мной. После одного из таких совещаний я не пошла на тот сеанс, на который договорились, а пошла раньше. Посмотрела фильм и постаралась выйти из кинотеатра так, чтобы никто меня не видел, и ушла в гостиницу. Сажу там спокойно. Вдруг ко мне приходит заведующая: «Рая, тебя приглашают выйти». - «Кто?» - «Выйди - узнаешь». Выхожу, стоят он и мой веттехник Калгин. «Почему ты не была в кино?» - спрашивает Асташов. - «Я была, только в другое время!» Он удивился и как-то странно посмотрел на меня. А меня так развеселил его приход, я давай над ними смеяться и шутить. Помню, у них были новые шапки, красивые - серый каракуль. Я в то время любила этот цвет. Помню, я сняла шапку с Асташова и давай примерять, она мне была хороша, они так и сказали: «Тебе, Рая, идёт». Он говорит: «Хочешь, подарю?» Я отказалась. Мне было смешно: ага, заметил, что нет меня, при-

шёл, страдаешь и боишься? Тогда за такие дела по головке не гладили, партия быстро разбиралась.

Вышли на улицу, посидели на лавочке. «Зачем ты так делаешь? Я чуть с ума не сошёл, думал, где ты?» Я смеялась: «Почему я должна докладывать вам, где я нахожусь?» Я специально говорила ему «ВЫ», что-то мне подсказывало, так для меня легче будет отстраняться от него. Он размышлял: «Рая, будет лето, мы будем встречаться с тобой на увалах». Он имел в виду дорогу на Урмук, пешеходную, она шла между горами, я слышала об этой дороге. Я молчала, не отвечала, а про себя думала: «Нет, этого не будет никогда». Он вспомнил как спас меня от замерзания. «Меня как будто кто-то заставил ехать, хотя уже был вечер, - говорил он. - Я постоянно думаю о тебе. И вот как будто кто-то говорит, езжай, езжай. И вот я встретил тебя. Ты ведь чуть не замёрзла».

Да, это было так, если бы не он, не знаю, что было бы со мной. Но все его тревоги, его забота не находила отклика в моём сердце. На всё это я смотрела так, как будто это не я, а как будто это происходит с другим человеком — а я смотрю как фильм.

На что надеялся Асташов, я не знаю, может на что-то и серьёзно рассчитывал, но в моём сердце ничего не было, кроме благодарности за помощь, за защиту, меня не стали обижать, писать докладные веттехник Калгин, да и Пинигин как-то притих. Может люди и судачили о нас, может, думали обо мне плохо, но как всегда. Когда никто ничего не знает точно, то всё придумают, даже, может, подозревали меня в интимной близости с ним. Но всё было прилично и скромно, какая-то дружба — не дружба, а очень тёплые отношения со стороны Асташова. Мне даже иногда чуть-чуть жалко его было, что ему приходится из-за своего чувства страдать, скрывать его и притворяться. А это не

просто, я-то была свободна. Иногда, я вспоминаю его, наверное, его уже нет в живых. Вспоминаю с чувством благодарности, что в этот тяжёлый период жизни он меня поддерживал, и я была не так одинока.

* * *

Но вот сейчас я думаю, какая же я была глупая, ведь можно было этой ситуацией воспользоваться, не ездить в грузовой машине в райцентр, а с ним, и другие возможности использовать. Но, слава Богу, я была другая, и, наверное поэтому, я и вырвалась из этого Забайкалья — оно мне не нравилось. Люди жили бедно, не было бани в колхозе, даже школы десятилетки, клуб плохой, я же ранее жила в совхозе, где была баня, больница большая, школа и хороший клуб. И магазины у нас были хорошие, и всё можно купить было в магазине — и продукты, и вещи. Из райцентра в совхозы у нас ходили автобусы, утром рано уезжали, вечером приезжали. За день можно запросто было уехать рано в райцентр и вечером вернуться. Здесь же с поездками было трудно. Только на попутных машинах, в кузове. Их называли грузотакси. Ох, как я их не любила, меня страшно укачивало. Дорога превращалась в мучение. И всю эту неустроенную жизнь, тяжёлый быт, одиночество, я перенесла благодаря молодости. В молодости всё переносится легко. Было даже интересно, ведь всё другое: другие люди, и всё, что окружает, другое.

* * *

Прожила я в Забайкалье год, а как много всего произошло, на целую жизнь воспоминаний хватит. Вот одно из них. Я уже писала, что я любила танцевать, очень любила. Когда я приезжала в райцентр Красный Чикой, первым делом я шла в баню. Она была не плохая, а потом — в

клуб на танцы. Тогда было безопасно, можно было ходить и одной. Потанцую, а то и мальчик какой пригласит. Позже познакомилась с хорошей девочкой, забыла её имя, она обычно сама ко мне подходила, и мы шли с ней танцевать. Обычно, до конца танцев я не была, улучала момент и быстро-быстро уходила из клуба и бегом в гостиницу, так как я не хотела, чтобы меня кто-нибудь провожал - боялась местных парней. Видела я плохо, но очки не носила, поэтому лица людей плохо запоминала. Лучше запоминала фамилию, имя, обстоятельства, при которых знакомилась.

Однажды эти парни собрались толпой и пришли ко мне в гостиницу что-то выяснять, на встречу меня вызвала заведующая. Поговорила я с ними, уже не помню о чём. Кем я им казалась, не знаю, поговорили и разошлись. Я так и не поняла, что им надо было от меня, опять на меня обиделись, что я заранее из клуба убежала. Наверное, я правильно делала.

Я где-то прочитала, что Тельцы (это мой знак Зодиака) застрахованы высшими силами от плохих и неблагоприятных поступков, это я, конечно, узнала уже гораздо позже, но какое-то чувство, словно кто-то контролировал меня, у меня всегда присутствовало. Но молодость, ах, эта молодость, невозвратная и прекрасная, другой раз и толкала на необдуманные поступки.

* * *

В первое лето, когда я приехала в Забайкалье, в одно из воскресных дней, я, Рита и знакомая девушка из геологоразведки пошли загорать в горы, недалеко от посёлка. Место нашли укромное, где нас никто не видел, на склоне одной горы. День был не очень жаркий, но я где-то читала, что в горах хоть и не жарко, но очень много ультрафиолетовых лучей. Решили позагорать по полчаса на каждой

стороне тела, то есть на спине, животе, и на боку лежать. Выходило два часа всего. Мы с дуру даже лифчики сняли, чтобы груди загорели. Я не выдержала эти часы, говорю: «Что-то сильно жарко, домой хочу». Собрались и пошли, девушка к себе, а мы с Ритой - к себе. Я иду впереди, Рита за мной. Чувствую, голова кружится, тело всё горит. «Рита, - говорю, - у меня что-то тело всё горит». Приподняла юбку и, о ужас!, я испугалась и сразу юбку опустила. Ноги были все красные, страшно смотреть. У Риты не так. Она смуглая, а я - рыжая, кожа белая. Голова болит, в глазах круги цветные, кое-как дошли до дома. Я разделась и ужаснулась - вся была красная, как рак. Что делать?

Намочили простыни и завернулись в них, они высохли моментом. Но, больше я заворачиваться в простыни не стала, боялась простудиться. Давай мазаться кислым молоком. Всю ночь мы с Ритой промаялись. Конечно, у нас был ожог, она утром ещё пошла на работу, а я не могла, настолько мне было плохо.

* * *

Другой глупый поступок я и сейчас вспоминаю с содроганием, и мне становится страшно. Дело было так. Опять же Рита и я, и тоже в первое лето, как я приехала в Забайкалье. С двумя парнями Николаем (это сейчас мой муж) и Володей, мы вздумали ночью пойти на поселение Читкан, раньше там жили люди, а в тот момент никого не было. Две дороги вели к этому посёлку, ребята предложили более короткую - по горе. При этом сказали вниз не смотреть. При моей близорукости (я так и не носила очков) это было не трудно, я и так видела всё, только вблизи. Вот пошли, Николай впереди, а я за ним, держась за руку, и говорил, куда наступать. Убирал свою ногу, а я ставила свою, так и дошли до посёлка.

Утром они показали нам, где мы шли. У меня волосы встали дыбом, душа замерла — это была козья тропа, высоко над водой, почти отвесная гора и еле-еле видимая тропа. Я не поверила даже, что мы могли там идти, очень испугалась, и ни за что не соглашалась идти по ней назад. Это просто было бы убийство. Я бы упала и всех за собой потянула. Домой мы возвращались по увалам, между горами тропа шла.

Местность, куда мы ходили, была очень красивая, кругом лес, тишина, только птички поют. Там был родник с чистой водой. Уже сколько лет прошло, почти пятьдесят, мне страшно вспоминать о походе по той козьей тропе. Ребяткам-то что? Им надо геройство своё показать, вот и повели нас по этой тропинке. А были случаи, когда люди срывались с тропы и падали. Это высоко. Внизу холодная, быстрая река. Ух, как мне страшно и сейчас, прости меня Господи, за эту глупость и дай Бог всё это забыть, как страшный сон. Вот это был второй мой глупый поступок. Всё это молодость, молодость.

* * *

Мы были хорошие люди, молодые и легкомысленные, но интеллект и какой-то душевный настрой был особый, все любили свою страну, родину, о личных материальных благах думали мало, что-то думали, но как-то неопределённо.

Ещё было событие, которое заставило меня задуматься о жизни дальнейшей, о семейной жизни, о замужестве. За Фаей в Забайкалье приехал её друг Анатолий Зайцев и увёз её в Казахстан к моим родителям, в наше Кен-Аральское, и они поженились. Вот тут я только и задумалась: младшая сестра выходит замуж, а я что? Можно сказать, что это событие было для меня как удар, что-то в мо-

ей голове закрутилось: «Наверное, и мне пора уже. Наверное, я что-то не так делаю, надо задуматься». И стала на все знакомства смотреть через призму — подходит парень для мужа или не подходит!

Я хотела, чтобы он был не очень красивый, но добрый. В жизни я видела примеры, когда мужчина, особенно привлекательный, был не верен жене, и меня это как-то пугало. По своей неопытности я и решила, если муж будет не очень красивый, то мне будет спокойнее, в смысле, на него меньше внимания будут обращать другие женщины. Ах, какая же я была глупая, я не знала, что не это главное — особая черта — харизма или что-то другое, необъяснимое. Но, как бы то ни было, я нарисовала себе портрет супруга, виртуального. Что-то неопределённое, но хорошее для меня, для моих глупых мыслей. Немного об этом моменте.

* * *

Парней крутилось много, но все моложе были, я же как-никак уже институт закончила, и мне было, наверное, двадцать три-двадцать четыре года. Уже взрослый человек, но выглядела гораздо моложе. Мне никто не давал моих лет, и часто ко мне подходили намного моложе меня молодые люди. Да и кто был в деревне? Постарше уже женаты, кто уехал в город работать и жить, остались совсем молодые пареньки. И в клуб я уже не ходила, даже в кино. Осталась одна.

Рита стала жить своей жизнью, и мы встречались в своей квартире редко. Она о своей личной жизни молчала, но мне намекали на её связи, я не могла у неё ничего спросить, считая неудобным вторгаться в её жизнь, да и что я понимала в этой личной жизни. И вот однажды сижу я дома, был какой-то праздник, вдруг стук в дверь и заходит молодой человек, парень из деревни. Я видела его не-

сколько раз, высокий, светлый, как обычно, моложе меня (я ещё жила у деда Петрухи): «Рая, я за тобой! У нас в клубе вечер, и я приглашаю тебя».

Прежде чем зайти в клуб, каждый молодой человек должен своей спутнице подарить подарок. Мне ничего не оставалось, как идти. Отказом своим я бы противопоставила себя всему мужскому сообществу. Идём, а он такой радостный, весёлый и говорит: «Мне повезло. Мы разыгрывали кому достанется пригласить тебя. Многие хотели тебя пригласить, но билетик достался мне». Я так удивилась, оказывается, я ещё и популярностью пользуюсь. Клуб был рядом с моим домом. Обыкновенный дом временно отдали под клуб. Ничего, было весело, танцы, игры. Опять тут событие произошло.

* * *

Играли в третий лишний, а девушки как-то мне говорили, парни сильно бьют ремнём, и я очень старалась, не быть третьей лишней, но они договорились, обязательно меня поймать, и как я ни старалась, всё же оказалась лишней, третьей. И неожиданно передо мной молодой человек с ремнём. Он уже руку поднял ударить меня. Я от испуга, чтобы как-то уйти от этого удара, как кошка лапкой, бац его по лицу, а сама бегом из круга и не стала больше играть. А сама думаю, простится мне это или нет. В деревне не было принято бить парня по лицу. Но кончился вечер, молодой человек проводил меня домой. Я всё-таки встревожена и расстроена своим поступком, то на доярок докладную написала, меня хотели поколотить, теперь ещё лучше - пощёчина. А поделиться не с кем.

Рассказала деду Петрухе и Федоре. А дед меня страшил, что парни деревенские, такие-растакие. Короче, мне немного стало страшно. Но жить надо, на работу хо-

дить надо. Думаю, вечером я никуда не хожу, а днём не тронут. А дед зря меня страшил, когда я уезжала из деревни, из колхоза, дома я была одна, вдруг заходит этот паренёк, я думаю - вот и пришёл рассчитаться со мной. А он спрашивает: «Рая, ты уезжаешь? Дай мне фото своё на память». От радости, что он простил мне пощёчину, я дала ему своё фото. А он говорит: «Зря ты подумала, что я тебя ударю, я не ударил бы тебя никогда». Попрощался и ушёл.

Вот так бывает в жизни. Она не предсказуема и не знаешь, что ожидать от неё, думаешь вот так и так, а всё идёт по другим правилам. А я-то как боялась встречи с этим мальчиком, а закончилось всё хорошо.

* * *

Я не только плохие поступки совершала, но и хорошие. Решила я в одном свиарнике в посёлке Голдановка провести опросы по всем правилам зоотехники. Почему в этом посёлке? Он рядом с центральной усадьбой, всего шесть километров до него, часто могу навещать, то есть проверять. В то время было принято, конечно, дурость, — поросят маленьких пасти, но чтобы пасти, их должно быть как можно больше одного возраста. Случка проходила без плана, и поросята рождались всё лето и всю зиму, таких поросят разного возраста пасти, да и просто за ними ухаживать, трудно. Им же нужна подкормка, уголь, жареное зерно и другое. Если поросята разного возраста, представьте, как усложняется уход за ними. Вот я и решила на этой свиноматке сделать туровые опоросы, то есть чтобы свиноматки опоросились в одно время и количество поросят было как можно больше.

Задумала, составила план, побеседовала со свинарками, с бригадиром, всё объяснила, вроде все поняли и согласились. А выполнять трудно. Для этого нужно хрюка-производителя держать отдельно в своей клетке, а попробуй его удержать, он всё ломает, рвётся к свиноматкам. Я составила план так, что поросята должны родиться в два тура, одни весной, другие - под осень. И никаких случайных опоросов. В таком случае поросята родятся дружно, кучно. Для того, чтобы мой план выполнялся, я ходила на эту ферму каждый день и даже два раза в день.

Приду или приеду, хрюк ходит свободно. Почему это так? Вызываю бригадира, ругаюсь, вроде понимают, хрюка закрывают. Прихожу в следующий раз, опять хрюк ходит свободно. Я опять прошу закрыть, ругаюсь. Настырности у меня хватало. Там работали свинарками пожилые женщины. Они - в слёзы, я их замучила. Мне жалко их, но уступить не хочу, не могу, тоже плачу, но своего добиваюсь. В конце концов хрюка крепко закрыли и стали производить случку по плану, который я им дала. Я была очень довольна, что добилась своего. Но результата не увидела, потому что уехала. Как это произошло, напишу позже.

Но продолжу. Поросята родились без меня, и как я запланировала. Когда приезжала комиссия из райцентра, они спросили, кто это сделал, а свинарки ответили: «Была у нас зоотехник Раиса Павловна - это её работа». Когда через несколько лет мы с Николаем приехали в гости в Жиндо, люди из Голдановки узнали меня и рассказали об этом эпизоде: «Раиса Павловна, а помните Годлановку, свиноферму? Когда вы уехали, поросята родились дружно, и мы вас вспоминали и начальству сказали, что это ваша работа». Я им сказала спасибо за их доброе дело и за то, что они помнили меня.

* * *

Никак не соберусь писать, как я уехала из Жиндо. Всё получилось довольно неожиданно, но, вспоминая сейчас тот момент, всё пошло правильно. Хорошо, что оттуда, из Жиндо, я уехала. Жизнь в колхозе не давала ничего для будущего и вообще, жизнь в колхозе была очень бедная и тяжёлая.

Однажды, как обычно, Пинигин (председатель колхоза) стал меня грубо ругать, я не выдержала, рассердилась, написала заявление об увольнении, а он вгорячах его подписал. Я быстро рассчиталась и собралась уехать домой. Ко мне приходили люди из правления колхоза, уговаривали, чтобы я вернулась на работу, мотивируя тем, что Пинигин не имел права меня уволить без решения правления. Но я не уступила - заявление подписано и всё. Ко мне приезжали из другого колхоза, приглашали на работу, давали квартиру, много всяких благ обещали. Я не согласилась и решила твёрдо: уезжаю домой. Но решила домой ехать через Читу.

В этом городе меня ждал один молодой человек, да и другие причины были - хотела купить что-нибудь, как-никак еду домой, где меня все знают. Вещей у меня набралось много, тяжёлые сумки, чемодан. Накопилось понемногу всего, да и крестьянская жилка сказывалась - не бросать ничего, вот и нагрузилась. Я всё думала, как я с такими вещами доберусь в Чикой до грузотакси, чтобы уехать в Петров-Забайкальск, где была железная дорога? Но мне везло, дорога складывалась удачно, как будто кто-то помогал мне. Вот сейчас я понимаю кое-что, много читала разной литературы и выяснилось, при принятии какого-либо решения у человека может быть два пути: закрытый путь и открытый. Другими словами: попадёшь в белую полосу

жизни или чёрную. Я как раз в этот момент попала на открытый путь и мне везло.

Нашла попутную машину, чтобы выехать из колхоза, едем на грузовой машине, я в кабине, рядом с шофёром. Проехали Голдановку, проезжаем Жиндокан и вдруг на выезде из Жиндокана нас останавливает мужчина, подходит ближе, с моей стороны — Асташов. Открываю окно, он спрашивает: «Рая, ты куда?». Я: «Уезжаю, насовсем, подаю заявление, рассчиталась, уезжаю». Смотрю, у него лицо стало белым, глаза высветлились, стал неузнаваемый. «Как уезжаешь?! Подожди! Как?» А шофёр не хочет стоять, кричит мне, что надо ехать. Я только сказала ему «до свидания» или «прощайте», не помню, посмотрела назад, стоит как стоял, потерянный такой. А шофёр со злостью: «Довела мужика, аж побелел!» Ну, что скажешь в ответ? Нечего. Я думала, мне показалось, что он побелел, после слов шофёра, поняла - не показалось. Видно, сердцем почуял неладное и опять встретился на пути, хоть попрощался. Больше я его никогда не видела, да и не нужно, наверное, но иногда вспоминала, как равнодушного человека по отношению ко мне.

Шофёр привёз меня со всеми вещами в гостиницу, заведующая сразу поняла, что я уезжаю и, наверное, сообщила обо мне. Вечером ко мне пришёл молодой человек, старше меня, сказал, что не женат, есть дом, хорошая работа и предложил выйти за него замуж. Если хочу узнать о нём побольше, дал мне свои документы посмотреть и возможность узнать, что он за человек. Вот этот человек подошёл мне на утро грузотакси к гостинице, уложил мои вещи и попросил шофёра во всём мне помочь в Петров-Забайкальске. Повезло мне, я была так рада. Дала обещание подумать, и если что, вернуться сюда, к нему, может и замуж выйти.

Замуж выйти - это было для меня что-то эфемерное, не конкретное. Я думала, что мне пора, ведь младшая сестра уже замужем. А что такое муж, я конкретно не думала, поговорить не с кем. Муж и муж - мыслей дальше этого слова не было.

В Петров-Забайкальске с помощью шофёра грузотакси я оформила свои большие сумки и большинство вещей и отправила их на адрес своих родителей багажом, и стала вольной птицей с одной небольшой сумкой. На душе стало легко, хорошо. Всё уладилось без особых усилий, и вот я еду в Читу. Ура! Ура! Я еду в Читу, областной город!

* * *

Как-то в Жиндо шофёр привёз к нам хряков-производителей, потом он ещё что-то привозил на ферму, мы познакомились, разговорились, и он дал мне свой адрес с условием, если я поеду в Читу, сообщить ему, обещал встретиться и вместе погулять в городе.

Вот я поехала и дорогой дала ему телеграмму, тогда была такая услуга. Приехала, жду, жду, никого нет, никто не встречает. Делать нечего, надо искать себе пристанище. Нашла дом колхозника, не дорого, живи сколько хочешь, устроилась в нём и на следующее утро ушла в город. Возвращаюсь, дежурная говорит, что меня ждут. Захожу в комнату, женщина ждёт меня, довольно симпатичная, приветливая. Спрашивает: «Вы — Рая?» — «Да, я Рая». — «Ой, как хорошо. Я все гостиницы объездила, искала вас, племянник поручил мне встретить вас, я а опоздала. Вот и пришлось искать вас, а племянник в командировке. Рая, собирайтесь, поедem к нам, у нас свой дом, места хватит. Поедем». Я минуту помолчала, подумала, и что-то подсказало: откажись. «Нет, — говорю, — я к вам не поеду». Женщина обиделась на меня, я поняла по её

лицу, и ушла. А я подумала: «Слава Богу, отвязалась». Да мне и не нужен был этот человек. Не настолько были хороши наши отношения, чтобы я пошла домой к ним.

А я, наверное, понравилась этой женщине, потому что ко мне пришли от имени этого молодого человека два его брата и стали меня прямо-таки караулить. Утром встаю — они ждут меня, ведут меня завтракать. Везде ходят за мной, просто надоели. Никуда я от них уйти не могу. Стала думать, как мне избавиться от их назойливого внимания. Билеты домой у меня были взяты на более позднее число. Наконец, приехал этот шофёр, и мы встретились. Сидим на лавочке возле гостиницы, и тут, наконец, я хорошо его рассмотрела, я его видела зимой одетым, а тут тепло, он в летней рубашке. Я смотрю на него и, о ужас! — он такой же рыжий, как я. То есть у него такие же веснушки и на руках, как у меня. И так никаких чувств не было, а тут вдруг пронзила мысль: а дети какие будут? Я лично очень страдала от веснушек.

Мама, папа мои были оба рыжие и все веснушки и всю рыжесть мне передали, мои сёстры Нина и Фая были не такие рыжие. Нет, думаю, надо убегать. Зачем мне всё это? А как убежать? И тут я вспомнила о моём знакомом из Жиндо, о Николае, у меня был его адрес, и он работал на заводе слесарем. Я даю ему телеграмму местную и назначаю встречу, где, не помню, но не в гостинице. И мы в этот вечер встретились с ним.

Я этого парня знала, его брата, он был порядочный, я с ним ходила в кино в Голдановку и то путешествие по горам мы совершили тоже с ним. Я его знала более или менее. Попросила его найти мне жильё на несколько дней, и он предложил мне общежитие, договорился с комендантом, чтобы я могла пожить. Я быстро собрала вещи свои и ушла из гостиницы. Боялась, что этот шо-

фёр и его братья найдут меня, станут уговаривать, а я уже и думать о них всех не хотела. Так я всех их обманула. Несколько дней я прожила в общежитии, с Николаем ходили вместе кушать, в кино. Когда он на работе был, я одна бродила по городу.

Как-то незаметно мы сблизились с ним, и когда я уезжала, он провожал меня и взял с меня слово, что я приеду, и мы поженимся. За то время, что я буду дома, он найдёт жильё. Вот так мы пока расстались. Я поехала домой, а он остался в Чите.

* * *

Приехала домой, вроде всё хорошо. Но, почему-то этот период я плохо помню, потому что душа моя была не на месте. Наверное, потому, что мне надо было принять решение: остаться здесь у родителей или ехать в Читу, как я обещала Николаю. Положилась на волю судьбы — пусть будет, как будет, но в душе думала не ехать, нет. Но решение пришло неожиданно.

Как-то мама мыла меня дома, в корыте. Почему? У нас всегда была баня. Может, просто после какой-то работы я решила ополоснуться. И мама давай мне помогать, спину мыть так ласково. И почему-то я вдруг выпалила: «Мама я замуж выхожу» и рассказала ей о своём обещании. Опомнилась, зачем, зачем я это сказала? Но слово вылетело, и вот теперь мне надо уезжать. А не хочется, хоть плачь. И не знаю, как быть. Если не ехать, как объяснить? Много было неясного для меня. Дура, я дура нерешительная. Вот и поехала в Читу к Николаю, дав ему телеграмму, чтобы он встречал.

* * *

Вот и сбылась ворожба обо мне бабы Дуси, мамы моей мамы, в том смысле, что парней будет двое, но я за них замуж не выйду, а выйду за другого, за третьего. Выделяю это слово, потому что мне точно так сказал дед Степан (отчим моей мамы). Писать почему-то трудно, но раз взялась, надо, надо писать. Постараюсь.

* * *

Приехала в Читу, Николай меня встретил, квартиру нашли уже вместе. Маленькую комнату у женщины, она жила в доме с двумя детьми и старым отцом. Вот и началась у меня другая жизнь. В то время мальчики были другие. Николай сразу меня потащил в ЗАГС, мы подали заявление, и мне поменяли паспорт. Николай сразу же заставил меня, и даже пошёл со мной, сдать один документ и получить новый. Так было удивительно иметь другую фамилию, я долго привыкала, что у меня другая фамилия, а Николай в таком случае обижался. Так я стала женой Николая. Он учился в вечерней школе, летом он ходил в девятый класс. Наплалась такая хорошая учительница, она с ним всё лето занималась за девятый класс. Я к Николаю приехала в конце июня, в середине июля мы зарегистрировались, вот и началась наша жизнь вдвоём.

* * *

Он работал, я — дома, но одной зарплаты мало, и я попыталась устроиться в магазин кассиром, которые в кассе сидят, в кабинке. Но у меня не получалось. Всегда в конце работы, когда подбивали итог, у меня не сходилось, то меньше — надо доплачивать, то больше — это ещё хуже, значит я кого-то обманула. Я очень старалась, но не смогла, и мне предложили уволиться.

Николай жутко ревновал меня. Пойдём в город, бывало, я иду, как обычно. Он вдруг: «На кого ты смотришь? На мужиков?» И рассердится. Бросит меня и убежит. Вначале я расстраивалась, а потом поняла, пропихуется и где-то на моём пути вдруг появляется. Даже и сейчас идём и поссоримся, но по другой теперь причине, и вроде идём врозь, потом он, конечно, меня догонит. Вот у меня есть сейчас такая привычка — всегда чтобы деньги были у меня. Хотя бы на трамвай и ключи от квартиры. Я хотела чувствовать себя защищённой и независимой.

Я не работала, скучно же. Вот моя хозяйка и приглашает меня в кино сходить, пока Николай в вечерней школе. Мы с ней ходим, Николай не знает, и хорошо всем. Но однажды он вернулся раньше, а меня нет. Конечно, ревность и скандал. Забрал у меня очки и спрятал, чтобы я не ходила в кино, но, я нашла очки с одним стеклом, и всё равно ходила в кино.

Скучно невыносимо, и решила я устроиться по своей специальности. Пошла в сельскохозяйственный отдел, и мне предложили совхоз, недалеко от Читы. Другую работу надо было ещё ждать. Сказала Николаю об этом, он принял решение — езжай. И я поехала в этот совхоз зоотехником с окладом в сто пятьдесят рублей. Я так устала от его ревности, что была счастлива, что уехала, я вздохнула свободно. Директор встретил хорошо, определил меня на квартиру к женщине с ребёнком. Звали директора Сергей Данилович.

Он был со странностями — ходил в каком-то засаленном пиджаке, а ноги в галошах, привязанные верёвочкой. Очень странный человек, из репрессированных. За мной была закреплена лошадь, летом бричка, зимой — сани. Работала я с удовольствием, насиделась дома. Я прожила,

наверное, месяца два, к Новому году приехал Николай, это уже был шестьдесят первый год, не захотел жить один.

Когда мы встретились, он был до слёз рад. Потом он сказал мне: «Думал, уедешь и всё, расстанемся, ан нет, не могу уже без тебя и приехал, устроился в мастерскую». Вот тут мы оба поняли, что друг без друга никуда. Но особенно Николай. Он уже не стал так меня ревновать.

В феврале месяце к нам приехала моя сестра Нина, я её стала убеждать не возвращаться на Алтай (она там жила). Нина подолгу не писала родителям, и мама просила задержать её. Я её убедила, она согласилась, ей выслали документы, и она устроилась в Оловянном районе, в ветлечебнице ветврачом. Некоторое время мы жили втроём. Было бедно, но безмятежно и весело. Николай два раза в неделю ходил в вечернюю школу в райцентр, это шесть километров, и зимой ходил. Упорно учился — молодец! Директор мне дал двухкомнатную квартиру, где мы жили втроём. Мы часто ходили в кино. Самое главное, по моим воспоминаниям, жили безмятежно. Это, наверное, от молодости, наверное, все так молодые чувствуют, а мы вот сейчас не понимаем их, возможно и мы такие были.

* * *

Я поняла, что у нас с Николаем будет ребёнок, я стала полнеть на глазах, стала очень спокойна. Николай смеялся, что я очень интересно хожу — плавно и медленно. Я всегда ходила очень быстро.

Вспоминается смешной эпизод. Поехали мы втроём, я, Николай, Нина в райцентр, в Оловянную, что-то купить и прогуляться. К нам ходил автобус, это от Оловянной шесть километров. Ходим там по магазинам, а один подросток, увидев меня, засмеялся и сказал так громко в магазине: «Тётка огурцов обьялась». Не знаю почему, мне это

так обидно показалось, я не выдержала и заплакала. Нина и Николай давай меня успокаивать, а я ещё сильнее стала плакать, Нина набросилась на этого подростка — стыдила его, он убежал из магазина. Кое-как я успокоилась.

Я была такая полная при беременности, сильно поправилась и даже (так люди говорили) похорошела. А мои родные, особенно Нина, заставляли меня мыть пол. Ей кто-то сказал, что это полезно для меня. Мою я пол на коленях, животом его задеваю, а Николай и Нина не помогали. «Ничего, ничего, — говорят. — Это полезно для тебя».

* * *

Ещё вспоминаю такой эпизод, опять же мы приехали в Оловянную, и подошло время идти к автобусу, чтобы ехать домой. Идём и видим, автобус уже стоит, люди уже садятся, Нина и Николай, чтобы я побыстрее шла, взяли меня за руки, один за одну, другой — за другую и тянут меня изо всех сил, боясь опоздать на автобус. У меня же большой живот уже. Заходим в автобус, и шофёр говорит нам: «Ну, и куда вы её тащите? Я же вижу, подождал бы». Вот такая глупая молодость, глупая безмятежная.

* * *

Подошло время декрета, почему-то мы с Николаем решили ехать к моим родителям, наверное, они нас звали к себе. Вот сейчас я думаю, хорошие были родители, в любом случае нас принимали. А сегодня, наверное, не каждая мать примет дочь с мужем к себе на жительство, да и молодые бы задумались: ехать или подождать. Но тогда было другое время. Фая была уже у моих родителей, то есть она была в посёлке в Кен-Аральском, но жила у мужа, Анатолия, на квартире. Его мать, Екатерина Степановна, была замдиректора совхоза. У них был хороший дом. Правда,

какой хороший? Удобства во дворе, вода из колодца. Но такие тогда были условия, других мы и не видели.

Вот мы с Николаем поехали к моим родителям, чтобы родить мне у мамы и папы. Встретили нас хорошо, я удивилась, что Фая тоже ждёт ребёнка, она мне почему-то в письмах об этом не писала, я должна была родить в октябре, двадцать пятого числа, а Фая — в декабре. Первый ребёнок у Фаи умер, это был уже второй, поэтому, скорее всего, она и не писала, чтобы не сглазить. Есть такое поверье. Время до родов моих проходило весело. Каждую неделю мы, то есть родители мои, топили баню, обычно вечером в пятницу. Мылись все родные: Фая с мужем и Екатерина Степановна, семья Блоков — это сестра Анатолия, её муж и наша вся семья.

После бани обычно застолье: или пельмени, манты, бешбармак и немного выпивки. В субботу, воскресенье мы идём в гости к Блокам или Екатерине Степановне. Было общение, было очень весело. Николай поправился. Ещё бы, столько мяса съесть! Он в своей семье если не голодный ходил, то полуголодный точно. Голова большая — а сам худой.

Когда ещё мы жили в Чите, как-то пошли купаться на реку, я купаюсь, а он боится, мёрзнет, разделся, и я увидела, какой он худой, ключицы торчат. Я даже испугалась и подумала грешным делом: вышла замуж за туберкулёзного. Да он и болел тогда. Лето, а он заболел пневмонией. А здесь, у моих родителей, поправился. Куда и кости торчащие делись? Любил мясо страшно, да и сейчас любит. Помню, поставят бешбармак, все ещё сидят, а он хватать кусок побольше — и к себе на тарелку. Никто ничего ему не говорил, все понимали и жалели, наверное.

Мама тогда говорила, что за зиму съели три или четыре свиньи. Спасибо родителям, спасли нас, откормили.

Не сразу это дошло до нас. Только сейчас. Не жадные были мои родители. Я-то жила хорошо, питание у нас всегда было хорошее, отец и мать работали, не покладая рук. Держали хозяйство, излишки продавали, кроме того отец был и охотник, и рыбак — кем он только не был. Вспоминаю и жалко родителей, как они работали. Сейчас удивляюсь, откуда у них силы брались?

* * *

Всё не могу собраться с мыслями, что и как писать дальше свои воспоминания. Итак, мы приехали к моим родителям где-то в августе, в середине или в конце. До родов мы жили дружно и весело. Подошло число моё — 25 октября, когда я должна родить, а в больничном написано 27. Но всё произошло двадцать пятого октября. Я ещё утром двадцать четвёртого числа почувствовала какие-то боли, которые повторялись в определённое время, то есть периодически через равные промежутки времени. Поняла, что это схватки, я была теоретически подготовлена, пособие для беременных купила и читала его. Спокойно легла спать двадцать четвёртого октября, но рано утром, где-то часа в четыре меня схватила страшная боль, я аж подскочила и закричала, все всполошились. Николай, мама, отец давай меня собирать: ноги мыть да одежду чистую, заранее подготовленную, одевать.

И вот повели меня мама и Николай в больницу. Иду, стону и висну у них на руках. Они довели меня до больницы, меня приняли там, а боли нестерпимые, кричу. Прошла я всю подготовку, как обычно рожениц готовят — клизму, стрижку, и оставили меня в комнате одну. Лежать не могу, бегаю по комнате, стону, кричу, заглянула Фая, я — к ней: «Фая, помоги!» Она быстренько ушла, сказав: «Надо терпеть». Фая дежурила как раз в больнице. Эти мучения про-

должались до десяти часов. В десять часов меня взяли на кресло, и давай мне командовать: «тужься, тужься, то не тужься. Потом акушерка говорит: «Уже головка показалась, осталось чуть-чуть». И тут действительно было чуть-чуть, выскочил ребенок и закричал.

Я попросила сразу показать ножки, ручки – всё ли в порядке. Тут как раз врач была Южакова и говорит: «Весь в отца, вес четыре килограмма пятьдесят граммов, очень длинный и очень худой и покрыт какой-то белой плёнкой». Мне сразу стало так легко, как будто я стала невесомая пушинка. Вскоре мне и кушать принесли – пельмени, как я просила, я их очень любила. Вот так я стала матерью.

Необъяснимое невероятное чувство тепла и жадности к ребенку пришло ко мне, и растеклось по телу такое умиротворение. У меня ребёнок! Сын! Всё прошло хорошо, я была очень рада. Сына, назвали Димой, Дмитрием. Я ещё когда была беременной, думала об имени. Хотела в честь родителей отца или даже в честь отца назвать Павлом или Антоном. Ко мне в больницу пришла тётя Васёна (сестра моего отца) и говорит, а был день Дмитрия: «Назови Дмитрием». Мне это имя тоже нравилось: Дима, Дмитрий, Димуся и так далее. Вот и решили - Дима, Дмитрий, всем имя понравилось.

* * *

И вот я дома, с сыном Димой. Рос он беспокойный, спал мало. Днём всего минут сорок, ночью тоже часто просыпался. И стирка меня измучила. Представьте, пелёнок тридцать штук каждый день стирать. По неопытности я взяла фланель на пелёнки разного цвета - голубые, красные и так далее, и каждый цвет надо стирать отдельно. У меня опухли и заболели руки, Николай помогал мне стирать. Спасибо Екатерине Степановне, она мне подсказала: «Рая,

ты не стирай, а кипяти». Я так и стала делать, и ухаживать за Димой стало легче.

Я очень сильно полюбила своего сыночка, Николай даже ревновал меня к нему. Ему было обидно, что всё внимание Диме. По неопытности я не придавала этому значения. Сейчас понимаю, как Николаю было не уютно, Дима ещё не проснулся, я уже ему кашку сварила, я делала всё так, чтобы ему не было причин плакать. Родственники говорили, как орлица над орлёнком. А он был худенький и ел плохо. А был умный, моя сестра Фая говорила, что у Димы глаза умные-умные.

Он любил слушать разговоры людей, и моя мама, идя в гости к своим подругам, брала его с собой. Он сидел у мамы на коленях, всех слушал, поворачивался к тому, кто говорит и не плакал, не капризничал. Мы с Николаем даже ходили с ним в кино. Вначале нас не пускали в фойе – ребёнок будет плакать. Мы обещали, что он не будет плакать. Он тихо сидел и смотрел кино, не спал и не плакал, потому что ему там нравилось. Мне до сих пор не понятно, но так было.

Мы жили с моими родителями, не скажу что плохо, но мне хотелось быть хозяйкой. Иногда доходило до смешного. У мамы было много лука батуна, соседка попросила лука, и я дала, а мама мне сказала: «Ты – не хозяйка». Потом ещё как-то сказала, и я задумалась. Решила отделиться от родителей.

* * *

В этом совхозе нам квартиру не давали. Мы с Николаем поехали в райцентр, в управление сельского хозяйства, попали на приём к первому секретарю райкома Фёдоровского района Голубенко Виктору Михайловичу. Очень симпатичный голубоглазый мужчина был. Он нас встретил

приветливо. Как сейчас помню, он был в белой нейлоновой сорочке (они только входили в моду). Мы ему понравились и дал нам работу. Меня направили учителем в школу, Николая — слесарем в мастерскую и квартиру пообещали.

Все стали на дыбы. Мама плакала, Екатерина Степановна пообещала нам квартиру, но я была непреклонна, и мы уехали в «Чандакский» совхоз. Я стала работать учителем ботаники, зоологии, химии. Николай пошёл работать слесарем, дали нам двухкомнатную квартиру в доме с соседями. Был даже небольшой сарайчик, топили печь углём. Николай обычно топил печь. Диму устроили в садик, и началась наша самостоятельная жизнь. Николай к тому же учился заочно на агронома, он поступил в вуз, когда мы жили в Забайкалье, и перевёлся в Целиноград.

Работать учителем мне понравилось, я с удовольствием окунулась в новую работу. Но Николай учился уже на третьем курсе сельхозинститута, и надо было ему работать уже по специальности. Опять обратились в управление сельского хозяйства, нас направили в совхоз «Костряковский». Николай стал работать агрономом-семеноводом. Принял нас директор совхоза Перевозный Александр Григорьевич и спасибо ему, он изменил мою судьбу. «Зачем, — говорит, — вам эта зоотехния, навоз, запахи? Давайте я вас устрою экономистом. Соглашайтесь. Потом вы мне будете говорить спасибо». И действительно, я с благодарностью вспоминаю Александра Григорьевича и говорю спасибо. Мало того, что он устроил меня экономистом, он ещё меня послал на курсы экономистов, и я стала дипломированным специалистом. Я быстро освоила эту работу, она мне очень понравилась. Как раз по мне — и с людьми, и с бумагами.

В то время экономисты все наряды, все шоферские путёвки, всё подписывали и проверяли правильность начисления заработной платы. Николай работал агрономом-семеноводом, хорошо справлялся с этой работой, и его назначили управляющим отделением — называлось оно Ново-Украинка. Большое отделение, много коров дойных, свиноферма. Всё было на этом отделении, а я в это время была в декретном отпуске. У нас родилась дочь Света в тысяча девятьсот шестьдесят шестом году. Он поработал управляющим, наверное год, как раз закончил институт и тут же его назначили главным агрономом совхоза.

Посевные площади тогда были большие, всего было в совхозе шесть отделений, большое хозяйство. Мы переехали в центральную усадьбу, нам дали квартиру, хорошую, но с печным отоплением. Николай окунулся в жизнь главного специалиста совхоза, работа ответственная. Раньше по утрам были планёрки, летом они начинались в шесть часов, а зимой в семь. Посевная, сенокос, потом хлебоуборка, почти всё лето без выходных. На лето я Николая освобождала от домашней работы, особенно когда посевная, уборка. Тогда работали до двенадцати часов ночи, жили в бригадах, там были общежития для механизаторов, баня каждый день, столовая, в общежитии чисто, уютно. Кормили хорошо. Кто в ночной смене работал, и ночью кормили. По крайней мере, так у нас было в Казахстане.

Как-то Света, дочь наша, говорит, я давно не видела папку, а он утром рано уходит на работу — она ещё спит, вечером приходит после двенадцати часов — она уже спит. Вот так мы жили и работали, усердно. Николай стал хорошо зарабатывать, когда я вышла из декретного отпуска, тоже получала как главный специалист. У нас была уже машина, всё в квартире, жили как все люди.

* * *

Николай по служебной лестнице рос, он был энергичен, если что ему поручат, выполнит обязательно. И вот его назначили директором совхоза, назывался он «Мирный», в Тургайской области. Я стала директоршей, но мы не зазнавались, вели себя просто. Дети росли и радовали нас. Дима учился очень хорошо. Директор школы как-то встретил меня и рассказал, что наш Дима решает за урок больше задач, чем другие дети, у него были все отметки отличные. Мы все много читали, я выписывала всё, что можно было выписать. Я хотела, чтобы дети мои были умные, интеллектуально развитые, а речь развивается от чтения.

Дети наши, Дима, Света и Коля учились хорошо, много читали. И наши заботы о детях, об их развитии оправдались. Дима окончил школу, тогда были десятилетки, почти отличником и поступил в институт механизации и электрификации в городе Челябинске, выбрали этот город, потому что в нём жили мои родители и сёстры Нина и Фая.

* * *

Мы были очень рады, когда Дима поступил. Несказанно. Тогда уже были конкурсы, и большие. Хотя наши друзья, знакомые не сомневались и говорили: «Если Дима не поступит, то кто же?» Уже в детстве у него были качества лидера, одноклассники его уважали, считались с ним, у него было много друзей, подруг, с некоторыми из них он и сейчас встречается, а ему уже пятьдесят лет. В дружбе верен был всегда. Всегда приезжал, когда был студентом на каникулы, с каким-нибудь другом, а иногда и с двумя. Хорошо, что у нас всегда были продукты в достатке, и мы не считали это большой нагрузкой.

Дима всегда был рассудителен, серьёзен, люди его уважали. Мы же жили в Казахстане, и начались небольшие притеснения, много тогда русских уехало. Вот и Дима наш, работая инженером на одном предприятии, решил переехать в другое место. Все рабочие пришли к нему, просили не уезжать (у него тогда не было квартиры) и обещали купить квартиру. Он, как отец его, умел ладить с рабочими. Но тогда, в период перестройки, я Диме посоветовала уехать на родину жены, в Россию. Он ещё удивился, почему я им советую уехать в Россию: «Все держат детей возле себя, а ты меня заставляешь уехать! Почему?» Я сказала: «Потому, что я думаю о вас. Специалистам (русским) будет трудно в Казахстане, а потом, может, и мы приедем».

Вот Дима с семьёй уехал и как раз во время. У него в России дела пошли хорошо, занялся бизнесом и сейчас заметный человек в районе. Я горжусь им, он выполнил честолюбивые надежды отца. Мой сын Кириллов Дмитрий Николаевич заметный человек, считаю, и не только в Кизильском районе.

Наша дочь Света – врач. Ещё когда она была школьницей, я поставила перед ней цель – ты, Света, будешь врачом. В семье кто-то должен быть врачом. Она подумала, а потом говорит: «Мама, может, я лучше за врача замуж выйду». Маленькая ещё была, а сообразила. Как и все девочки, так и она мечтала стать артисткой. Но она всё-таки стала врачом.

А младший сын Коля учился неважно, ленив был, а сообразительный. Дима учился в институте и сел с Колей сыграть в шахматы, Коля его обыграл. Дима удивился и сказал, что его надо отдать в шахматную школу, но тогда это было не доступно. Сейчас он работает механиком у Димы и справляется. Семья у нас получилась хорошая.

Когда мой Николай Иванович работал директором, потом его перевели в область, председателем «Сельхозхимии». Область нашу Тургайскую закрыли, и мы решили переехать в Россию, что и сделали. Купили квартиру. Мы оказались в России у Димы. Коля приехал к нему, Света уехала на Север. Вот мы и стали россиянами.

Но я хочу раскрыть характер и жизнь моего мужа Николая Ивановича Кириллова. Главная его черта — доброта, кто бы ни зашёл к нам, Николай обязательно угощал, усаживал за стол. Никогда не вспоминал плохое о человеке и помнил только хорошее. Память у него была отличная. Если человека он увидел хоть раз, то запоминал его имя и отчество, где встретились и сколько ему лет, когда родился. Он помнил годы и даты рождения всех родных и не только моих, но и сестёр. Помнил всех членов правительства, годы рождения и должности. Я удивлялась этому, и не только я, и мои родные. Но зло не помнил. Работе был предан бесконечно.

Когда он был агрономом-семеноводом, ему пришлось отправлять машины с зерном на элеватор, в райцентр, а мы жили в совхозе. И он даже домой не приходил. В одну ночь было холодно, а машины шли и ночью, он чтобы согреться закопался в борт зерна. Этот борт был горячий, и там ждал машины. И вот ночью приезжает комиссия, и смотрят, вроде никого нет, он вылез из бурта и всех напугал. А там был представитель из Москвы, и мой Николай ему очень понравился, и он сказал, что обязательно наградит его какой-то большой наградой — орденом или медалью, за его труд, но дали не ему, а директору совхоза. Этот человек даже свой телефон оставил ему на всякий случай, но мой муж этим преимуществом не воспользовался.

* * *

У Николая были и медали, и ордена за труд, и он ими очень гордился и дорожил. Когда он заболел, и серьёзно, все свои награды он сложил в коробочку, отдал мне и сказал: «Это тебе пригодится». Мой муж, Николай Иванович, был до безумия храбр и никого, и ничего не боялся. Когда он работал ещё агрономом, да и позже его называли «джигит». Когда его не было в конторе совхоза, а я была экономистом, то у меня спрашивали: «Где ваш джигит?». Первый раз, когда я это услышала, я удивилась конечно, а потом привыкла, а он вправду был порывист и быстр, как джигит.

* * *

Вспоминаю такой случай. Был неурожайный год, даже травы не выросли на сено. И нашему району дали сенокос в Тургайской области. Назначили разных людей руководить этой бригадой, а бригада была собрана из людей разных совхозов, по несколько человек. Директора выделяли для этой работы не лучших людей, механизаторов и просто рабочих. Разных людей назначали руководить этой бригадой, никто не справился. Бросали, уезжали.

Вот идёт планёрка и директор совхоза немного трагическим голосом сообщает, что срывается заготовка сена для района. Я сижу, и сердце моё застучало: «Сейчас пошлют моего Николая». И правда, директор сообщает, что районом решено послать Николая Ивановича, то есть моего мужа. Я стала возмущаться, возражать, даже плакать. Ничего не помогло. Меня уговорили, что Николай будет звонить по рации, а по хозяйству мне будут помогать. Николай справился с этим заданием, хотя это было нелегко. Один рабочий даже хотел его убить. Он подошел за его

спину с большим камнем, хорошо Николай почувствовал, повернулся. Конечно, он с ним поговорил по-мужски.

Он вёл себя просто, кушал вместе с рабочими за одним столом, вставал вместе с ними и ложился. Спал он в другой палатке, с ним был милиционер и парторг ещё. Было трудно. Когда он вернулся через месяц, я его не узнала – загорелый до черноты, худой, одет в студенческую форму. В то время студенты приезжали работать в совхозы и были одеты в брюки, рубашку и носили фуражки – всё тёмно-зелёного цвета, из какой-то прочной ткани. Вот таким появился Николай после этого сенокоса. Только его зубы ещё сильнее стали выделяться, они у него ярко-белые от природы.

Это был трудовой подвиг, дали ему или медаль, или орден, я плохо в этом разбираюсь, да путёвку на ВДНХ в Москву, вместе с женой. Так мы и в Москве побывали. Мы были глупые, за такую работу можно было что-то для себя выгадать, но тогда были другие времена, и о деньгах мы сильно не думали. Квартира была хорошая, с центральным отоплением, ванна и туалет были, была машина, и нам казалось, больше ничего и не надо. Кушать тоже всегда было. Мясо своё, овощи свои, а в совхозе был огород, и мой Николай, как агроном, имел первые огурцы, помидоры и арбузы, гречка в то время была дефицитом.

* * *

Я жила с моим мужем Николаем, как за каменной стеной. Знала, в трудную минуту он будет рядом обязательно, много не говорил, а скажет, так что-то весомое, мне сразу станет легко и всё понятно. Вспоминаю такой случай. Я уехала в райцентр сдавать годовой план совхоза, меня и жителей совхоза привёз автобус. Пришло время отъезда, погода стала портиться и позвонили Николаю,

спросив выезжать нам или заночевать в райцентре. Он сказал: «Выезжайте, я встречу». И мы поехали. Всего несколько километров отъехали, - дороги нет, впереди стоят застрявшие машины, и мы встали. Ни назад, ни вперёд. Нет дороги, а буран такой - сплошная белая пелена. Стоим ждём. Некоторые женщины уже стали плакать, замёрзнем, помощи ждать неоткуда. Я успокаиваю женщин - Николай обещал встретить, значит встретит. И открывает кто-то дверь автобуса, смотрю - мой Николай. Весь в снегу заглядывает в автобус, видит меня, говорит: «Ты здесь? Сейчас поедem. На бульдозере буду ехать чистить, а вы за мной». Вот так мы и поехали. Женщины кинулись обнимать его, все были очень довольны. Если бы не он, могло всё кончиться плохо. Так мы и добрались до дома. А Николай ещё вернулся спасать других людей, домой пришёл далеко за полночь. Вот за его отвагу люди и любили его, и уважали (1985 г.).

Николая Ивановича – моего мужа повысили и перевели в область, открылась новая область Тургайская, и его назначили председателем «Сельхозхимии». В то время начали большое внимание уделять и ядохимикатам. В каждом районе, и в области образовали отделы сельхозхимии. Нам дали трёхкомнатную благоустроенную квартиру, Николаю дали служебную машину «Волгу» с водителем. И я на ней покаталась. Но, началась перестройка и уже пенсионный возраст, и мы из Казахстана переехали в Россию.

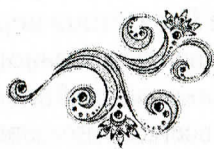
Прожили мы с Николаем Ивановичем хорошо, детей хороших воспитали. Николай любил меня и детей. Где бы я ни была, женщины всегда мне завидовали и говорили: «Вас, Раиса Павловна, Николай Иванович любит». Но у него был очень ревнивый характер, и мне было тяжело это переносить. Я тоже Николая чувствовала на расстоянии.

Он только подходит к дому, я если даже сплю — обязательно проснусь и стою уже у двери. Николай удивлялся: «Как ты знаешь, что это я?» А я чувствовала его, он не успевает постучать, а я уже у двери.

Много раз мы переезжали, он же быстро рос по служебной лестнице — от агронома до руководителя областного уровня. Я всегда знала, сколько мы проживём на новом месте. Мне снились вещие сны. Как только я просыпалась на новом месте, я утром говорила: «Долго мы здесь не проживём». Так и выходило.

Николай был хороший специалист, всё знал по своей работе, и всё умел — на комбайне работал, на тракторе пахал. Он прошёл путь от рабочего до главного специалиста области, и сеять умел, и пахать. Таких людей сейчас мало. Горжусь своим мужем. Смерть его разлучила нас. Был человеком с красивой душой. А сейчас я горжусь своими детьми — они самые лучшие.

Я уважаю людей, которые читают, а наши дети много читали, очень много и сейчас читают. А таких людей мало. Я в этом убедилась. Многие вообще ничего не читают, очень жаль. Мы же были самая читающая нация — всё ушло. Но, что поделаешь, такова жизнь.

ЧУДИНКИ МОИХ РОДНЫХ

 1961 году 25 октября я родила своего первенца Диму. Это произошло в Казахстане. В сельской больнице совхоза «Кень-Аральский» Кустанайской области. Ходила я легко, ни отёков, ни токсикоза, аппетит страшный. Я очень поправилась, и люди говорили, что это даже идёт мне, и я стала красивее.

Всё произошло так. Я ещё днём почувствовала некоторое недомогание, (ранее я прочитала книгу о беременности и родах) и поняла, это схватки. Целый день они были редкие и терпимые. Мы с мужем жили тогда у моих родителей. Где-то в пять часов утра как схватит меня, да так сильно, что я стала кричать. Все проснулись, помогли мне одеться и повели меня в больницу. Привели меня и сдали медработникам. Здесь работала моя сестра Фая. Меня положили на кровать в одну комнату, но я из-за сильной боли лежать не могла и бегала по палате. Зашла Фая, я с криком: «Фая, сделай что-нибудь! Мне больно! Мне страшно!» Но Фая, сказав какие-то успокоительные слова, быстро ушла.

Потом меня положили на специальное кресло, и я родила сына. Медсестра или врач сказала, что весь в оболочке, в «рубашке», родился, большой вес - четыре килограмма двести пятьдесят граммов, но худой был. Это спасло меня, иначе бы не разродилась. Он сразу как закричит, а мне стало так легко, так хорошо, как будто я на свет родилась. Попросила показать мне его — ручки и ножки, всё в норме. Было очень радостно. Я родила где-то в десять часов утра. Вскоре мне принесли покушать (как я просила маму) мои любимые пельмени.

На следующий день был обход, врач подошёл ко мне и говорит с тревогой в голосе: «Что с ней? Она опухла». Медработники отвечают: «Нет, она такая полная». Этого врача звали Пётр Иванович Кислицын — он говорит: «Вот,

Фаина Павловна, если бы ты была такая полная, то бы родила легко». И стал наш сыночек расти да расти.

ЧУДИНКИ ДИМЫ

 Дима, хотя был маленький, но такой любознательный, а может любопытный. Я в библиотеке брала книги для чтения, а Дима не пропустит, чтобы эти книги не посмотреть. Ему было всего два года. Я старалась пройти с книгами, чтобы он не видел, боялась, что он порвёт. А мама моя сказала: «Дай, он не порвёт, он аккуратно смотрит». Это так и было. Он был очень аккуратен. В лужу ни за что не полезет, руки чуть грязные - сразу моет. Если пойдём в огород, он берёт ягодки двумя пальчиками. Такой был чистюля. Бабушка (моя мама) ему позволяла и посуду в столе трогать. Это была у него игра такая. Он всю посуду из стола выставит рядом на пол, ничего не разобьёт. Потом всё назад поставит. И всё это делает очень аккуратно, не спеша. Мама говорила: «Будет продавец». А мясо любил!!! Не садился кушать без мяса. Особенно пельмени. Несколько раз объедался ими.

* * *

Был беспокойный, не спал почти. Днём он спал всего минут сорок пять, не больше. Ночью тоже спал плохо. Один раз днём он спал больше чем обычно, мы все были в тревоге, я, моя мама, мой отец, ходили и заглядывали в коляску - живой ли? Пока не подрос, всё это продолжалось. Глаза у него были строгие. Посмотрит, да так строго, если кто его позовёт или окликнет.

* * *

Я его очень ждала и после рождения долго носила на руках. Мне казалось, так быстрее. А один раз идём мы с ним из садика домой, выпал снег, да такой пушистый, все тропинки засыпал. А он говорит: «Мама, я пойду вперёд, а ты за мной». Идёт впереди и так старательно мне дорожку прокладывает. Одет он был в шубку из кролика, такую же шапочку и валенки. Маленький медвежонок. Я иду сзади него, и мне так хорошо — сын идёт сам. Иду и смеюсь. А Дима спрашивает: «Мама, а что ты смеёшься?» — «Что ты большой стал, от радости».

Маленький он говорил «пэ» — это пить. При этом в рот себе показывал. Это было так смешно и интересно.

* * *

Когда ему стало года четыре или пять, скорее всего, пять лет, он стал уже ходить в кино с ребятами и купаться убежал сам. И бегал так быстро, что догнать я его не могла. Убежит купаться на котлован (это было в Костряковке), я хвачусь — нет дома его. У меня уже была Света. Она заснёт, я — бегом на котлован. Он увидит меня и убежит, я за ним. Бежит, только белая голова сверкает. У него были светлые и волнистые волосы, я долго не стригла первородные волосы.

Конечно, прибежит домой. «Дима, — говорю, — я тебя буду водить купаться, когда Света заснёт, я за тебя переживаю. Не ходи один. Утонешь». А он отвечает: «Я уже умею плавать». Пришлось уступить.

* * *

Диме было лет пять. Он заинтересовался, как кто рождается. Дети, животные. В этом возрасте все начинают интересоваться, как и откуда кто взялся. Дима у меня спраши-

вает: «Мама, кошка долго лазила по крышам — принесла котёнка, курица долго-долго сидела на яйцах — появились цыплята, а корова не лазила по крышам — принесла телёнка». Я, конечно, рассмеялась, меня это так удивило и думаю, надо запомнить и записать. Что сейчас и сделала.

* * *

Был такой случай. Племянник Павлуша с сыном Димой сидят, ещё совсем малые, и говорят друг другу, не помню, кто именно что говорит. Один говорит: «Баба — нака», другой: «Баба — кака». И толкают друг друга. Вот такие мужчины.

* * *

Когда родилась Света, Дима меня, конечно, ревновал к ней. Однажды я сижу со Светой на руках и ножки ей целую. А Дима обиженно говорит: «Мама, почему ты мои ножки не целуешь?» «Дима, — говорю, — посмотри на свои ноги, они же грязные, ты везде уже бегаешь своими ногами. Когда ты был маленький, как Света, мама и твои ножки целовала». Он был моим ответом удовлетворён.

* * *

Он был очень любопытный. Всё хотел знать. Если ко мне кто зайдёт, а потом уйдёт, обязательно прибегает Дима: «Мама, зачем тётя приходила? Что она сказала?» Если можно, говорила ему, а нет, то придумывала что-нибудь правдоподобное, иначе не поверит и не уйдёт. Скажи, да скажи.

* * *

Когда Диме было четыре годика с лишним (я уже Свету ждала), поехала я с ним в гости в город Челябинск, к сестре Фае. Она жила в полуторакомнатной квартире с

Анатолием и Павлушей. Я купила там мебель, одежду. Жили мы тогда в Костряковке. Я уже писала раньше, что я Диму, если что нужно сделать быстрее, брала на руки, поэтому он не мог даже по лестнице спускаться сам. А Фая жила на пятом этаже. Да ещё в магазины ходить надо. Я и говорю Фая: «Наверное, мне коляску надо купить, так я смогу с ним быстро ходить». Оставлять дома детей, Диму и Павлушу, я боялась. Фая рассмеялась: «Не смейся людей». И стала Диму учить по лестнице ходить, он быстро научился. Но всё-таки с ребёнком ходить в магазин хлопотно, решили их с Павлушей дома оставить.

Приходим как-то домой после путешествия по магазинам, видим Дима, сидит наверху, на шифоньере, а Павлуша внизу ходит. Дима слезть не может. Это ещё ничего.

Другой раз приходим, они надели мужские галстуки на шею себе, а они же затягиваются, если один конец тянуть. Сидят на полу друг против друга, и Павлуша тянет галстук Димин к себе, затягивая петлю на шее Димы. Мы просто вовремя пришли. Я страшно испугалась.

Я приехала к Фая с деньгами, они были мелкие, тремя рублями все. Сумма была порядочная. Приходим с Фаяй, везде разложены деньги - на полу, на кровати, на кухне, в ванной, в туалете. Давай я их собирать.

После всех этих происшествий, я стала ходить по магазинам одна, а если и Фая со мной идёт, то брала с собой и Диму.

ЧУДИНКИ СВЕТЫ

вета родилась вечером, около восьми часов. Но она сразу не закричала, потому что её горлышко было обмотано пуповиной. Её клали в тёплую воду и холодную, шлёпали по жопке и, наконец, она закричала. Я,

конечно, была рада, что родилась девочка, как я хотела. Она сразу стала беленькой, её же выкупали. Медсестра пришла, увидела мою Свету: «Ой, какая беленькая, какая красивенькая!» И поцеловала её. Она лежит такая маленькая, кругленькая, щёчки пухленькие. Пришло время и пошли с ней домой. Всё это происходило в Костряковке.

Света маленькой была спокойной девочкой. Днём она спала долго и ночью хорошо спала. Старше стала, стала упрямей.

Один раз мы были все в гостях у Кати Зоненко (моя подруга). И вот она захотела домой. Стали мы все собираться. Было это зимой. Я её одела, и она вышла на улицу. Потом вышли все мы: я, Николай, Дима. Смотрим, а её нигде не видно. Кричим: «Света, Света!» А её нет, я уже волноваться стала. Она в темноте стоит молча, как столбик. Обиделась и наказала нас, пусть, думает, поищут меня. Так всю дорогу до дома шла молча и за руку не давала её взять. Вот такая упрямица.

* * *

Она любила петь, танцевать. Мы часто на лето к маме моей приезжали всей семьёй, кроме мужа моего Николая. И, как обычно, приходили все знакомые и родные наши: баба Васёна, тётя Настя, баба Дуся и другие. Света оденется и выступает перед ними, поёт, танцует и говорит: «Выступает Света Кириллова». А бабушки улыбаются, смеются и хлопают в ладоши. А один раз она говорит: «Как мне надоели эти беззубые старухи». И больше не стала им петь и танцевать.

* * *

Когда Свете стало четыре года с лишним, я ждала Колю. И вот один раз Света пошла к колодцу с Фаяй за во-

дой, и там увидели беременную женщину. И Света говорит: «Тётя как мама». А Фае интересно стало, что она имеет в виду, спрашивает: «Тётя полная как мама, да? У неё такой же большой живот». Света на все каверзные вопросы Фаи молчала, а потом говорит твёрдо: «Не хочу про это говорить». Вот такая умница.

Фая в то время кормила дочь Юлю грудью. И Света говорит Фае: «Тётя Фая, дай пососать сисю». Фая отнекивалась, а потом разрешила. Света и так и сяк. Попросила Фаю: «Ты ляжь и закрой глаза, тётя Фая». Сама примерялась пососать (Фая смотрела сквозь пальцы). И не смогла грудь взять в рот, пососать её. Потом говорит: «Тётя Фая, я хочу назад, как Юля, тогда буду сосать». И уже больше сосать не просила.

* * *

Света тоже где-то в возрасте четырёх-пяти лет заинтересовалась, откуда берутся люди, животные, почему на небе звёзды, и ей стало страшно жалко, что все умирают. «Мама, — говорит Света, — я не хочу умирать, я не хочу чтобы вы с папой умирали, Коля, Дима». И очень плакала. Я её стала успокаивать «Света, — говорю, — это будет не скоро. Мы будем жить долго, и ты будешь жить долго. Это не скоро». Кое-как я её успокоила. Кажется, вопросов о жизни она больше не задавала, что-то она поняла своим детским умом, лучше об этом не говорить.

* * *

Мы жили в совхозе «Мирном», Николай, мой муж, был директором совхоза. Вечером едем на машине мимо магазина всей семьёй. Света хочет зайти в магазин и что-то купить там, я говорю: «Света, магазин уже закрыт». «Нам откроют, мы — директоррры!» Это было так смешно, она

ещё слово «директоррры» — сказала так, как будто там много «р».

ЧУДИНКИ КОЛИ

 Коля родился 20 июля 1971 года, в два часа дня в городе Аркалыке, в роддоме. Вес его был три килограмма пятьдесят граммов, но был худой и слабый. И вот он стал расти и расти.

Ему было, наверное, годика три. Я работала экономистом, и надо было составлять промфинплан — такой план для совхоза на год. Его обычно составляли все экономисты района в районном центре и сразу же там проверяли каждую главу. Вот мне надо было уехать, поэтому Колю, как самого маленького, взяла к себе Нина, моя сестра.

Он уже прожил две недели у Нины (это было в Карасу), я поехала за ним. Приехала. Коля очень обрадовался. А Нина хвастается, что он её стал мамой называть. И говорит: «Коля, скажи мне «мама». Он долго молчал, а потом говорит: «Нинка». Мы долго смеялись. Вот это ум!

* * *

Как-то мы Колю отдали бабушке и дедушке пожить немного, а сами (то есть я и Николай) поехали на отдых. Это было зимой. Коля сильно скучал, и отец (мой отец) придумал игру: Коля — отец, а дед наоборот — сыночек. Коле такая игра нравилась. Приехала я за Колей. Он что-то закапризничал, а дед и говорит: «Давай, Коля, поиграем: я — сыночек, а ты — отец». А Коля отвечает: «Нет, теперь я сыночек, моя мама приехала».

Мы долго смеялись.

* * *

Однажды мама говорит: «Ваш сын Коля матерится, да к месту». Я удивилась, никогда ничего плохого я от Коли не слышала. «Как, — спрашиваю, — матерится, да ещё и к месту?» — «А вот как. Напекла я шанешек да и говорю: «Шанешки» получились румяные, да красивые». А Коля взглянул на них и говорит: «Ни х.. шанешки». Мои отец и мать так и повалились со смеху. Вот какой хитрец. Да, он был хитренький.

Однажды Дима задержался, мы с Колей дома, на кухне, и я, волнуясь, говорю: «Да где же он? Что-то долго нет его». А Коля, чтобы мне угодить и говорит: «Вот паскуда». Я спрашиваю очень строго: «Как? Что ты сказал?» А он говорит: «Дима — посуда, Димка — чашка, тарелка». Я отвернулась и засмеялась, а Коля с облегчением вздохнул — гроза прошла. Вот какой хитренький был Коля маленький.

ЧУДИНКИ НИКОЛАЯ

(моего мужа)

 Мой муж Николай другой раз мне напоминает деда Щукаря — выходки такие же смешные и нелепые.

* * *

Мы обрезали отопление центральное — надо было сделать печку на кухне с котлом, то есть местное водяное отопление. В целях экономии (он любил экономить — где надо и не надо) печку решил сделать сам. Он меня отослал подальше, чтобы я не мешала. Когда сделал, позвал меня. Смотрю, а у печки три стенки, а четвёртой, так он посчитал, стала стена комнаты. Он подумал, что так печка будет греть стенку и будет теплее. Я страшно возмутилась и ска-

зала: «Нет герметичности, не будет тяги, не будет печь гореть. Замерзнем». Мы страшно поругались, но переделывать он отказался. В результате на кухне часто был вонючий дым, печь не горела, и было очень холодно. Мы чуть не замерзли, и чуть-чуть не задохнулись. Вот нашего деда надо за эту печь поместить в книгу Гиннеса.

* * *

Николай работал перед пенсией рабочим на заправке ГСМ. Это было в Батамше, шла перестройка. Всё было сложно. И как-то к нам зашёл работник прокуратуры или из какого другого проверяющего ведомства и разговаривают с ним, с дедом. И он говорит, этот работник: «Кто-то у вас продаёт бензин или что-то по двадцать тенге», а Николай: «Я не продаю по двадцать тенге». Короче, он сделал страшное признание о продаже — этот чиновник от неожиданности замолчал, а потом перевёл разговор на другую тему, сделав вид, что ничего не слышал. Я стояла рядом в это время. Ушёл чиновник: «Ну и что ты сказал, Николай?» — «Я сам не знаю как вышло». Хорошо, что чиновник был человеком.

* * *

Как-то я уехала в Орск из Батамши (у нас уже была в Орске куплена квартира) и попросила Николая развесить выстиранное бельё (трусишки наши, мои и внучки Даши, маечки, короче, всякую мелочь). Не долго думая, он развесил бельё в зале (где мы обычно отдыхали и смотрели телевизор) на мебельную стенку — на её ручки, на настенную лампу. Везде, где хоть чуть-чуть был какой-то выступ. Пришёл знакомый и от удивления остановился у порога

(везде висели майки и плавки), а Николай говорит: «Фарид, проходи, не бойся!» Такой наш неординарный дед.

* * *

Сижу я как-то в зале, я только что приехала из Орска и заметила, что веранда у деда грязная, пол грязный, вода и грязь. Думаю, отдохну и вымою. Вдруг слышу, кто-то пришёл, а дед говорит: «Разувайтесь, разувайтесь». Я думаю: «Кого он разувает? Там грязно». Выхожу и вижу, в растерянности стоит знакомая женщина с дочкой и, видя эту грязь, не решаются разуться. Я к деду: «Ты что говоришь?». А он — хлоп себя по лбу: «Фу, ты надо говорить раздевайтесь, проходите, а я разувайтесь, разувайтесь». Было очень смешно.

* * *

Как-то мы втроём, (жили мы тогда в Батамше) я, Даша и Николай пошли в магазин. Идём чинно, вдруг нас догоняет знакомый молодой мужчина, здоровается с нами и идёт некоторое время рядом с Николаем. Потом ускоряет шаг, дед наш, как заколдованный (еле успевая), идёт за ним, и что-то всё спрашивает. Уже ушёл дед от нас вперёд, не понимая, что он мешает этому мужчине. Мужчина ещё ускоряет шаг, и дед тоже, забыв про нас. Как будто кто его за верёвочку привязал к мужчине. Смотрю я, так и уйдёт ведь, зачем, сам не зная. Окликаю: «Николай, Николай!» Он остановился, вид был потерянный. «Ты куда?». — «Не знаю», — отвечает. Я и Даша смеялись над ним, а дед сам удивился своему поведению. Это склероз так подшучивал над нами.

* * *

Отмечали мы мой день рождения. Это было в Казахстане, в Батамше. Ждали наших детей — Диму, Колю и

внучек. Как всегда, дед не дождался и уже поел. Приехали все, сели за стол, а дед не садится, ходит туда-сюда. Дима говорит: «Отец, что ты не садишься?». Дед отвечает: «А я не хочу». Дима: «Ты, отец, культурный человек или нет?» «Сажусь, сажусь», — говорит дед. И Дима предложил ему сказать что-нибудь поздравительное. Николай встал, взял бокал и говорит: «Я сейчас скажу текст, фу ты торт, фу ты тост». Это было так смешно. Больше всех смеялись Даша и я. Дед — потешник.

* * *

Особенно Николай любил строить что-либо. Но терпения у него делать аккуратно и хорошо никогда не хватало, и часто были курьёзы. Как-то говорит: «Поеду строить забор для дачи». Жили мы тогда в городе Аркалыке. Материалом строительным для забора были дощечки от ящиков. Они были разные по размеру. Я ещё говорю: «Не смей, не строй без меня, сделаешь не так». Он обещал. Приезжает часа через четыре и говорит, хвастаясь: «А я сделал забор». Я удивилась и спрашиваю: «Как так быстро? Там много работы». Я сразу поняла — что-то не так. На следующий день поехала посмотреть на это чудо. Как пришла к даче, чуть не упала — доски были прибиты кое-как. Длинная, а рядом — короткая. Это было какое-то уродство. Я так рассердилась, хорошо толкнула этот забор, он и повалился на бок.

Вот такой дед-«строитель».

* * *

Другой раз он выводил меня из себя своими причудами. Просится уйти гулять, я не пускаю и говорю: «Неужели ты не нагулялся?». Он отвечает: «Я нагулялся, душа не нагулялась». «Ах, так!» — возмутилась я. Открыла дверь

и говорю: «У-хо-ди! И не при-хо-ди!» Не дай Бог, чтобы это качество было у кого ещё: в детях, во внуках.

ДЕВОЧКА ДАША

(моя внучка)

аша родилась ночью, где-то в двенадцать часов тридцать минут с 26 на 27 мая. Маленькой, очень чёрненькой. Когда везли её в общежитие (это было в Караганде), шёл проливной дождь. Женщина, что с нами (случайная попутчица) ехала, сказала: «Это к счастью». Пусть будет так.

* * *

Как-то к нам приехал Дима с дочерью Сашей. Саша уже ходила, а Даша только ползала. Пришли Дима с Сашей и стоят, Даша увидела Сашу и ползком к ней. Я хотела взять на руки Дашу, а Дима говорит: «Подожди, мать, посмотрим» (как всегда любопытство его). Даша ползёт к Саше. Саша стоит как нарядный столбик с большими голубыми глазами и смотрит с удивлением на Дашу. Даша подползла к Саше, уцепилась за её одежду и поднялась на ноги. Стоят, качаются вперёд-назад, и смотрят в глаза друг другу. Потом Саша не выдержала и упала, а с ней и Даша. Обе заплакали. А Дима смеялся. Экспериментатор!

* * *

Маленькая Даша очень любила музыку, она ещё не ходила, а держалась одной рукой за что-нибудь и так смешно крутила своей попой под музыку. У нас не было музыкальных инструментов, пришлось ей купить магнитофон детский на батарейках. У нас в Батамше свет включали часто. Вот я включу ей музыку и иду заниматься

домашними делами. Знаю, что Даша танцует, и больше ничего её не интересует.

* * *

Маленькая Даша, приблизительно лет до трёх, сильно кусалась. Где увидит голое тело, подкараулит и укусит, да сильно, до синяков. У меня руки от кистей до локтя были все в синяках от Дашиных укусов. Только засмотрюсь на телевизор, руки обычно на спинке кресла, Даша обязательно укусит. Я кричу: «Даша, бабе больно!» А синяк уже готов. Летом пошла в магазин, платье с коротким рукавом, люди на мои руки смотрят, думают, наверное, муж побил (ну как обычно), а я говорю, что меня внучка покусала. «Да по зубам ей дать», – советуют. Но, нет, я не била за это Дашу, терпела, и все кусания прошли.

Дед, как-то сидит, раздетый, без майки даже, смотрит телевизор, а Даша потихоньку подошла, цап его за бок, дед аж взвился, да как заорёт, да с диким криком за Дашей, а я – цап Дашу в охапку и в комнату и закрылись на крючок. Подождали, пока дед успокоится и вышли. Потом смеялись вместе.

ДЕВОЧКА ДАША

(Даша, это тебе)

ила-была девочка Даша, она жила у бабушки и дедушки в деревне. Ей было четыре годика или чуть поменьше. Даша очень хотела маму, она знала, что где-то есть её мама, но почему-то рядом её нет. Когда Даша гуляла с бабушкой на улице, она, увидев молодую женщину, спрашивала у бабушки: «Это моя мама?». «Нет, говорила бабушка, – твоя мама далеко и она скоро придет, или мы к ней поедem». И Даша ждала маму.

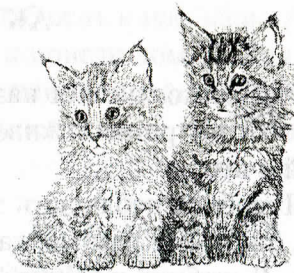
Однажды идём с Дашей в магазин, она видит детей с мамашами, ей, наверное, стало чуть завидно, спросила у бабушки: «А с мамой жить хорошо?». «Конечно, хорошо», – ответила бабушка. Даша долго ходила с бабушкой в магазине, и всё думала, думала. А, выйдя из магазина, сказала: «Раз с мамой жить хорошо, я хочу к маме». «Будешь жить у мамы, – ответила бабушка. – Скоро мы поедем к твоей маме.

И вот пришло время, и поехала Даша к маме с бабушкой да ещё и с дедушкой. Было Даше в дороге всё интересно. На вокзале людей много – интересно, поезда туда-сюда ходят – интересно, всё как в сказке – необычно. Но в голове у Даши засела одна мысль: где будет спать дед? Раньше Даша ездила с бабушкой. Вот она и спрашивает: «А где дед будет спать у мамы»? Бабушка посчитала вопрос этот не серьёзным и ответила: «Найдём место».

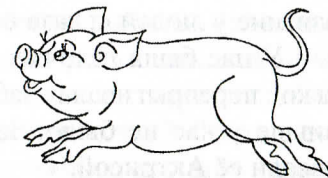
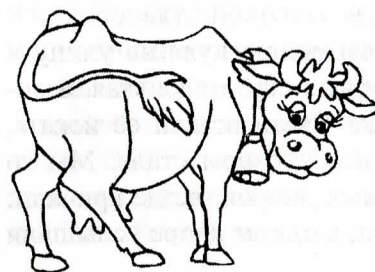
Вот подошёл поезд, и все люди, и Даша с бабушкой и дедушкой сели и поехали. Далеко. Даша сразу заснула, и её разбудила бабушка: «Даша, вставай. Просыпайся, приехали к маме». Даша проснулась и мысль, где же будет спать дед, всё ещё её беспокоила, она и говорит: «Дед, а я тебя не возьму!». «Почему?» – спрашивает бабушка. «А ему спать негде», – отвечает Даша. Бабушка засмеялась и говорит: «Найдём место. В той комнате, где мы с тобой спали, стоят две большие кровати. На одной мы с тобой спать будем, на другой – дед». Даша: «Тогда деда возьму». И тут в вагон забежала мама Даши. Даша обрадовалась, обняла маму и решила жить у мамы. Хоть у бабы хорошо, но у мамы лучше, она молодая и красивая. А Даша хотела, чтобы у неё тоже рядом была мама.

Вот такая история. Всё это истинная правда. В чём подписываюсь: **бабушка Кириллова Раиса Павловна.**

Всего тебе хорошего, Даша!

ЧУДИНКИ МОИХ ЖИВОТНЫХ

АКТРИСА

 Несколько лет назад мы жили в деревне. Держали разных животных: крупный рогатый скот, свиней и птицу.

Я любила наблюдать за животными. Это очень интересно, они такие разные, как люди, имеют характер и привычки. Я любила животных, не обижала их. Говорила им разные ласковые словечки: ты хорошая, умная, умница. Животные мне отвечали преданностью и любовью. Мы понимали друг друга.

Как-то мы продали нашу молодую коровку людям, а она пришла к нашему двору через год. Встала у забора и мычит. И так несколько раз за лето. Хозяйка коровы обижалась на меня и считала, что я корову привораживаю. Но это не так. Видимо, хозяйка плохо относилась к корове, вот она и прибегала ко мне. Когда любишь животное, то устанавливается какая-то невидимая связь.

Особенно мне нравились маленькие телята. Они такие милые, ласковые, стараются лизнуть тебя, а язычок у них мягкий, нежный. А глаза? Такие большие, в длинных ресницах. Я бы сказала, глаза у них с поволокой, отсюда и название у людей «глаза с поволокой».

У нас была тёлочка. Такая ласковая попрыгунья, она легко перепрыгивала забор. Таких телят-«попрыгуней» раньше у нас не было. За её весёлый нрав и прыжки мы называли её Актрисой.

Вот однажды наша Актриса выпрыгнула на улицу и пропала. Убежала куда-то, она была ещё маленькая, а дорогу к дому не знала. Я и дочка Света пошли её искать, нам посоветовали поискать её в совхозном стаде. Мы со Светой обошли несколько скотных дворов, везде кричали: «Актриса, Актриса!» И, наконец, в одном дворе услышали

в ответ мычание, и, о, — радость бежит к нам наша Актриса. Мы её выпустили со двора, и повели домой. Она очень любила хлеб с солью, мы захватили такой кусочек с собой. Так и привели её домой, давая иногда хлеб. Вот такие случаи бывают с животными.

УМНАЯ КОРОВА

 Когда мы жили в деревне, у нас была корова симментальской породы. Она была большая, красивая, окрас волоса у неё был желтоватый с белыми пятнами. Вот мы ждём отёла, все сроки прошли, а телёнка нет. А наша коровка ходит, как ни в чём не бывало, и не думает принести нам телёнка. Жалко её, но всё-таки решили продать, ветврач посмотрел и сказал, что она не стельная. А тут так обстоятельства сложились, уехать мне и мужу надо, примерно на неделю. Ну и решили, сдачу коровы отложить.

Приезжаем через неделю, у коровы огромное налитое вымя, вот-вот отелится. Так наша Зорька (так звали корову) спасла себя. Пришло время отёла. Это было летом, в июле, роды принял муж с ветврачом, родился один телёночек, да такой маленький. Мы все удивились, такой маленький. Я ветврачу говорю (зная, как он умеет ошибаться): «Может у неё второй телёночек есть»? Он потыкал нашу Зорьку, пощупал и сказал «Ничего у неё больше нет». Привязали корову в стойло, а телёночка в его клетку и пошли на работу. А корова моя всё мычит так сильно, беспокоится, и на меня смотрит. Смотрит так, как будто что-то сказать хочет. Пошла я домой, занялась домашними делами, а на душе что-то тревожно — почему мычала корова? Дай, думаю, пойду посмотрю. Захожу в сарай, о, ужас,

лежит второй телёнок, в оболочке, родился только что. Я очень брезглива, но тут поборолась, разорвала этот мешок и освободила телёночка. Наша Зорька родила двух телят, поэтому они были маленькие, поэтому и мычала она: «Хозяйка, хозяйка не бросай меня, у меня второй телёнок есть». Вот тебе и врачи. Мы все были очень рады такому прибавлению.

КОТ ВАСЬКА

 Приехала дочь Света ко мне с детьми, с моими внуками Дашей и Викой. Я жила в районном центре, в двухэтажном доме, на первом этаже. И однажды Даша приходит домой и приносит котёнка — маленького совсем, чёрного-чёрного, с большими красивыми глазами. Даша говорит мне: «Баба, возьмём его, он сам ко мне пришёл», а я где-то даже читала, когда кошки сами находят себе хозяина — это хороший знак. И я согласилась оставить этого котика. Назвали его Васей, Васькой. Вася сразу признал Дашу своей хозяйкой, ходил за ней, спал у неё в ногах, есть у неё просил, и Даша его кормила. Он в туалет сам просился выйти на улицу, хотя был маленький. Подойдёт к двери и мяукает. Если подойдёшь к нему, то он так настойчиво мяукает, на улицу просится, мы понимали зачем. Дверь квартиры откроешь, он — шмыг в открытую дверь, сбежит по лестнице и мяукает уже возле наружной двери. Откроешь, он выбежит на крыльцо, но сразу не убегает, а стоит осматривается, а хвост его так и ходит туда-сюда. Потом сбегает по ступенькам и бежит куда ему надо: или гулять, или в туалет. Любил бегать по полянке возле дома и бабочек догонять.

Но вот пришло время Даше уезжать, и она просит меня не выбрасывать Васю. Даша даже хотела его забрать с

собой, но у неё три пересадки, она ехала далеко, вещей много. Да и я привыкла к Васе, конечно, его не выброшу, я любила животных. Вася остался со мной, вначале скучал — часто мяукал, ходил по комнатам и будто искал что-то, но я его успокаивала. «Вася, — говорю, — Даша уехала, ты будешь со мной». Вскоре он привык ко мне, просил еду у меня и спал у меня в ногах. Всё стало хорошо.

Но вот настали холода, и у меня появилась проблема, как отпускать Васю на улицу в туалет. Холодно, Ваську жалко. Купила ему кошачий туалет, а как приучить, не знаю. Пришла соседка, поделилась я своей проблемой. Вася любил соседку, всегда приходил к ней и лежал у неё на коленях. Она взяла Васю на руки и поднесла его к лотку. Поставила его туда и его ногами сделала такое движение, будто он что-то зарывает. Я набросала в туалет бумаги. Соседка держит его и говорит Васе: «Вася, сюда ходи пись-пись». Мы смеялись над этим, но что не сделаешь, чтобы Васе было хорошо. И вот я вижу в туалете у Васи мокрую бумагу, ура, ура — Вася понял. Мне легко стало на душе. Проблема решена.

Вася оказался понятливым, умным. Он действительно был умным, быстро запомнил наш дом, не терялся, ходил за мной и соседкой везде. И в магазин он за мной идёт, я брала его на руки, боялась что потеряется, а он вырывался. Отпустила его, он пошёл за мной, но не сзади, а по другой стороне тротуара, сам смело переходил дорогу. Я переживала за него, когда он важно и, не спеша, переходит дорогу, ведь машины ездят, но он каким-то чутьём понимал, как ему перейти. Зайду в магазин, он остаётся снаружи, выйду — нет его. Ну, думаю, потерялся. Домой прихожу, он играет возле дома. Я рада очень. «Вася, Вася, пойдём домой!». Нет, убегает, не хочет в дом. Также он ходил в магазин и с соседкой. Короче умный котик.

Весь подъезд любил Васю, все ему двери открывали, запускали домой, потом позвонят и говорят: «Вася пришёл». Вася ел домашнюю еду, что я, то и он. Но вдруг он не стал есть эту пищу, а сам мяукает, просит есть, подойдёт к чашке с едой и мяукает, да так требовательно, и смотрит на меня. Что делать? Соседка посоветовала дать ему «Китикет». Купила, дала, ест с таким удовольствием. Так мне пришлось кормить Васю разными видами готовой кошачьей еды.

Я пила валерьянку, так Вася просил её, можно было умереть со смеху, как он это делал. Подойдёт ко мне и мяукает, и ведёт меня к тумбочке, где у меня лекарства лежат. Смотрит на меня, убегает к тумбочке, и если я не встаю, он сильно громко мяукает и беспокойно бежит от меня к тумбочке, показывая, что ему надо и требовательно кричит. Я возьму флакон валерьянки, он быстро бежит впереди меня на кухню к своему блюдечку. Стоит возле него и мяукает. Я дам ему чуть-чуть валерьянки, разбавляя водой, он так рад, бросается к этому блюду и лакает.

Вася вырос и стал пропадать из дома. Первый раз я его потеряла аж на три дня, думала, всё, нет Васи, искала. Нет его. Приходит худой и грязный, бегал за кошечками. Пришлось его мыть с шампунем. Постепенно я привыкла к его исчезновениям, стала спокойнее относиться, если он вдруг не придёт домой. Загулял Вася. Да и мой сын Коля, который жил со мной. Говорю как-то: «Я, наверное, стерилизую Васю», а Коля так сердито говорит: «Не дам Ваську калечить, не дам».

Коля тоже полюбил нашего Васю, везде брал его и клал с собой, но Васе категорически это не нравилось. Он, лёжа возле Коли, смотрел на меня тревожным взглядом, будто просил его забрать. Как только Коля приходил домой, он уже убегал и прятался под шифоньером в дальнем

углу. Но не всегда это Васе помогало. Коля ляжет на пол возле шифоньера и достанет Васю, ляжет на диван и его рядом положит. Кот на расстоянии чувствовал Колю. Вижу Вася бежит и прячется, значит Коля идёт. А соседку полюбила, она к нам только подходит, а он уже сидит у дверей и ждёт её.

А в какой позе Вася спал. Это надо было видеть. Он редко когда спал, как все кошки, свернувшись клубочком. Его позы у моей соседки вызывали умиление: «Ну посмотри, Раиса Павловна, как он лежит. Мои кошки так не лежат». Да я и сама видела, Вася как-то ложился спать по-особенному. То ляжет прямо на спину, ноги кверху, то ляжет — передняя часть туловища боком, а задняя — ноги кверху, то весь вытянется в струнку, все ноги в стороны, голову запрокинет мордочкой вверх и весь дугой изогнётся. «Вася, ведь плохо так лежать», — другой раз я ему говорю, он так снисходительно откроет глаза, посмотрит своими большими глазами, и лежит по-прежнему. Нравилось ему так лежать.

Васю все любили, а дочь Света и внучка Даша, когда звонили мне, всегда спрашивали о нём. Чтобы его не обижали, я купила открытки с фотографиями котика и со смешными надписями, и всем жителям нашего подъезда подарила открытки от имени Васи, положила всем открытки в ящики для писем.

Васю никто не обижал. И мне спокойно и хорошо. Иногда думаю, хорошо, что у меня есть Вася, всё не так скучно.

КУЗЯ

есколько лет назад мы жили в деревне. У нас были собаки Кузя и Белочка. Кузя был рыжий,

лохматый, очень любил свободу, так что удержать на привязи его было просто невозможно. Белочка была помоложе (совсем крохой, её подобрала моя внучка Даша), и своё имя получила за белую пушистую шерсть с редкими черными пятнами. Хотя Кузя был старше Белочки, он никогда её не обижал. Бывало, положишь им еды, каждому в его чашку, Белочка быстро съедала свою порцию и бежала к миске Кузи. Кузя, как настоящий джентльмен, сразу отходил, садился в стороне и только смотрел, как Белочка доедает его харчи.

Однажды случилась такая история. Кузя очень любил провожать меня в магазин. А тут и Белочка за нами увязалась. Я её долго гнала домой, но она ни в какую. Вдруг из-за угла показался мужчина с собакой. Белочка заинтересовалась незнакомцем и побежала за ними. Я остановилась, смотрю, чтобы Белочка обязательно домой свернула. И вижу, Кузя вытянул голову, уши наострил и тоже за Белочкой наблюдает, мол, не побежит ли мимо дома. Видит, безобразница домой не собирается, рванул с места, догнал Белочку и вернул её домой.

Вот такие они животные умные!!!

МУСЯ СЕРЕНЬКАЯ

 Когда я была маленькая, ну не очень маленькая, а школьница младших классов. Я росла в деревне, а в деревне, конечно, имелось хозяйство: коровы, овцы, свиньи. И было принято так, отелилась корова – на первые два-три дня телёнка заносят домой, обычно на кухню. Мы, дети, с любопытством смотрели на телёнка – бычка или тёлочку. Телята обычно рождались зимой, в сарае холодно, новорождённый теленок мог простыть, заболеть.

Для крестьянина потеря телёнка – большой убыток и даже горе.

Все ухаживали за телёнком. Когда он мочился, мы, дети, подставляли посудинку, а если он оправлялся – это уже убирала мама. Все ласкали телёнка, гладили его. Ласково по имени называли. Если рождался в январе – был Январька, в феврале – Февраль и так далее. Иногда давали и другие, человеческие имена. Жили мы рядом с животными. Если овечка родила – дома живёт маленький ягнёнок, которого или мама, или папа носили в отельные часы на кормление. Так мы жили рядом с животными почти всю жизнь. Даже когда я уже вышла замуж, и у нас уже были дети, привычка заносить новорождённого телёнка или ягнёнка домой, сохранилась. И мои дети тоже росли рядом с животными.

Но жизнь менялась, и мы, наконец, пришли к выводу, что необязательно животных заносить домой. Построили такую клеточку, небольшую, обшили снаружи тёплым старым одеялом, пол толстым слоем соломы застелили. В этой клетке помещался телёнок или два ягнёнка. В клетке создавался приятный микроклимат. Так мы освободились от этой привычки заносить животных домой. И им лучше – свежий воздух, мать рядом, привычная обстановка.

Я особенно любила кошек, именно кошечек и определённого цвета. Брала серых пушистых котят. Ухаживала за ними, кормила. Они спали со мной на моей кровати. Особенно мне помнится одна кошечка. Она была пушистая, серого цвета, который я любила. Я взяла её у одной женщины ещё совсем маленькой. Она даже не умела пить молоко. Много я с ней намучилась, пока моя кошечка Муся – так я её назвала – научилась лакать молоко. Вначале она слизывала молоко с моей ладони, но потом стала сли-

зывать и с блюдечка. Я так её любила, и мама меня называла кошачьей матерью.

С Муськой мы были неразлучны. Мы с ней даже играли в прятки. Такая умная была она. Мы играли в прятки так. Муся пряталась, а я шла её искать, «Муся, Муся, – говорила я, – я иду искать». Она где-нибудь спрячется, прижмётся за какой-то вещью и сидит. Я подхожу и говорю, обязательно надо, чтобы глаза наши встретились: «Я тебя нашла, Муся, вот ты где». Поворачиваюсь и иду, прячусь где-нибудь. Муська подбегает, глянет мне в глаза и бежит прочь от меня. Она прячется. Мы с ней играли так долго, пока обе не устанем. Это была наша любимая игра, я говорила родителям: «А мы с Мусей в прятки во дворе играем». – «Ну играйте», – отвечали родители.

Однажды случилась беда. Моя Муся заболела, смотрю, лежит она, вся вытянулась, не мурлычет и не ест. Я сильно плакала, жаль было кошечку. Но я ничем не могла ей помочь, и родители тоже не помогли. Это сейчас есть ветлечебницы, а в то время этого не было. Умерла моя любимая кошечка Муся. Я очень долго переживала. После этого случая, я долго не брала кошечек, боялась повторения случая. И, только когда совсем стала взрослой, у меня жили кошки, испуг за жизнь животного прошёл.

МУСЯ РЫЖАЯ

днажды я и внучка Даша пошли на базар. Смотрим, стоит женщина и предлагает маленьких котят. Даша, любительница кошек, остановилась, – ей очень понравилась рыжая кошечка. Даша упросила меня взять её, да и я не смогла устоять против её настойчивых просьб и согласилась. Идём домой, Даша такая радостная, держит

кошечку на руках, навстречу идут мальчишки и бросили так презрительно: «Блохастик», но мы ничего такого не заметили. Пришли домой, и моя дочь Света кошечку осмотрела и говорит: «У неё блохи, надо её лечить». Пришлось мне и Даше идти за специальным шампунем. Света выкупала кошечку с шампунем, та высохла, стала очень чистая и красивая, с лохматой рыжей шёрсткой.

Несколько дней она была беспокойна, мяукала, не спала почти, потом привыкла, стала пить молоко и быстро нашла отведённое ей место для туалета. Такая понятливая кошечка. Дали ей имя Муся, Муська. Всё лето мои внучки Даша и Вика ухаживали за Муськой, и играли с ней. Но вот пришло время моим внучкам уезжать, осталась Муся на моём попечении. Кошечка ласковая. Чтобы её погладить, подходит и трётся головой об мои руки и даже легко покусывает их. Начнёшь её гладить, а она от удовольствия мурлычет и глаза закрывает.

Она от меня не отстаёт, куда я, туда – она. Я подойду к окну на кухне, смотрю на улицу, кошка прыг рядом на подоконник, и меня ласково лапкой трогает, смотри, мол, я тоже здесь. Я оглянусь на неё, скажу ей что-нибудь ласковое, поглажу. Смотрим вместе на улицу, а иногда она и одна сидит на подоконнике, смотрит, что происходит за окнами. Ей всё интересно.

Муська любит играть с мягкой игрушкой, она носила её в зубах с места на место, покусывала её, потеряет её и снова найдёт и опять играет. А однажды она нашла на полу пластмассовую пробочку от бутылки, и стала с ней играть, катать её. Я взяла эту пробочку и бросила в сторону. Муська побежала за пробкой, нашла её, взяла зубами и принесла ко мне, положила у моих ног и мяукает и смотрит на меня. Я догадалась, что ей надо. Взяла эту пробочку и бросила её подальше, Муська – за пробкой нашла её и

принесла ко мне, я опять бросила пробочку, Муська за ней. Так у нас появилась новая игра. И Муське не скучно, и мне интересно.

Выросла наша Муська, стала большая, сильная, давай запрыгивать куда повыше. Стала она прыгать на телевизор, с него — на мебельную стенку. Это её забава мне не понравилась. Я боялась за целостность телевизора, и поэтому я решила к Мусе принять воспитательные меры. Я взяла её на руки, пошла с ней к телевизору и, показывая ей на него, грозя пальцем, сказала: «Муся, сюда прыгать нельзя, нельзя!». Легонько шлёпнула её и отпустила. Она не стала прыгать на телевизор, и я успокоилась, значит Муська всё поняла.

Но однажды я просыпаюсь ночью от характерного звука: прыжка Муськи на телевизор. Выхожу из спальни, а Муська прыг с мебели на телевизор, потом на пол, и убежала, спряталась. Чувствует, что виновата, хитрющая кошка.

Я решила подождать её, всё равно выйдет из своего укрытия. Села на диван, жду. Через некоторое время она вышла из своего убежища и села подальше от меня, и хитро так на меня поглядывает, а я на неё. Наконец, я подошла к Муське и взяла её на руки, она повисла у меня на руках, как тряпочка. Уши прижала, голову вниз наклонила, лапки как кисти. Знает, что напроказничала. Подхожу с ней к телевизору и, показывая на телевизор, грожу ей пальцем и говорю: «Муся, сюда прыгать нельзя, нельзя!», потом шлёпнула её и отпустила. Она убежала и села от меня подальше, обиделась. Но обида её скоро прошла, и мы снова стали дружить.

Вот такая умница, хитрюша наша Муся!

СОДЕРЖАНИЕ

Зигзаги жизни.....	3
Чудинки моих родных.....	125
Чудинки моих животных.....	141

Раиса Павловна Кириллова

Зигзаги жизни

и

Чудинки моих родных

Рассказы

Публикуется в авторской редакции

Формат 148x105, 1/32. Уч.-изд.л. 10,3. Усл. п.л. 8,8
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman»
Заказ № 129. Тираж 100 экз. 2015 г.

Отпечатано из готовых файлов
ГУП РБ «Сибайская городская типография».
ИНН 0267002062.
453833, РБ, г. Сибай, ул. 3.Валиди, 22.
Тел.: 34775 2-55-22